Orthódoxi Evrópi

STUDIA DO DZIEJÓW KOŚCIOŁA PRAWOSŁAWNEGO
W EUROPIE WSCHODNIEJ

Rocznik
Pracowni Historii Kościoła Uniwersytetu w Białymstoku

vol. 7/2024

vacat

Orthódoxi Evrópi

Studia do dziejów Kościoła prawosławnego w Europie Wschodniej

vol. VII / 2024

Православная Европа
Исследования по истории Православной Церкви в Восточной Европе

Orthodox Europe
Studies for the history of the Orthodox Church in Eastern Europe

Ορθόδοξη Ευρώπη
Μελέτες για την ιστορία της Ορθόδοξης Εκκλησίας στην Ανατολική Ευρώπη

Białystok 2024

Rada Naukowa:

ks. bp. dr hab. Warsonofiusz Doroszkiewicz (Warszawa), ks. bp. dr hab. Andrzej Borkowski (Białystok), Prof. dr hab. Antoni Mironowicz (Białystok), Prof. dr hab. Walentyna Tepłowa (Mińsk), Prof. dr hab. Jerzy Ostapczuk (Warszawa), Prof. dr hab. Andrejs Gusachenko (Riga), Prof. dr hab. Angelika Delikari (Saloniki), Prof. dr hab. Nikołaj Nikołajew (Petersburg), Prof. dr hab. Dimitros Gonis (Ateny), Prof. dr hab. Jury Łabyncew (Moskwa), Prof. dr hab. Dimitr Kenanow (Veliko Trnowo), Prof. dr hab. Leonid Tymoszenko (Drohobyczyn), Prof. dr hab. Goran Janicijevic (Belgrad), Prof. dr hab. Mária Belovičová (Prešov), Prof. dr hab. Irina I. Kosinova (Woroneż), dr hab. Urszula Pawluczuk (Białystok)

Redakcja:

Prof. dr hab. Antoni Mironowicz, dr hab. Urszula Pawluczuk

Sekretarz redakcji:

dr Marcin Mironowicz

Recenzenci:

Prof. dr hab. Ján Šafin (Presov), Prof. dr hab. Aleksander Wabiszczewicz (Brześć),
Prof. dr hab. Ilia Evangelou (Saloniki), Prof. dr hab. Andrejs Gusachenko (Riga),
Prof. dr hab. Pavel Boczek (Brno)

Wydawca:

Pracownia Historii Kościoła Uniwersytetu w Białymstoku
Laboratory of History of Church at the University of Bialystok

ISSN 2545-3823

Copyright:

Pracownia Historii Kościoła Uniwersytetu w Białymstoku
Laboratory of History of Church at the University of Bialystok

Предыдущие тома „Православная Европа”
Previous “Orthodox Europe” volumes
Προηγούμενοι αριθμοί „Ορθόδοξη Ευρώπη”
https://kamunikat.org/orthodoxi_evropi.html

Wolumen ukazał się dzięki wsparciu finansowemu
Małgorzaty Pawluczuk, Eugeniusza Makarewicza, Ireny Baran, Jerzego Jakoniuka

The volume was released thanks to the financial support of
Małgorzata Pawluczuk, Eugeniusz Makarewicz, Irena Baran, Jerzy Jakoniuk

Том выпущен благодаря финансовой поддержке
Малгожаты Павлючук, Евгениа Макаревича, Ирэны Баран, Юрия Яконюка

Spis treści

vacat

Wprowadzenie

Oddajemy do rąk czytelników siódmy numer czasopisma „Orthódoxi Evrópi. Studia do dziejów Kościoła prawosławnego w Europie Wschodniej". Sześć pierwszych numerów czasopisma wzbudziły szerokie zainteresowanie w kraju i zagranicą. Deklarację współpracy z redakcją pisma złożyło wielu znanych badaczy dziejów Kościoła prawosławnego w Europie. Redakcja dziękuje za propozycje współpracy, wszelkie uwagi i pomysły. W założeniach inicjatorów czasopisma jest jego otwartość na opracowania poświęcone różnych aspektom funkcjonowania prawosławia w Europie Środkowej i Wschodniej. Z radością witamy nowych autorów i współpracowników. Mamy nadzieję, że czasopismo „Orthódoxi Evrópi" będzie naszym wspólnym dziełem.

Niniejszy nowy periodyk zawiera kilka artykułów na temat historii prawosławia w Europie Wschodniej. Periodyk „Orthódoxi Evrópi" przedstawia artykuły, które stanowią wstęp do poznania dziejów społeczności prawosławnej w Europie Wschodniej. Celem periodyku jest również zwrócenie uwagi na relacje między Kościołem prawosławnym a Kościołem katolickim w tej części Europy. Chcielibyśmy przedstawić ten problem w wielu aspektach: religijnym, politycznym, kulturowym i społecznym. Pokazanie tych relacji jest bardzo ważnym zadaniem, albowiem stanowią one dziedzictwo całej wspólnoty prawosławnej. Mamy nadzieję, że pismo „Orthódoxi Evrópi" da nowy impuls do badań nad wpływem chrześcijaństwa wschodniego na formowanie się tożsamości narodów Europy Środkowo-Wschodniej. Autorzy wyrażają przekonanie, że nasze czasopismo pozwoli lepiej zrozumieć rolę Kościoła prawosławnego w kształtowaniu cywilizacyjnej tradycji tej części Europy.

Chcemy przypomnieć, że periodyk „Orthódoxi Evrópi" skierowany jest do szerokiego grona czytelników, którzy nie posiadają wiedzy z zakresu historii krajów Europy Wschodniej i relacji międzywyznaniowych. Autorzy tekstów pragną zwrócić uwagę na problemy, które miały znaczący wpływ na dzieje ludności prawosławnej w Europie Środkowo-Wschodniej i krajach sąsiednich. Problemy te mają wielkie znaczenie w historii tych państw i tożsamości ich mieszkańców. Ukazywanie istotnych wydarzeń w dziejach prawosławia w Europie Środkowo-Wschodniej nie jest jedynie przypomnieniem faktów historycznych, ale sposobem ukazania złożoności minionych relacji międzywyznaniowych.

Foreword

Herby we present our readers with the seventh issue of "*Orthódoxi Evrópi. Studies on the history of the Orthodox Church in Eastern Europe*". The first six issues of the journal have aroused wide interest in the country and abroad. Many well-known scholars of the history of the Orthodox Church in Europe have declared their willingness to participate in the journal's development. The editorial boards is grateful for offers of cooperation, all comments and ideas. One of the assumptions of the initiators of the journal are for it to be its open to studies devoted to a variety of aspects of the functioning of Eastern Orthodoxy in Central and Eastern Europe. We are happy to welcome new authors and collaborators. We hope that the "*Orthódoxi Evrópi*" magazine will be our common achievement.

This new periodical contains some articles about the history of Orthodox Christianity in Eastern Europe. The periodical "*Orthódoxi Evrópi*" presents articles, which are an introduction to the history of different problems concerning the Orthodox peoples in Eastern Europe. The aim of the periodical is to draw attention to the relations between the Orthodox and Catholic churches in this part of Europe. We would like to present the many aspects of this problem: religious, political, cultural and social. Showing these relations is a very important task, as they are the heritage of the whole Orthodox community. We hope that this tome will give a fresh impulse for research on the influence of the Orthodox Christianity on the formation of the identity of the nations of Central and Eastern Europe. We also hope that this new periodical will take up the problem of presenting the role of the Orthodox Church in the formation of the civilizational tradition of this region of Europe.

We would like to reiterate that "*Orthódoxi Evrópi*" is directed at a wide audience, who are not necessarily knowledgeable about the field of the history of the countries of Eastern Europe and interdenominational relations. Authors would like to point out certain problems, which have had a significant influence on the history of the Orthodox in Central and Eastern Europe and neighboring countries. These questions have a great significance for the history of these states and the identity of their inhabitants. Showing the dramatic moments in the history of the Orthodoxy in Central-Eastern Europe is not merely a reminder of historical fact, but a way of showing the complexity of past interdenominational relations.

vacat

Antoni Mironowicz[1] (Białystok)

ANTONI MIRONOWICZ

Church unions and their consequences in Poland and Lithuania

Słowa kluczowe: unie kościelne, Polska, Wielkie Księstwo Litewskie
Keywords: church unions, Poland, The Great Duchy of Lithuania

Streszczenie

Unie kościelne i ich konsekwencje w Polsce i na Litwie

Unie kościelne doprowadziły do wielu konfliktów religijnych, kulturowych i politycznych w Rzeczypospolitej i na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego. Jej negatywne skutki były widoczne na terenie dzisiejszej Polski, Litwy, Mołdawii, Słowacji, Białorusi i Ukrainy. Z punktu widzenia Cerkwi prawosławnej, unia brzeska nie była próbą budowy jedności Kościoła, ani konsolidacji społeczeństwa, a przyniosła jedynie tragiczne skutki Rzeczypospolitej i jej mieszkańcom. Unia brzeska była przede wszystkim aktem politycznym, którego celem było podporządkowanie prawosławia Rzymowi. Jej cele były w tym sensie kontynuacją ideologii unii lyońskiej i florenckiej. Propagowanie uniatyzmu było jedną z przyczyn, która ostatecznie doprowadziła do upadku Rzeczypospolitej w końcu XVIII wieku.

Po drugiej wojnie światowej kilka parafii unickich pozostało pod jurysdykcją biskupów łacińskich. Dopiero po 1989 r. unici oddzielili się od struktury Kościoła łacińskiego w Polsce. Papież utworzył dwie diecezje greckokatolickie obrządku ukraińskiego, które uzyskały szeroką autonomię w Kościele rzymskokatolickim. Hierarchia unicka i duchowieństwo domagali się zwrotu części dóbr kościelnych. Z okazji 400-lecia Soboru Brzeskiego do literatury akademickiej powrócił temat unii brzeskiej i jej konsekwencji dla Cerkwi i Rzeczypospolitej.

[1] Prof. Antoni Mironowicz, Head of the research laboratory of the History of Church of the University in Białystok. His specialisation is the history of the Eastern Church in Middle-Eastern Europe. He is an author of 75 books and around 525 other works on this subject. ORCID 0000-0001-7856-2191.

Abstract

Church unions and their consequences in Poland and Lithuania

Church unions led to many religious, cultural and political conflicts in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Grand Duchy of Lithuania. Its negative effects were visible in today's Poland, Lithuania, Moldova, Slovakia, Belarus and Ukraine. From the point of view of the Orthodox Church, the Union of Brest was not an attempt to build the unity of the Church or consolidate society, but brought only tragic consequences for the Republic of Poland and its inhabitants. The Union of Brest was primarily a political act whose goal was to subordinate Orthodoxy to Rome. In this sense, its goals were a continuation of the ideology of the Union of Lyons and Florence. The promotion of uniatism was one of the causes that ultimately led to the fall of the Polish-Lithuanian Commonwealth at the end of the 18th century.

After the Second World War a few Uniat parishes remained under the jurisdiction of Latin bishops. It was only after 1989 that the Uniats separated from the Latin Church structure in Poland. Two Greek-Catholic dioceses of the Ukrainian rite were created by the Pope which given a wide autonomy within the Roman Catholic Church. Uniat hierarchy and clergy demanded the return of some church properties. With the 400th anniversary of the Union Council the subject of the Union of Brest and its consequences for the for the Church and country returned in academic literature.

There were many attempts to force Orthodox Christians in Poland to join the church union and become subject to the rule of the Popes. The first attempt took place in the mid-13th century. Daniel, the duke of Volhynia and Halicz was encouraged to join the union by the emissary of Pope Innocent IV, an Italian Franciscan Joannes de Piano Carpine. Having gathered the bishops, ighumens and boyars, the duke refused subjecting the Orthodox Church of Halicz to the pope. This did not discourage the Pope from further efforts to draw the Ruthenian dukes into the union. All the union missions in 1247 and 1248 were unsuccessful[2].

The problem of the union was connected with Daniel's attempts to become king. Daniel wanted to put one of his sons on the Magyar throne. To achieve this in 1252 he arranged for prince Roman to wed Gertrude, the daughter of the Magyar king Bela IV. Metropolitan Cyril II, who came from Halicz Ruthenia, played an important role in Magyar politics. He obtained a reaffirmation of all the privileges of the Ruthenian Church and the cancellation of all tax duties of the clergy from the Tartar Khan. The time he spent in Nice with the emperor John Dukas and Patriarch Manuel II caused a break in talks regarding church union in Ruthenian lands and the rejection of Daniel's policy and forming ties with Alexander Nevsky.

[2] W. Abraham, *Powstanie organizacji Kościoła łacińskiego na Rusi*, vol. I, Lwów 1904, p. 120-127; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. II, Москва 1993, p. 334; F. Sielicki, *Polsko-ruskie stosunki kulturalne do końca XV wieku*, Wrocław 1997, p. 78, 79.

Daniel, the duke of Volhynia and Halicz (1253-1264)

The subject of church union was discussed again in Cracow during a meeting between the papal legate Opizo and duke Daniel. Opizo brought him a crown sent by Pope Innocent IV. According to *Latopis Hipatsky* Daniel did not accept it motivating the decision by "not being able to meet an envoy on foreign ground"[3]. In that situation the legate followed the duke to Kholm. It was not until December 1253 that Daniel met with Opizo in Drohychyn. In this town the duke and his son Lev along with the Mazovian duke Siemowit were preparing for war against the Yotvingians. Daniel's agreement to the coronation, which would take place in the church in Drohychyn was depended on Rome's help in the war against the Tartars[4].

---

[3] *Полное Собрание Русских Летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической коммиссиею,* под ред. А. А. Шахматова, т. II, Санкт-Петербург 1908, p. 827.

[4] F. Sielicki, *Polsko-ruskie stosunki kulturalne...*, p. 80; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* Białystok 2003, p. 102.

Opizo's attempts at drawing the duke of Halicz and Volhynia into the union, made during the coronation, failed[5]. Political conflicts with Catholic states – Hungary, Poland (duke of Cracow Leszek the White) and the Teutonic Knight Order caused the orthodox clergy to oppose any relations with the Catholic Church. The leaders of the Orthodox Church and especially Metropolitan Cyril II, whose opinion duke Daniel had to take into consideration, stood against the union[6].

Pope Innocent IV (1243-1254)

In the times of the duke of Halicz George I Pope John XXII hoped to use the good contacts between the Ruthenian duke and the Polish King Ladislaus the Elbow-High (Władysław Łokietek) to subjugate the Halicz metropolitan ate to Avignon. The Pope addressed a bull to the duke of Volodymyr, George I encouraging him to join the Roman Catholic Church. In his second envoy from 1327 John XXII tried to persuade Ladislaus the Elbow-High to influence the Ruthenian duke to come back to the Latin Church[7]. The Pope's request was

[5] H. Paszkiewicz, *Z życia politycznego Mazowsza w XIII w.,* [in:] *Księga ku czci profesora Oskara Haleckiego,* Lwów 1935, p. 203-228.

[6] Макарий (Булгаков), митрополит, *История Русской Церкви*, т. III, ч. 1, Москва 1995, p. 332-333; W. Abraham, *Powstanie organizacji Kościoła łacińskiego na Rusi*, p.121-143; Е. Голубинский, *История Русской Церкви*, т. II, ч. 1, Москва 1900, p. 82-86.

[7] A. Theiner, *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia,* vol. I, Romae 1860, p. 383, 384; M. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. III,

rejected, because Ladislaus the Elbow-High, who knew the situation in Ruthenia, did not want to encourage such conversions.

Another attempt at forcing the Orthodox Church into the union took place during the reign of Ladislaus Yahyello. His intention was to support the uniting of the Churches. In order to achieve this aim Yahyello wanted to use the prestige of Metropolitan Kypriyan and his good relations with Constantinople. During his two long stays in Lithuania and the Polish Crown Kypriyan took part in talks regarding the church union[8]. The talks resulted in setting up correspondence (conducted in the name of Ladislau Yahyello) with the patriarchy of Constantinople, which aimed at establishing the church union. The Metropolitan and Yahyello suggested calling for an ecumenical council in one of the Ruthenian towns, which would allow a theological dispute on the form of reunion. The patriarchy was also sceptical about the place of the talks[9].

Yahyello's suggestion was meant to reunite the Church by subjecting the Orthodox to the Popes. Negotiations with Cyprian were to lead to direct talks with the Patriarch beyond the control of the Holy See[10]. The talks indicated the need of organizing a council and achieving church unity by discussing the differences in the dogma and rite. In the 1390's the king could not find many supporters of this concept among the Catholic clergy of the Polish Crown. The Polish episcopate supported the concept of expansive catholicisation of Ruthenian lands through the development of German-Polish settlements and developing Roman Catholic Church structures.

Supported by Yahyello the Lithuanian duke Vitold decided to reshape the Orthodox Church structure in the Grand Duchy of Lithuania to bound it more strongly to the Catholic church. In order to achieve this aim a new separate Kiev Metropolitanate adjusted to the boundaries of the Grand Duchy of Lithuania, was to be created. The plan also included naming the new Metropolitan by the hospodar alone, as well as talks with bishops on the church union. The plan was put into action in 1414-1415.

Київ 1905, p. 134; W. Abraham, *Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi,* vol. I, p. 193.

[8] Макарий (Булгаков), митрополит, *История Русской Церкви*, т. IV, Москва 1866, p. 79; T. M. Trajdos, *Metropolici kijowscy Cyprian i Grzegorz Tsamblak a problemy Cerkwi prawosławnej w państwie polsko-litewskim u schyłku XIV i pierwszej ćwierci XV w.,* „Balcanica Posnaniensia. Acta et studia", vol. II, Poznań 1985, p. 217, 218; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 147-149.

[9] A. Lewicki, *Sprawa unii kościelnej za Jagiełły*, „Kwartalnik Historyczny", 11, 1897, p. 322; A. Prochaska, *Władysław Jagiełło*, vol. II, Kraków 1908, p. 119-120; E. Голубинский, *История Русской Церкви*, т. II, Москва 1901, p. 338; K. Chodynicki, *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska, 1370-1632,* Warszawa 1934, p. 43.

[10] T. M. Trajdos, *Metropolici kijowscy...*, s. 217-220; E. Голубинский, *История Русской Церкви*, т. II, c. 338; K. Chodynicki, *Kościół prawosławny...,* s. 43-44; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* s. 152-153.

In 1414 Vitold banished from Lithuania the visiting Kiev Metropolitan Fotsius[11]. At the same time, on behalf of the dukes and boyars of the Grand Duchy, he demanded the Patriarch to appoint a new Metropolitan[12]. Duke Vitold presented the Patriarch with his own candidate. The candidate – Gregory Tsamblak, who was the nephew of the late Metropolitan Kypriyan, an outstanding orthodox catechist and an ighumen of the Serbian monastery in Kosmet – had been in Lithuania since 1406. The Patriarch rejected Vitold's demands. In that situation a synod which took place in Novahradak on 15 November 1415 under the leadership of Vitold elected Gregory Tsamblak to be the Metropolitan of Lithuania and Kiev[13]. He was consecrated by the bishops present at the synod.

Facing the beginning of the council in Constance and the increasing Catholic missionary activity in the east, the bishops taking part in the Synod in Novahradak had to be aware of the consequences of their decision. Both Ruthenian and Polish sources agreed that the synod in Novahradak was imposed by the Catholic monarch and called to overthrow Fotsius – defender of Orthodoxy. It was stressed that its rulings were supposed to weaken the Orthodox Church and subjugate its followers to the Catholic Church[14].

The issue of church union promoted by the people from the king's and great duke's surroundings reappeared when Gregory Tsamblak became Metropolitan. Pope John XXII was personally interested in the union. He named Yahyello the protector of the Latin Church in the east with the right to convert the Orthodox and spread Catholic propaganda[15]. The first union project was presented in the name of the king by John Stechir at the council of Constance in January 1415[16]. On 30 November 1417 Yahyello sent a report by the legates in Samogitia to the council. At the same time he informed of his and Vitold's energetic actions to gain the Orthodox for the union. The king presented ways of making the Orthodox subject to the Holy See and described the struggle with Fotsius. At the same time the Metropolitan of Kiev (Moscow) Fotsius induced the patriarchal synod to impose an anathema on Gregory Tsamblak. For the clergy supporting the new Metropolitan severe church punishments (including anathema) were introduced. Therefore the union was only possible through the

[11] *Новгородская Летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. III, Санкт-Петербург 1841, p. 105; T. M. Trajdos, *Metropolici kijowscy...,* p. 225; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów*, p. 169-170.
[12] Е. Голубинский, *История Русской Церкви*, т. II, p. 369, 370; K. Chodynicki, *Kościół prawosławny...*, p. 36.
[13] *Акты относящиеся к истории Западной России*, т. I, Санкт-Петербург 1846, nr-y: 24 i 25, p. 33; I. Daniłowicz, *Skarbiec dyplomów papieskich*, vol. II, Wilno 1862, nr 1178, p. 44-45; K. Chodynicki, *Kościół prawosławny...*, p. 38-40; T. M. Trajdos, *Metropolici kijowscy...*, p. 224; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 170.
[14] T. M. Trajdos, *Metropolici kijowscy...*, p. 225, 226; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów*, p. 171.
[15] T. M. Trajdos, *Metropolici kijowscy...,* p. 228; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак. Очерк его административной и книжной деятельности*, Санкт-Петербург 1904, p. 177-178.
[16] T. Silnicki, *Sobory powszechne a Polska*, Warszawa 1962, p. 93.

incorporation of the local Lithuanian church into the Catholic Church. No contacts with Constantinople took place, so the political conditions were totally different than in the times of Metropolitan Kypryian.

The only effective way of enforcing the church union was to announce it officially at the council in Constance. Ladislaus Yahyello was adamant to incorporate the Orthodox Church in the Polish-Lithuanian monarchy into the Roman Catholic Church. In his letter from 1st January 1418, while congratulating Martin V on his election to the papal throne, he informed him about a delegation led by the Metropolitan Gregory Tsamblak, which represented the Orthodox faithful from Lithuania, Moldavia and the Kingdom of Poland. The king stressed the Metropolitan's learning and affirmed the Pope that the establishment of church union was the aim of the journey[17]. Tsamblak came to Constance in 1418 with six orthodox bishops, a few presbyters and some boyars. They were given an audience by the Pope, Martin V[18]. Quoting Yahyello's will, Gregory Tsamblak expressed his firm conviction of the need to unite the churches, to accept the Pope's primacy and to reverse the schism. The Metropolitan made his decision dependant on two conditions – a dispute in the council on dogmatic differences and the Byzantine Patriarch's and Emperor's participation in the union[19]. His suggestions were a return to the concepts of 1396-1397. This time the Emperor of Constantinople, Manuel II, was most unfavourably disposed towards the Latin Church. As a result of the Metropolitan's attitude no agreement concerning the union was reached. In this situation Yahyello's union plans could not be fulfilled, as Gregory Tsamblak went to Constance pressed by duke Vitold, who threatened him with forcing the Ruthenians into Catholicism[20].

Gregory Tsamblak was a highly respected Orthodox writer. His works were popular among the clergy as well as secular readers. His diplomatic talents told him to respect Yahyello's and Vitold's instructions. His dependency on the Yahyellonian dynasty was so great, that, had he implemented his own policy, he would never return to Kiev. Luckily he managed to return from Constance without causing a breakdown in his relations with the monarchs.

The Turkish threat to Constantinople caused the Greeks seeking military aid in Rome to accept the union. At the council in Ferrara, and later in Flornce (5 July 1439), bishops penned a union treaty between the churches. Some of the orthodox lords refused to sign the union treaty and others accepted it merely for

---

[17] T. M. Trajdos, *Metropolici kijowscy...*, p. 230.

[18] J. Fijałek, *Biskupstwa greckie...*, p. 48-50; J. Kłoczowski, *Młodsza Europa*, Warszawa 1998, p. 333.

[19] A. Prochaska, *Władysław Jagiełło*, vol. II, Kraków 1908, p. 397; K. Chodynicki, *Kościół prawosławny...*, p. 46.

[20] *Полное Собрание Русских Летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою коммиссиею,* т. V, Санкт-Петербург 1851, p. 260; T. M. Trajdos, *Metropolici kijowscy...*, p. 230.

pragmatic reasons[21]. The Metropolitan of Kiev, an ighumen of the St. Dimitry Monastery in Constantinople, Isydor the Greek took part in the council. Metropolitan Isydor, who earlier took part in the council of Basilea in 1431, turned out to be an ardent supporter of the union. At the council in Florence he actively supported the cause and willingly signed the council statements. He was appointed cardinal and legate for the eastern European countries by Pope Eugene IV. Isydor left Rome and returned to Ruthenia on the way penning (in Buda on 5 March 1440) a letter informing of the union and calling for its implementation[22]. For a few months in 1440 he stayed in the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania propagating the Florence Union. His appeals were not received with enthusiasm either by the Orthodox or by the Catholic clergy. Most of the Orthodox faithful saw the union as a threat to their religious identity. The orthodox clergy and secular magnates stood firmly against the union. Therefore the Florence Union was utterly rejected by the Eastern Church faithful.

Pope Sykstus IV (1471-1484)

[21] S. Runciman, *Wielki kościół w niewoli*, Warszawa 1973, p. 116-126; B. Gudziak, *Unia florencka a metropolia kijowska,* [in:] *Polska – Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa,* ed. S. Stępnia, Przemyśl 1994, p. 19.

[22] M. Harasiewicz, *Annales Ecclesiae Ruthenae*, Leopolis 1862, p. 77, 78; E. Голубинский, *История Русской Церкви*, vol. II, p. 448, 449. J. Dlugossi, *Historiae Polonicae*, liber XII, Opera Omnia, vol. V, (ed. A. Przezdziecki), Kraków 1869, p. 566, 578-580.

* * *

The second attempt at introducing the Florence Union in Poland came in 1474, when the bishop of Smolensk, Mizael Pstrutsky became Metropolitan of Kiev[23]. Casimir the Yahyellonian made accepting the Florence Union a condition to agree to this choice. Pressed by the king and the papal nuncio Antonio Bonumbre the Metropolitan sent, in 1476, a letter to Pope Sykstus IV. In the letter he expressed his willingness to join the Union, but at the same time accused the Catholics of persecuting Orthodox believers. The Union, according to Mizael, was to bring back understanding and peace between the Churches. In his memorial the Metropolitan underlined that the Ruthenians showed a respect for the Pope equal to that for the patriarchs of the East. Unity with the Roman church did not mean a lack of unity with the Patriarchate in Constantinople. The memorial was also supposedly signed by thirteen representatives of Lithuanian and Ruthenian nobility[24].

The credibility of Mizael's message of 14 March 1476 from the Ruthenian clergy and nobility to Pope Sykstus IV is very doubtful. The original was lost and it was only in 1605 that the union Metropolitan Hipatsy Potsiey found a copy and had it printed. According to rev. John Fijałek Mizael's letter cannot be authentic because it is written in 17th-century language. He suspects it was written as a piece of propaganda to support the Union of Brest[25].

The problem of church union returned in the times of Alexander the Yahyellonian. In 1494 the prince married the daughter of the Moscow Tsar Ivan III Sophia Paleolog, a niece of the last emperor of Byzantium, who lived in Rome since the fall of Constantinople[26]. In 1499 there were attempts to convince the Great Princess Helena to convert to Catholicism[27]. The Duke of Moscow accused Alexander the Yahyellonian, the Metropolitan Joseph, the bishop of Vilnyus Adalbert Tabor and Bernardine monks of forcing Helena to change her faith and of building churches in areas where only the Orthodox lived. Regardless of the pressure put on her, the Princess refused to join the Latin Church[28].

---

[23] J. Wolff, *Kniaziowie litewsko-ruscy*, Warszawa 1895, p. 669, 670.

[24] W. Hryniewicz, *Prekursor unijnych dążeń Rusinów. Memoriał unijny metropolity Mizaela,* [in:] *Unia brzeska, geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich,* ed. R. Łużny, F. Ziejka i A. Kępiński, Kraków 1994, p. 54-65; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 192.

[25] J. Fijałek, *Los unii florenckiej w Wielkim Księstwie Litewskim za Kazimierza Jagiellończyka*, „Sprawozdanie z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności", vol. XXXIX, Kraków 1934, p. 23-25.

[26] С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. II, p. 111-113; F. Sielicki, *Polsko-ruskie stosunki kulturalne...*, p. 112, 113.

[27] W. Białowiejska, *Stosunki Litwy z Moskwą w I połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka (1492-1499),* „Ateneum Wileńskie", VII, Wilno 1930, p. 778-781; K. Pietkiewicz, *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka,* Poznań 1995, p. 166.

[28] J. Garbacik, *Helena,* [in:] „Polski Słownik Biograficzny", t. IX, Wrocław – Warszawa 1960, p. 362.

At the same time, with the agreement of Alexander the Yahyellonian, Joseph Bulharynowich, a lord from Smolensk, became the Metropolitan, He was accepted as Metropolitan by the Patriarch Nifont in 1500. After receiving the Patriarch's blessing the Metropolitan addressed the Pope expressing his will to join the union of Florence. He was supported by Alexander the Yahyellonian, who expected to have his marriage with an orthodox princess accepted by Rome. The Pope demanded the Metropolitan to give up all the titles he received from the Patriarch. Alexander VI, contrary to the Polish clergy, did not accept re-christening of Ruthenians who joined the Roman Catholic Church. The Pope's position was similar. He informed the king that he could not accept the Metropolitan Joseph under his jurisdiction because he was consecrated by the Patriarch of Constantinople Nifont and not the union Patriarch John. Such a demand of the Pope could not be accepted by the Metropolitan of Kiev[29]. Furthermore, the Catholic episcopate was more interested in developing its own church structure than in supporting the union. The Catholic bishops sought to increase their influence by developing church brotherhoods, supporting Bernardine missions and "converting" Jews and Orthodox believers. At that time there was a concept that the Orthodox could not be salved within their church[30]. Finally, because of Ivan III, who rejected all projects of bringing the Florence union into existence, the problem of church union was not discussed until the end of the 16th century.

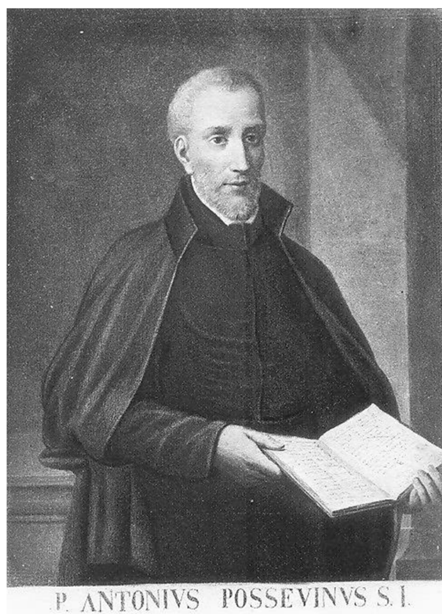
* * *

The preparation and the course of the synod in Brest, which led to bringing some of the Orthodox inhabitants of the Commonwealth of Poland and Lithuania was widely discussed in literature[31]. On this basis some information concerning what happened before and during the synod should be brought

---

[29] K. Chodynicki, *Kościół prawosławny...*, p. 71-72.
[30] J. Fijałek, *Kościół rzymskokatolicki na Litwie. Uchrześcijanienie Litwy przez Polskę i zachowanie w niej języka ludu pod koniec Rzeczypospolitej*, [in:] *Polska i Litwa w dziejowym stosunku*, Kraków 1914, p. 260-264; K. Pietkiewicz, *Wielkie Księstwo Litewskie...*, p. 169; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów*, p. 198-199.
[31] A. Ammann, *Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte*, Wien 1950, p. 212-214; K. Chodynicki, *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370-1632,* Warszawa 1934, p. 204-346; O. Halecki, *From Florance to Brest (1439-1596),* Romae 1958, p. 367-370; M. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, Київ 1909, p. 540-564; B. Kumor, *Geneza i zawarcie unii brzeskiej*, [in:] *Unia brzeska, geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich*, ed. R. Łużny, F. Ziejka i A. Kępiński, Kraków 1994, p. 26-44; K. Lewicki, *Książę Konstanty Ostrogski a unia brzeska 1596 r.,* Lwów 1933; E. Likowski, *Unia brzeska,* Poznań 1889, p. 67-167; Макарий (Булгаков), митрополит, *История Русской Церкви*, т. IX, Санкт-Петербург 1880, p. 571-590; A. Mironowicz, *Wokół sporu o przyczyny unii brzeskiej,* [in:] „Białoruskie Zeszyty Historyczne", nr 2 (4), Białystok 1995, p. 23-38; J. Pelesz, *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart,* vol. II, Würzburg-Wien 1881; A. Pekar, *The Union of Brest and Attepts to Destroy it,* „Analecta Ordinis S. Basilii Magni", seria II, vol. XIV (XX), Roma 1992; S. Załęski, *Jezuici w Polsce*, vol. I, Lwów 1900, p. 306-317.

about. After the council in Trydent subjecting the Eastern Church faithful became one of the prime objectives for Rome. The failure of the mission of the papal legate, Father Antonio Possevino with the Tsar Ivan IV, which was supposed to draw Moscow into the union, caused the papacy to concentrate its efforts on the Orthodox Church in Poland. The creation of the Moscow Patriarchate in 1589 was an additional impulse for such actions. Rome feared that the new Patriarch could take control over the Orthodox Church in Poland. The popes Pius V and Klemens VIII saw the church union in Poland and the Grand Duchy of Lithuania as a way to uniting Rome with Moscow. The initiative of the successors of Gregory XIII was supported by Stephen Batory and Sigismund III Vasa. Both monarchs supported the reforms of the Trydent council and the policy of Rome towards the Orthodox Church. Nuncio Possevino charged the Jesuits with the task of seeing the union through by preparing the synod and acquiring the support of the Orthodox magnates.

Father Antonio Possevino (1554-1611)

The position of the Orthodox Church was weakened when many representatives of prominent noble families converted to Catholicism or Protestantism. The internal disorganization of the Orthodox Church made it prone to unifying actions. The Orthodox hierarchy was particularly susceptible. The lives of many of the higher clergy did not follow Orthodox canons[32]. No wonder than

[32] П. Н. Батюшков, *Холмская Русь,* вып. VII, Санкт-Петербург 1885, p. 106-107; A. Mironowicz, *Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII w.,* Białystok 1991, p. 107-108.

those talks on accepting the Pope's supremacy were mostly conducted with Ruthenian bishops.

The decisions of the synod of 1594 had a great influence on bringing the union project to life. The synod found Gideon Balaban guilty in his conflict with the brotherhood of and Metropolitan Michael Rahoza excommunicated him. Many reforms were made in the inner organization of the Church. They applied to parish schools and the status of brotherhoods within the church. Thanks to the synod's decisions the brotherhood were strengthened at the cost of the bishops' powers. Dissatisfied with the Matropolitan's decisions Cyril Terletsky organized a meeting with three bishops (Balaban of Lviv, Zbirujsky of Kholm, Kopystensky of Peremysl) in Sokal, where a new project of subjecting the Ruthenian Church to the popes and a union declaration were prepared. Supported by Chancellor John Zamoysky the bishop of Lutsk went to Metropolitan Michael Rahoza with the complete declaration act. The Metropolitan made three conditions: king's guarantees of equality between Orthodox and Catholic clergy, defending the Ruthenian bishops from the Patriarchs and their envoys, and granting the Orthodox lords places in the senate[33]. Representatives of the Catholic clergy under the leadership of the bishop of Lvov Bernard Matsiejowsky took an active part in this stage of negotiations.

King Sigismund III (1587-1632)

[33] *Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею*, т. IV, Петербург 1853, нр. 114, p. 53-54.

Sigismund III accepted the project with all the amendments introduced by Michael Rahoza except granting seats in the senate to Orthodox bishops. The king argued that it was not within his powers to make such important decisions concerning the senate. Under the monarch's influence the Metropolitan called for a synod to be held in Brest on 12 June 1595. Two addresses to the Pope Klemens VIII and king Sigismund III were penned there. In the first address Ruthenian bishops asked to be taken under the Pope's obedience with the guarantee of retaining the eastern liturgy and the Orthodox rites. In the letter to the king the rulers asked for protection and support for the cause of the union[34].

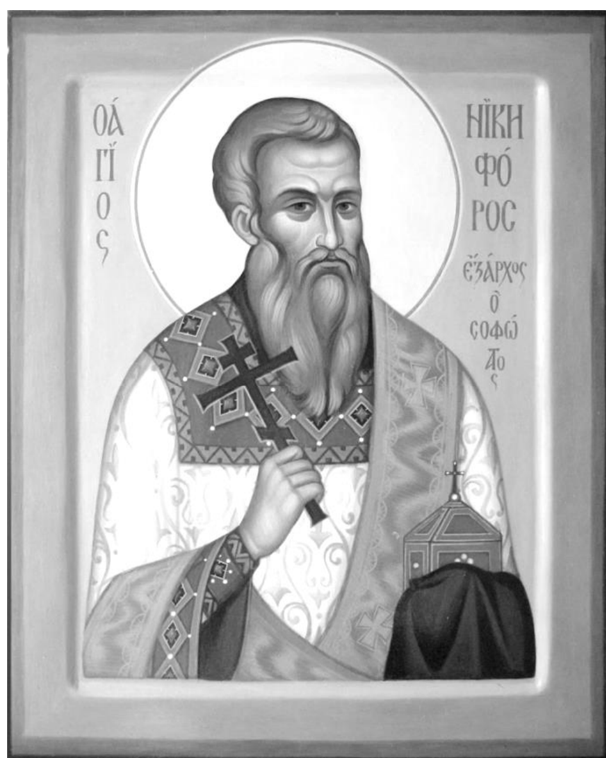
Prior to this Hipatsy Potsiey and Cyril Terletsky went to Rome as plenipotentiaries of the king and episcopate. Upon coming to Rome in November 1595 the Ruthenian bishops presented 32 articles prepared by the synod as a kind of condition of accepting the union. They demanded Rome to accept their own separate tradition and identity. The Pope called for a special commission to look into these conditions. The commission decided that since belonging to the Roman Church is necessary for salvation it cannot be subject to any preconditions. The Ruthenian bishops had to bow to the categorical will of Rome. Next the bishops made the Catholic profession of faith to the Pope. On the same day the Pope issued a bull "Magnus Dominu et laudabilis nimis", informing the Catholic world that the Ruthenians have joined the Union[35]. The final formula was taken from the Trydent creed (also introduced by Pope Gregory XIII in 1575 for the Greeks). The axiom *extra Ecclesiam Romanam nulla salus* was introduced by Pope Urban VIII to the text of the vows of the new uniat bishops[36].

Therefore this act did not return sacramental unity between Rome and the Orthodox Church in Poland. The Union was reduced to a legal church act of subjecting to the papal rule. It was also decided that the Orthodox were excluded from the church before the union and it was only by accepting the Pope's jurisdiction that they could receive salvation. The "Magnus Dominus" bull clearly stated that the Ruthenian bishops were accepted into the church not as a sister church but as individuals coming into the church on their own. The act did not mention the bishop's synodal decision concerning the Union. The expectations of the Ruthenian nobility were different but they met with the Rome's dictate[37].

After the Ruthenian lords visited Rome the Pope sent letters to the king and Latin episcopate asking them to help the Ruthenian bishops organize a union synod. Meeting the assignations of the union project Sigismund III Vasa summoned, in a proclamation of 14 June 1596, the clergy and the faithful of the

[34] Ibid. nr 68.
[35] A. Theiner, *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae,* vol. III (1585-1696), Romae 1863, p. 232-249.
[36] W. Hryniewicz, *Przeszłość zostawić Bogu. Unia i uniatyzm w perspektywie ekumenicznej*, Opole 1995, p.61-62.
[37] Ibid, p. 66; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej*, p. 61.

Orthodox Church to call a synod, during which unity between the Greek and Roman churches would be officially declared. Therefore on 21 August the Metropolitan Rahoza called for the synod to be held in Brest on 6 October 1596[38]. The synod was opposed by: the Alexandrian Patriarch Melecius Pigas, his emissary exarch Cyril Lukarys, the protosingle to the patriarchal see in Constantinople Nicefor, and most of the Orthodox clergy and faithful. In his letter to the prince of Ostrog of 30 August 1596 the Patriarch Melecius Pigas called all the clergy and faithful to reject the union[39]. The Orthodox party, who opposed the union, decided to take part in the synod asking the king to allow for the presence of dissenters and exarch Nicefor. The king sent his emissaries, papal legates and Jesuits to the synod. A larger part of the Ruthenian episcopate took part in the pro-union synod with only a few representatives of the clergy and the faithful.

Exarch Nicefor

[38] *Архив Юго-Западной России*, ч. 1, т. I, Киев 1859, нр. 120, р. 501-504; *Акты относящиеся к истории Западной России,* т. IV, нр. 100.

[39] И. Малышевский, *Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви*, vol. 1, Киев 1872, р. 28-44.

The anti-union opposition appeared in greater numbers. It included the bishop of Lviv Gideon Balaban, the bishop of Peremysl Zacharias Kopystensky, the exarch of the Tsarogord Patriarch Nicefor, the exarch of the Alexandrian Patriarch Cyril Lukarys, the Metropolitan of Bialograd Lukas, some bishops and archimandrites from other countries. In the Orthodox fraction there were also: 10 archimandrites, 16 protopopes and over 200 of lower clergy. Most of the representatives of the cities came from Orthodox Church brotherhoods: 8 from Vilnyus, 5 from Belsk, 3 from Lviv. Furthermore there came a large group of representatives of Orthodox nobility and citizens of towns and cities, from 15 city districts and counties – from Lviv (3), Vilnyus (4), Belsk, Pinsk, Brest, Podhajets, Halicz, Kiev, Skalsko, Braclav, Kamenets, Volodymyr, Minsk, Slutsk and Lutsk[40]. According to canon law of the Orthodox Church the only group entitled to make decisions in the synod was the anti-union fraction.

The Orthodox Church in Poland was under the jurisdiction of the Patriarch of Constantinople. The Ruthenian church had Canon unity with Byzantium. Nicefor, who came to the synod, was fully competent to lead the Orthodox Church in Poland. He received these powers in 1592 from Patriarch Jeremiah II while receiving the title of the protosingle to the patriarchal see (i.e. the Patriarch's deputy). After the Patriarch's death this competence was not revoked. The exarch Nicefor had the right to lead local church councils in Poland even in the presence of the Metropolitan of Kiev. Cyril Lukarys, who later became the Patriarch of Alexandria, had the distinction of an exarch and similar competence. The bishops who left the Orthodox Church and broke ties with the patriarchate had to face Canon exclusion. This argument carried moral importance for the participants of the Orthodox council. The synod in Brest had the features of a local council and was represented by the clergy and the faithful. The participation of the clergy of different levels and the faithful was not only a custom but also the traditional law of the Orthodox Church, confirmed by the patriarchs. By rejecting the legal participation of secular elements the pro-union synod discarded[41] the prime feature of Orthodox Church organization – conci-

---

[40] *Ekthesis albo krótkie zebranie spraw, które działy się na partykularnym tj. pomiastnym synodzie w Brześciu Litewskim*, Kraków 1597, p. 334-340, 357-358; See also. The latest edition of M. Broniewski, *Ekthesis albo krótkie zebranie spraw, które działy się na partykularnym tj. pomiastnym synodzie w Brześciu Litewskim,* ed. J. Byliński i J. Długosz, Wrocław 1995; M. Broniewski, *Apokrisis abo odpowiedź na książki o synodzie brzeskim 1596,* ed. J. Długosz i J. Byliński, Wrocław 1994; H. Pociej, *Antirresis abo apologija przeciwko Krzysztofowi Philaletowi, który niedawno wydał książki imieniem starożytnej Rusi religiej greckiej przeciw książkom o synodzie brzeskim napisanym w Roku Pańskim 1597*, ed. J. Byliński i J. Długosz, Wrocław 1997; *Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum (1590-1600),* Collegit... P. Athanasius G. Welykyj OSBM, Romae 1970, p. 341-344; P. Skarga, *Synod brzeski i jego obrona*, Kraków 1997.

[41] В. Антонович, *Предисловие*, [in:] *Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденную при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе*, ч. 1, т. IV, Киев 1871, p. 2; О. Лотоцький, *Українські джерела церковного права,* Варшава 1931, p. 119-120; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej,* p. 63.

liarity. The synod followed the Latin Church in believing the Union to be entirely a matter of the bishops' competence. This rule had nothing to do with the inner structure of the Eastern Church[42].

Upon coming to the synod the Orthodox representatives asked the Metropolitan about the order of the meeting. The Orthodox synod invited the Metropolitan Michael Rahoza to participate in the discussion. In response the Metropolitan called the Orthodox representatives present at the synod to accept the Union and participate in common discussions with the Latin clergy. In that situation, with the support of the council, on 17 October 1596, protosingle Nicefor made the decision to deprive the bishops, who subjected themselves to the Pope, of all priestly ranks and functions. The pro-union synod was notified of this in written form. The patriarchal protosingle Nicefor substantiated this decision by stating that the Metropolitan and the bishops broke the oath of loyalty to the Patriarch, stood against the decisions of the general councils (which forbade the bishops to move from the jurisdiction of one Patriarch to another), and that they made the decision on uniting the churches without the permission of the Patriarch (even though such a decision could only be made at a general council). Exarch Nicefor further justified the decision with the fact that the bishops rejected the council's call thrice. Finally, he reminded them that the Union was created without the agreement of the clergy and the faithful.

Nicefor's arguments were crucial for the Orthodox, who sought support in defending their rights. At the council not only the dependence from the Constantinopolitan patriarchate was stressed but also its lawfulness and accordance with Eastern Church canons. The bishops' obedience to the Pope was officially announced on the 8 October 1596. The following day Michael Rahoza excommunicated the bishops Balaban and Kopystensky and other participants of the Orthodox council in the name of the synod[43]. The decisions of the Uniat-Catholic synod were met with numerous protests from the Orthodox clergy and nobility. Both sides issued petitions to the king asking to deprive the opposite side of ranks and functions.

The Orthodox council's decisions were confirmed by the Constantinopolitan patriarchate. A temporary governing body was introduced in place of the Ruthenian bishops who accepted the Union. It included an appointed exarch bishop of Lviv Balaban, protosingle Cyril Lukarys and rev. Constantine Ostrogsky. The church union divided the Orthodox community into two groups – the Orthodox and the Uniat. The division followed neither the diocesan nor the administrative division. The larger part of the clergy and the faithful, together with two Bishops (Michael Kopystensky from Peremysl and Gedeon Balaban from Lviv) remained in the Orthodox camp. The decisions of the union synod were accepted by the larger part of the former Orthodox hierarchy and part of

[42] *Архив Юго-Западной России*, ч. 1, т. I, p. 509-517; *Акты относящиеся к истории Западной России,* т. IV, нр. 106, p. 145.
[43] *Ekthesis albo krótkie zebranie spraw*, p. 329-376; *Documenta Unionis Berestensis*, p. 336-338.

the clergy. Monastic clergy took the anti-union approach and the secular usually followed their bishops. This is marked by the numerous participation of the protopopes (governors) of the Lviv and Peremysl diocese in the Orthodox synod[44]. Many clergymen of the dioceses, the ordinaries of which joined the union, also stood against it. All the representatives of the Orthodox nobility from the Crown and the Great Principality of Lithuania stood against the union. Explicit was the opinion of the Ruthenian burghers, and especially the Orthodox Church brotherhoods, who unanimously supported the decisions of the Orthodox council. The peasantry had no opinion on the subject[45].

Duke Constantine Ostrogsky (1524-1608)

[44] M. Bendza, *Prawosławna diecezja przemyska w latach 1596-1681. Studium historyczno-kanoniczne,* Warszawa 1982, p. 108-118.
[45] L. Bieńkowski, *Organizacja Kościoła wschodniego w Polsce*, [in:] *Kościół w Polsce. Studia nad historią Kościoła Katolickiego w Polsce*, ed. J. Kłoczowski, vol. II, part 2, Kraków 1969, p. 840.

* * *

New union projects concerning the Orthodox Church in Poland came into being after the reactivation of the Orthodox hierarchy by the Patriarch of Jerusalem in 1620-1621[46] Suggestions for a new synod were put forward in the parliamentary sessions in 1623, 1629 and 1636. On the 3 November 1643 Pope Urban VIII sent letters to the king, Uniat and Catholic hierarchy and secular dignitaries, where he outlined the conditions of the future union[47]. On the same day Urban VIII sent letters to the Metropolitan Peter Mohyla and castellan of Chernihov Adam Kisiel. The Pope encouraged them to unite with the Roman church[48]. King Ladislaus (Vladyslav) IV, some magnates, Latin and Uniat bishops also encouraged towards union with Rome.

In response to the Pope's call in 1644 an anonymous union memorial was created. It was sent to the Roman Curia. Peter Mohyla and Adam Kisiel are said to be the authors of this memorial[49]. The authors of the memorial strongly criticized the Union of Brest and presented their own concept of joining the Orthodoxy with the Roman Church. According to Mohyla there are no essential differences between the Greek and Latin Church as far as faith is concerned. The only difference lies in the organizational structure and the rite traditions. Both churches were treated as equal and apostolic. In its essence the Union of Brest could not serve as a model for unity. It lacked "pure and holy intentions". The ostensible unity destroyed the identity of the Eastern Church. Mohyla's and Kisiel's project rejected the model of the Union of Brest, which led to severing the ties with the Orthodox community and Constantinopolitan patriarchate. The basic assumption of the Union memorial was agreement of the clergy and the faithful with Rome without severing the ties with Tsarogrod. It was the clergy

[46] П. И. Орловский, *Участие запорожских козаков в восстановлении Иерусалимским патриархом Феофаном православной Южно-Русской церковной иерархии в 1620 г.*, [in:] *Труды Киевской Духовной Академии 1905 г.*, Киев 1905, p. 648; J. Pelesz, *Geschichte der Union...,* vol. II, p. 145-148; Макарий (Булгаков), митрополит, *История Русской Церкви*, т. XI, Санкт-Петербург 1882, p. 242-264; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. VII, p. 426-437; Д. Дорошенко, *Нарис истории Украины*, Warszawa 1932, т. I, p. 206-207; K. Chodynicki, *Kościół prawosławny...*, p. 425-429; J. Woliński, *Polska i Kościół prawosławny. Zarys historyczny*, Lwów 1936, p. 72-73; W. Tomkiewicz, *Cerkiew dyzunicka. W dawnej Rzeczypospolitej Polskiej 1596-1795,* „Przegląd Powszechny", vol. CIC, Kraków 1921-1922, p. 161-163; L. Bieńkowski, *Organizacja Kościoła wschodniego...*, p. 843-844; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej,* p. 80-82.

[47] *Monumenta Ucrainae Historica*, vol. XI, Romae 1974, p. 345-358.

[48] A. Theiner, Vetera Monumenta Poloniae..., p. 425; *Documenta Pontificum Romanorum*, vol. I, p. 530-531.

[49] The memorial was not an official document. It was anonymous for reasons of safety. The authors feared the reaction of other believers, who opposed the union. See also works on the union memorial, „Analecta Ordinis S. Basili Magni", vol. VI, Romae 1963, p. 484-497; W. Hryniewicz, *Unia bez zniszczenia. Memoriał unijny metropolity Petera Mohyły (1644-1645),* „Studia i dokumenty ekumeniczne", R. IX, 1993, nr 1(31), p. 21-32; A. Mironowicz, *Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza*, Białystok 1997, p. 68-70; tenże, *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej,* p. 113-114.

and the faithful who were supposed to decide about the union. According to Mohyla's assumptions the Ruthenian church would remain an Eastern Church with unchanged liturgy. Organizationally the Ruthenian Church could be subject to the Patriarch of Constantinople and indirectly to Rome. Rome's first reactions to the memorial were positive. The Congregation for the Propaganda of Faith recommended that the union be created according to rules set out by Rome[50]. In reality it meant the rejection of the memorial.

Metropolitan Peter Mohyla (1633-1647)

This was not the last union attempt aimed at the Orthodox Church in Poland in the 17th century. However, the suggested union projects were only part of the plan of the state authorities and Rome to take over all Orthodox bishoprics and total eradication of the Orthodox church. During the parliamentary session of 7 March 1667 a constitution was drawn up, which was supposed to attract Orthodox clergymen to the union[51].

[50] E. Rykaczewski, *Relacje nuncjuszów apostolskich*..., vol. II, p. 286-288.

[51] *Volumina Legum*, vol. IV, Petersburg 1860, p. 437, 474; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej*, p. 207-208.

Union attempts started by John Casimir continued under the rule of John III Sobiesky. However, they had a completely different character. They were political activities and should be viewed in the context of international politics. The war with Turkey and the attempts made by Rome to draw Russia into the union gave the Polish authorities a pretext for anti-Orthodox actions. It should be remembered that in 1676 the parliament forbade the Orthodox to contact their superior – the Patriarch of Tsarogrod. To better execute the will of the parliament the Orthodox brotherhoods, previously independent, were subjected directly to bishops[52]. This was an attempt at destroying the brotherhoods which have been the main support of their Church and the main centers of anti-Union opposition. The constitution of 1676 attempted to separate the Orthodox faithful from other Orthodox centers abroad. The policy towards the Orthodox Church was also influenced by the kings conviction that by enlarging the union he could gain Russia's support against Turkey. In the same time the Roman Curia made similar attempts suggesting a religious union in Russia. The Pope Innocent XI appealed to the king, queen, secular lords and clergy to take action against schismatics[53].

Pope Innocent XI (1676-1679)

The Roman Curia changed its policy regarding the Orthodox believers in Polish Ruthenia. It did not allow for the organization of common Uniat-

[52] *Volumina Legum*, vol. V, Petersburg 1860, p. 180.
[53] *Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ukrainae Illustrantia (1075-1953)*, vol. 1: 1075-1700, Romae 1953, p. 631-634.

Orthodox synods which were supposed to lead to general union. The enlargement of the union was to be executed through convincing local lords or placing Catholic-friendly bishops. The lord of Lviv Joseph Szumalsky secretly joined the Union in 1677. Two years earlier he was charged by John III Sobiesky with administrating the metropolitanate[54].

The matters of the union reappeared during the parliamentary session in 1681. The Orthodox were represented practically only by the bishop of Lutsk Gideon Czetwertynsky, because the remaining two were only formally "of the Greek faith". During the session Joseph Szumalsky and Innocent Vynnytsky formally repeated the Roman Catholic creed in the King's chapel in Warsaw[55]. On 27 March 1681 both bishops sent a letter to the Pope in which they assured him of accepting his primacy and the dogmas of the Roman Catholic Church.

Bishop of Lutsk Gideon Czetwertynsky (1661-1684)

[54] *Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes*, vol. XIII, Rome 1969, p. 102; Ά. Μιρόνοδιτς, *Εκκλησιστικες Ουνιες στα Πολωνικα Εδαφη Και οι Συνεπειες Αυτων,* „Οικουμενισμος Γένέση-Προσδοκίες-Διαψεύσεις", Τομος B, Θεσσαλονικη 2008, p. 743-767.

[55] *Monumenta Ucrainae Historica*, ed. A. Septyckyj, vol. IV (1671-1701), Romae 1967, p. 107; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej,* p. 225-226.

Subjecting the Kiev metropolitanate to the Patriarch of Moscow (1685) and joining it into the state structure of Russia (on the basis of the treaty of Grzymaltovsky, 1686) caused the papacy and Polish authorities to attempt a complete destruction of the Orthodox church in Poland. It was assumed that all Orthodox lords would join the union. To achieve this aim all bishoprics were to be taken over by crypto-Uniats. Under the pressure of the authorities the bishop of Lviv Joseph Szumlańsky officially accepted the Pope's jurisdiction in 1700. Two years later the bishop of Lutsk Dionizy Zabokrytsky did the same. Along with the lords many monasteries and parishes joined the union. The Brotherhood of Lviv accepted the Uniat bishop's dominion in 1702. When three bishops joined the Union, the Orthodox Church was restricted to one Byelorussian bishopric (in Mohylev)[56]. This state of affairs remained unchanged until the fall of the Commonwealth in 1795.

* * *

The Vatican's interest in the Orthodox Church in Middle-Eastern Europe was renewed at the end of the First World War. On 1 April 1917 the Pope created the Congregation for the Eastern Church which was put in charge of all problems connected with the activities of all the Eastern denominations. In 1925 the Pro Russia commission was formed within this congregation and a Jesuit centre for the training of Eastern rite missionaries was created in Innsbruck. A similar centre was formed at the Catholic University in Saltzburg. In 1930 the Pro Russia commission was separated from the congregation and subjected directly to the Pope. The commission took control over missionary activity among Russians, especially those living out of the Soviet Union. This included Russians living in Poland.

Along with the new Eastern policy of the Vatican Polish bishops prepared plans for missionary activity among Orthodox believers. The bishop of Podlachia Henry Przezdzietsky, who went to Rome, in 1923, with a plan of organizing a Catholic church of the Slavic-Byzantine rite in Poland, was the initiator of these activities. On 21 January 1924 Pope Pius XI granted bishop Przezdzietsky the right to form Uniat parishes "wherever the people demand that". This right was stretched to all Latin dioceses on the eastern rim of Poland – Lublin, Lutsk, Pinsk and Vilnyus. These territories and the bishopric of Podlachia became the target area of union actions in Poland[57].

The new Byzantine-Slavic rite amounted to leaving the full rituality of the Eastern Church, while accepting the Pope as head of Church, adding the

[56] A. Mironowicz, *Diecezja białoruska w XVII i XVIII wieku,* Białystok 2008.
[57] Z. Waszkiewicz, *Neounia – nieudany eksperyment?,* [in:] *Czterechsetlecie zawarcia unii brzeskiej 1596-1996,* ed. St. Alexandrowicz i T. Kempa, Toruń 1998, p. 128-129; F. Rzemieniuk, *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego. Neounia,* Lublin 1999, p. 57; A. Mironowicz, *The Destruction and Transfer of Orthodox Church Property in Poland, 1919-1939*, „Polish Political Science Yearbook", vol. XLIII, Toruń 2014, p. 405-420.

filioque to the faith symbol and introducing a few Roman Catholic holidays to the liturgical calendar. The synodal Russian rite was adjusted to Catholic dogmatic. Old Slavonic Orthodox language remained the language of liturgy, while the sermons were given in national languages – Russian, Ukrainian, Byelorussian and Polish. The looks of churches and liturgical clothes remained unchanged. The Pope's instructions stated that until a separate church hierarchy was created the clergy and faithful of this rite will be subject to the local Latin Church authorities. The Pope suggested spreading the Union through missionary and charity activities. It was assumed that missionary work with Orthodox believers, based on the completely new rite, was a good way of winning them for Catholicism[58].

In 1930 a Lithuanian priest Francis Buczys, Superior General of Marians, was consecrated as the new bishop of the Byzantine-Slavic rite. For the needs of the new union in Poland the Pope appointed in 1931 a new Apostolic Visitor rev. Nicolas Czarnetsky. The new bishop, who was Ukrainian, belonged to the Eastern line of the Redemptorist order[59]. The Catholic episcopate supported the development of the rite in Poland. Especially the bishops of the eastern Latin dioceses (Lublin, Lutsk, Pinsk, Podlachia and Vilnyus) spoke strongly in favor of missionary activity. Special periodicals were issued to popularise the new union – "Oriens" in Polish, "Christianin" and "K'sojedinieniju" in Russian, "Kiteż" and "Da złuczeninia" in Byelorussian[60]. The action of converting Orthodox believers in Volhynia was supported by the Catholic press, among others "Życie Katolickie" (issued by the Catholic curie in Lutsk) and "Przegląd Katolicki"[61].

The results of the new union action were unimpressive when compared to the span of the action and resources used to conduct it. According to the data of the Ministry of Religious Denominations and Public Enlightenment in 1927 there were 28 neo-Uniat parishes, 30 clergymen and 17000 faithful. In 1935 official church statistics list 32 diocese clergymen, 26 monks, 32 alumni of the Seminar in Dubno, 45 parishes and 18 000 faithful. On the other hand ministry statistics list in 1938 43 parishes and 17000 believers[62]. In the opinion of the Ministry of the Interior the number of neo-Uniat parishes, mentioned by the

[58] B. Łomacz, *Praca duszpasterska duchowieństwa neounickiego*, „Novum" 1980, nr 5, p. 95-103; A. Mironowicz, *Neounia w II Rzeczypospolitej*, [in:] *Kościół Greckokatolicki na Warmii i Mazurach*, ed. M. Melnyk, Olsztyn 2006, p. 1-16.

[59] А. Свитич, *Православная Церковь в Польше и ее автокефалия*, Буэнос-Айрес 1959, p. 194; А. Миронович, *Неоуния в Польше в межвоенной период*, „Вестник Екатеринбургской духовной семинарии", Екатеринбург 2013, вып. 2 (6), p. 64-72.

[60] M. Papieżyńska-Turek, *Między tradycją a rzeczywistością*, p. 410; F. Rzemieniuk, *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego,* p. 119-131; A. Mironowicz, *Cerkiew prawosławna w II Rzeczypospolitej,* Białystok 2018, p. 103-104.

[61] A. Mironowicz, *The Orthodox Church in Poland,* Supraśl 2005, p. 45.

[62] *Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego* w Warszawie, 381, k. 169, 320; M. Pirożyński, *Statystyka Kościoła w Polsce*, Lublin 1935, p. 16-17; Z. Waszkiewicz, *Neounia,* p. 142-143.

Church was enlarged for reasons of propaganda[63]. According to recent data the number of followers in the Byzantine-Slavic rite in 1930 equaled 14 443, in 1934 – 15 960, in 1939 – 16 649[64]. In fact the overall number of neo-Uniats ranged from 17 to 18 thousand and was not larger than the number of Uniats who converted to Orthodoxy. The problem of the new union and conflicts connected with it ended with the beginning of the Second World War[65].

* * *

After the Second World War very few Uniat parishes remained under the jurisdiction of Latin bishops. It was only after 1989 that the Uniats separated from the Latin Church structure in Poland. Two Greek-Catholic dioceses of the Ukrainian rite were created by the Pope and given a wide autonomy within the Roman Catholic Church. Uniat hierarchy and clergy demanded the return of some church properties. With the 400th anniversary of the Union Council the subject of the Union of Brest and its consequences for the Christian community returned in academic literature.

Bibliography

Sources

„Analecta Ordinis S. Basili Magni", vol. VI, Romae 1963.

Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie, nr 381.

Broniewski Marcin, *Apokrisis abo odpowiedź na książki o synodzie brzeskim 1596,* ed. J. Długosz i J. Byliński, Wrocław 1994.

Broniewski Marcin, *Ekthesis albo krótkie zebranie spraw, które działy się na partykularnym tj. pomiastnym synodzie w Brześciu Litewskim,* ed. J. Byliński i J. Długosz, Wrocław 1995.

Daniłowicz Ignacy, *Skarbiec dyplomów papieskich*, vol. II, Wilno 1862.

Dlugossi Ioanes, *Historiae Polonicae*, liber XII, Opera Omnia, vol. V, (ed. A. Przezdziecki), Kraków 1869.

Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ukrainae Illustrantia (1075-1953), vol. 1: 1075-1700, Romae 1953.

Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum (1590-1600), Collegit... P. Athanasius G. Welykyj OSBM, Romae 1970.

Ekthesis albo krótkie zebranie spraw, które działy się na partykularnym tj. pomiastnym synodzie w Brześciu Litewskim, Kraków 1597.

Harasiewicz Michael, *Annales Ecclesiae Ruthenae*, Leopolis 1862.

---

[63] A. Mironowicz, *Cerkiew prawosławna w II Rzeczypospolitej,* p. 104-106; Z. Waszkiewicz, *Neounia*, p. 138-139.

[63] A. Mironowicz, *The Orthodox Church in Poland,* p. 46.

[65] Άντώνιος Μιρόνοδιτς), *Εκκλησιστικες Ουνιες στα Πολωνικα Εδαφη Και οι Συνεπειες Αυτων,* „Οικουμενισμος Γένέση-Προσδοκίες-Διαψεύσεις", Τομος B, Θεσσαλονικη 2008.

Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes, vol. XIII, Rome 1969.
Monumenta Ucrainae Historica, ed. A. Septyckyj, vol. IV (1671-1701), Romae 1967.
Monumenta Ucrainae Historica, vol. XI, Romae 1974.
Pociej Hipacy, *Antirresis abo apologija przeciwko Krzysztofowi Philaletowi, który niedawno wydał książki imieniem starożytnej Rusi religiej greckiej przeciw książkom o synodzie brzeskim napisanym w Roku Pańskim 1597*, ed. J. Byliński i J. Długosz, Wrocław 1997.
Skarga Piotr, *Synod brzeski i jego obrona*, Kraków 1997.
Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia, vol. I, ed. Augustinius Theiner, Romae 1860.
Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia, vol. III (1585-1696), ed. Augustinius Theiner, Romae 1863.
Volumina Legum, vol. IV-V, Petersburg 1860
Акты относящиеся к истории Западной России, т. I, Санкт-Петербург 1846.
Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. IV, Петербург 1853.
Архив Юго-Западной России, ч. 1, т. I, Киев 1859.
Новгородская Летопись, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. III, Санкт-Петербург 1841
Полное Собрание Русских Летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою коммиссиею, под ред. А. А. Шахматова, т. II, Санкт-Петербург 1908.
Полное Собрание Русских Летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою коммиссиею, т. V, Санкт-Петербург 1851.

Literature

Abraham Władysław, *Powstanie organizacji Kościoła łacińskiego na Rusi*, Lwów 1904.
Ammann Albert, *Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte*, Wien 1950.
Bendza Marian, *Prawosławna diecezja przemyska w latach 1596-1681. Studium historyczno-kanoniczne,* Warszawa 1982.
Białowiejska Wanda, *Stosunki Litwy z Moskwą w I połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka (1492-1499),* „Ateneum Wileńskie”, vol. VII, Wilno 1930.
Bieńkowski Lubomir, *Organizacja Kościoła wschodniego w Polsce XVI–XVIII w.*, [in:] *Kościół w Polsce*, ed. J. Kłoczowski, t. II, Kraków 1969.
Chodynicki Kazimierz, *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370-1632*, Warszawa 1934.
Dzięgielewski Jan, *O tolerancję dla zdominowanych*, Warszawa 1986.
Fijałek Jan, *Biskupstwa greckie na ziemiach ruskich od połowy XIV wieku na podstawie źródeł greckich*, „Kwartalnik Historyczny”, t. XI, 1897.
Fijałek Jan, *Kościół rzymskokatolicki na Litwie. Uchrześcijanienie Litwy przez Polskę i zachowanie w niej języka ludu pod koniec Rzeczypospolitej*, [in:] *Polska i Litwa w dziejowym stosunku*, Kraków 1914.
Fijałek Jan, *Los unii florenckiej w Wielkim Księstwie Litewskim za Kazimierza Jagiellończyka*, „Sprawozdanie z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności”, vol. XXXIX, Kraków 1934.

Garbacik Józef, *Helena,* [in:] „Polski Słownik Biograficzny", t. IX, Wrocław – Warszawa 1960.

Gudziak Borys, *Unia florencka a metropolia kijowska,* [in:] *Polska – Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa,* ed. S. Stępnia, Przemyśl 1994.

Halecki Oskar, *From Florance to Brest (1439-1596),* Romae 1958.

Hryniewicz Wacław, *Prekursor unijnych dążeń Rusinów. Memoriał unijny metropolity Mizaela,* [in:] *Unia brzeska, geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich,* ed. R. Łużny, F. Ziejka i A. Kępiński, Kraków 1994.

Hryniewicz Wacław, *Przeszłość zostawić Bogu. Unia i uniatyzm w perspektywie ekumenicznej*, Opole 1995.

Hryniewicz Wacław, *Unia bez zniszczenia. Memoriał unijny metropolity Petera Mohyły (1644-1645),* „Studia i dokumenty ekumeniczne", R. IX, 1993, nr 1(31).

Kłoczowski Jerzy, *Młodsza Europa*, Warszawa 1998.

Kumor Bolesław, *Geneza i zawarcie unii brzeskiej*, [in:] *Unia brzeska, geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich*, ed. R. Łużny, F. Ziejka and A. Kępiński, Kraków 1994.

Lewicki Anatol, *Sprawa unii kościelnej za Jagiełły*, „Kwartalnik Historyczny", nr 11, 1897. A. Prochaska, *Władysław Jagiełło*, vol. II, Kraków 1908.

Lewicki Kazimierz, *Książę Konstanty Ostrogski a unia brzeska 1596 r.,* Lwów 1933.

Likowski Edward, *Unia brzeska,* Poznań 1889.

Łapiński Aleksander, *Zygmunt Stary a Kościół prawosławny*, Warszawa 1937.

Łomacz Bożena, *Praca duszpasterska duchowieństwa neounickiego*, „Novum" 1980, nr 5.

Mironowicz Antoni, Cerkiew prawosławna w II Rzeczypospolitej, Białystok 2018.

Mironowicz Antoni, *Diecezja białoruska w XVII i XVIII wieku*, Białystok 2008.

Mironowicz Antoni, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, Białystok 2005.

Mironowicz Antoni, *Kościół prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej*, Białystok 2001.

Mironowicz Antoni, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów*, Białystok 2003.

Mironowicz Antoni, *Kościół prawosławny w Polsce*, Białystok 2006.

Mironowicz Antoni, *Neounia w II Rzeczypospolitej*, [in:] *Kościół Greckokatolicki na Warmii i Mazurach*, ed. M. Melnyk, Olsztyn 2006.

Mironowicz Antoni, *Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII wieku*, Białystok 1991.

Mironowicz Antoni, *Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza*, Białystok 1997.

Mironowicz Antoni, *The Destruction and Transfer of Orthodox Church Property in Poland, 1919-1939*, „Polish Political Science Yearbook", vol. XLIII, Toruń 2014.

Mironowicz Antoni, *The Orthodox Church in Poland,* Supraśl 2005.

Mironowicz Antoni, *Wokół sporu o przyczyny unii brzeskiej,* [in:] „Białoruskie Zeszyty Historyczne", nr 2 (4), Białystok 1995.

Papierzyńska-Turek Mirosława, *Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia*, Warszawa 1983.

Paszkiewicz Henryk, *Z życia politycznego Mazowsza w XIII w.,* [in:] *Księga ku czci profesora Oskara Haleckiego,* Lwów 1935.

Pekar Athanasius, *The Union of Brest and Attepts to Destroy it,* „Analecta Ordinis S. Basilii Magni", seria II, vol. XIV (XX), Roma 1992.

Pelesz Julian, *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart*, t. II, Würzburg–Wien 1881.
Pietkiewicz Krzysztof, *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka,* Poznań 1995.
Pirożyński Marian, *Statystyka Kościoła w Polsce*, Lublin 1935.
Prochaska Antoni, *Władysław Jagiełło*, vol. II, Kraków 1908.
Rzemieniuk Florentyna, *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego. Neounia,* Lublin 1999, p. 57.
Sakowicz Eugeniusz, *Kościół prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego*, Warszawa 1935.
Sielicki Franciszek, *Polsko-ruskie stosunki kulturalne do końca XV wieku*, Wrocław 1997.
Silnicki Tadeusz, *Sobory powszechne a Polska*, Warszawa 1962.
Tomkiewicz Władysław, *Cerkiew dyzunicka w dawnej Rzeczypospolitej Polskiej 1596-1795*, „Przegląd Powszechny", t. CIC (1921-1922).
Trajdos Tadeusz Mikołaj, *Metropolici kijowscy Cyprian i Grzegorz Tsamblak a problemy Cerkwi prawosławnej w państwie polsko-litewskim u schyłku XIV i pierwszej ćwierci XV w.,* „Balcanica Posnaniensia. Acta et studia", vol. II, Poznań 1985.
Waszkiewicz Zofia, *Neounia – nieudany eksperyment?,* [in:] *Czterechsetlecie zawarcia unii brzeskiej 1596-1996,* ed. St. Alexandrowicz i T. Kempa, Toruń 1998.
Wolff Janusz, *Kniaziowie litewsko-ruscy*, Warszawa 1895.
Woliński Janusz, *Polska i Kościół prawosławny. Zarys historyczny*, Lwów 1936.
Załęski Stanisław, *Jezuici w Polsce*, vol. I, Lwów 1900.
Μιρόνοδιτς Ἀντώνιος, *Εκκλησιστικες Ουνιες στα Πολωνικα Εδαφη Και οι Συνεπειες Αυτων,* „Οικουμενισμος Γένέση-Προσδοκίες-Διαψεύσεις", Τομος Β, Θεσσαλονικη 2008.

Антонович Владимир Бонифатьевич, *Предисловие*, [in:] *Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденную при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе*, ч. 1, т. IV, Киев 1871.
Батюшков Помпей Николаевич, *Холмская Русь,* вып. VII, Санкт-Петербург 1885.
Голубинский Евгений Евсигнеевич, *История Русской Церкви*, т. II, ч. 1, Москва 1900.
Грушевський Михáйло Сергíйович, *Історія України-Руси*, т. VII, Київ-Львів 1909.
Грушевський Михáйло Сергíйович, *Історія України-Руси*, т. VIII, ч. III, Київ-Відень 1922.
Дорошенко Дмитр, *Нарис истории Украины*, т. I., Warszawa 1932.
Лотоцький Олександер, *Українські джерела церковного права,* Варшава 1931.
Макарий (Булгаков), митрополит, *История Русской Церкви*, т. IV, Москва 1866.
Макарий (Булгаков), митрополит, *История Русской Церкви*, т. III, ч. 1, Москва 1995.
Макарий (Булгаков), митрополит, *История Русской Церкви*, т. IX, Санкт-Петербург 1880.
Макарий (Булгаков), митрополит, *История Русской Церкви*, т. XI, Санкт-Петербург 1882.
Малышевский Иван Игнатьевич, *Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви*, vol. 1., Киев 1872.
Миронович Антоний, *Неоуния в Польше в межвоенной период*, „Вестник Екатеринбургской духовной семинарии", Екатеринбург 2013, вып. 2 (6).

Орловский Петр Иванович, *Участие запорожских козаков в восстановлении Иерусалимским патриархом Феофаном православной Южно-Русской церковной иерархии в 1620 г.*, [in:] *Труды Киевской Духовной Академии 1905 г.*, Киев 1905.

Свитич Александр, *Православная Церковь в Польше и ее автокефалия*, Буэнос-Айрес 1959.

Соловьев Сергей Михайлович, *История России с древнейших времен*, т. II, Москва 1993.

Яцимирский Александр Иванович, *Григорий Цамблак. Очерк его административной и книжной деятельности*, Санкт-Петербург 1904.

ADRIAN KUPRIANOWICZ

Очерк истории православных монастырей Полоцкой епархии с XI до конца XVI века

Słowa kluczowe: diecezja połocka, monastery, święci połoccy, biskupstwo, metropolia kijowska

Keywords: Polock diocese, monasteries, Polock saints, bishropics, Kiev metropoly

Streszczenie

Zarys dziejów prawosławnych monasterów diecezji połockiej od XI do końca XVI wieku

Dzieje diecezji połockiej sięgają początków chrześcijaństwa na Rusi, które swoje korzenie czerpią z Kijowa. Pierwsze klasztory na Rusi powstały już w IX wieku, które stały się centrami życia duchowego oraz kulturowego. Pierwsze monastery na ziemi połockiej powstały w X wieku. Doniosłą rolę w życiu diecezji połockiej odegrali biskupi: Mina (1105-1116), Dionizy (1166-1187), Szymon (1266-1289) oraz postać św. mniszki Eufrozyny Połockiej (ok. 1101-1104-1173). Duża liczba monasterów erygowanych w diecezji połockiej świadczy o tym, że społeczeństwo w pełni rozumiało i doceniało znaczenie ośrodków zakonnych oraz ich życie duchowe. Książęta i ktitorzy w pełni rozumieli znaczenie monasterów. Nadania, które były przekazywane na rzecz klasztorów służyły w intencji modlitw za dusze dobroczyńców. W każdym biskupim bądź książęcym mieście były wznoszone klasztory.

Abstract

History of orthodox monasteries in Polock Land since 11th century till end 16th century

The history of the Polotsk diocese dates back to the beginnings of Christianity in Russia, which draws its roots from Kiev. The first monasteries in Russia were established in the 9th century, being centers of spiritual and cultural life. The first monasteries in the Polotsk region were established in the 10th century. An important role in the life of the Polotsk diocese was played primarily by bishops: Mina (1105-1116), Dionysius (1166-1187), Szymon (1266-1289) and the figure of Saint. nun Euphrosyne of Polotsk (ca. 1101-1104-1173). The large number of monasteries erected in the Polotsk diocese proves that society fully understood and appreciated the importance of monastic centers and their spiritual life. Dukes and ktitors fully understood the

[1] Mgr Adrian Kuprianowicz, filolog, autor kilkunastu publikacji naukowych i popularno-naukowych. Adrian Kuprianowicz, M.A., philologist, author of several scientific and popular science publications.

importance of monasteries. The offerings that were donated to the monasteries were used for prayers for the souls of benefactors. Monasteries were built in every episcopal or princely city.

История Полоцкой епархии восходит к зарождению христианства на Руси, которая уходит своими корнями в Киев. Старейшей епархией на землях Руси была Киевская епархия. Первым епископом, назначенным на Киевский собор, был Леонтий. С 988 года христианство распространилось и на другие области Великого княжества Киевского. С распространением христианства на Руси стала зарождаться и монашеская жизнь.

В XI веке, помимо митрополичьей епархии, были учреждены епископства в Белгороде, Новгороде, Полоцке, Чернигове и Переяславе[2]. Таким образом, в Русской церкви, с учреждением митрополии, с самого начала появляется сеть владычеств в наиболее важных с точки зрения Киева местах. Основание епископств, как правило, происходило на базе существующих надместных центров («градов»), которые стали ядром позднейших городов. Насыщенность Руси поселениями, выполнявшими более широкие политические, военные и экономические функции, была относительно высокой, и некоторые из них были тогда, для реалий Восточной Европы, крупными центрами[3].

Первые упоминания, согласно летописям о Полоцке, относятся к 862 году. Как утверждает Владимир Орлов, с 862 года начинается история одного из древнейших белорусских городов[4]. Первоначально Полоцк был укреплен деревянной стеной и занимал площадь в 1 га. Население города колебалось в границах около 5 000 человек. Основным занятием жителей было ремесленничество в самом широком смысле этого слова. В то время Полоцк считался одним из самых прославленных городов Европы. Удобное расположение города, где был речной центр, позволяло вести торговлю с Римом, Византией и Скандинавией. Власть полоцкого князя простиралась от Припяти до Балтийского моря и от Днепра до устья Немана. Оживленные контакты с внешним миром в это время оказали огромное влияние на распространение христианства в этих землях. В X веке Полоцк не только принадлежал к основным центрам восточнославянской культуры, но и представлял собой, наряду с Киевом и Новогрудком, оформленную структуру собственной государственности. Летопись монаха Нестора, «Повесть временных лет» называет Полоцк городом,

---

[2] Е. Голубинскій, *Исторія Русской Церкви*, т. I, Москва 1901, с. 333-334.
[3] М. Тихомиров, *Древнерусские города*, Москва 1956, с. 9-32; И. Фроянов, А. Дворниченко, *Города-государства Древней Руси*, Ленинград 1988, с. 22-40.
[4] У. Арлоў, *Таямніцы полацкай гісторыі*, Мінск 1994, с. 27.

где находилась резиденция князей, правителем которых был киевский князь Олег. Полоцкое княжество было основано только в середине X века, во времена правления Рогволода. Древнейшее сообщение о существовании Полоцкой епископии относится к началу XII века и касается рукоположения Мины в епископы Полоцка 13 декабря 1105 года. Он был возведен в этот сан Киевским митрополитом Леонтием[5]. Сохранилась также аннотация о его смерти 20 июня 1116 года[6].

Полоцкое княжество было основано, вероятно, во времена правления Владимира Великого, хотя первые сведения о полоцком епископе относятся к 1105 году. Полоцк среди других земель Руси играл важную политическую роль. Владимир I определил его в качестве резиденции своего старшего сына Изяслава, который умер в 1001 году. Городом правила одна династия, происходившая от внука Владимира I – Вячеслава. Его сын Всеслав воздвиг в Полоцке храм Божественной премудрости. Пятинефная церковь святой Софии была связана по стилю с соборами святой Софии в Киеве и Новгороде. Освящение возведенного храма Божественной Премудрости имело особое значение, поскольку отражало стремление Полоцка сравниться с главными политическими центрами Киевской Руси. О самом факте основания каменного собора свидетельствует резиденция там местного епископа в середине XI века. Полоцкая епархия распространялась на территории Полоцкой и Витебской земель. Территория юрисдикции этого епископства сокращалась по мере того, как сокращались границы Полоцкого княжества[7]. Можно предположить, что благодаря своему политическому положению город мог получить епископскую резиденцию уже во времена Владимира Великого или между 1015 и 1024 годами. В то время возведению собора не мог противостоять Ярослав Мудрый, враждовавший с полоцкими князьями. Полоцкая епархия в XI веке охватывала территории, принадлежавшие Полоцкому княжеству. Она располагалась в северной части Беларуси, охватывая Витебскую землю и северную часть Минской земли. На северо-западе власть полоцких князей простиралась вдоль западного берега Двины вплоть до Риги. В состав княжества также входили Мстиславская и Могилевская земли. Православные верующие, проживавшие в Риге, находились под юрисдикцией Полоцкого епископа. В границы Полоцкого княжества входили следующие города: Витебск, Браслав, Заславль, Усвят, Копысь, Минск, Орша, Лукомль, Логойск, Друцк, Голотическ, Борисов,

---

[5] См.: *Полное собрание русских летописей*, т. I, Москва 1962, с. 281.

[6] A. Poppe, *Państwo i kościół na Rusi w XI wieku*, Warszawa 1968, s. 170.

[7] Цит. за: A. Mironowicz, *Biskupstwo turowsko-pińskie w XI-XVI wieku*, Białystok 2011, s. 24; См. также: Л. Алексеев, *Полоцкая земля. Очекки истории Северной Белоруссии в IX-XIII вв.*, Москва 1966, с. 193-199; A. Poppe, *Uwagi o najstarszych dziejach Kościoła na Rusi*, cz. 3, „Przegląd Historyczny”, 1965, t. LVI, cz. 2, s. 559-560; H. Łowmiański, *Geneza ziemi połockiej*, [в:] *Z polskich studiów slawistycznych*, seria 3, Warszawa 1968, s. 7-24; И. Чистович, *Очеркъ исторіи Западно-Русской Церкви*, ч. I, С-Петербургъ 1882, с. 146.

Стрежев, Неколоч, Еменец, Одрск, Городец и Кривич (позднее Вильнюс)[8]. Основание епископства произошло в то время, когда Полоцкое княжество было политически единым и поддерживало хорошие отношения с Киевом[9]. До официального избрания епископа в Полоцке власть в епархии принадлежала Никифору I, митрополиту Киевскому. Подтверждение этому факту можно найти в описании жития святой Евфросинии Полоцкой, в котором упоминается предшественник епископа Мины, епископ полоцкий Илия[10]. Решение епископа совпало с разделом земель князем Владимиром между своими сыновьями. В Полоцке к власти пришел туровский князь Изяслав. Это событие оказало значительное влияние на распространение христианства без применения насилия «без шуму и гвалт»[11], в отличие от других земель.

Первые монастыри в Полоцком крае были основаны в X веке. Согласно «*Саге о крещении»*, Торвальд Странник в 986 году прибыл в Полоцк, где по его инициативе должен был быть основан монастырь св. Иоанна. Торвальд умер около 1000 года и был похоронен в том же монастыре[12]. Похожие свидетельства сообщают, что в 1000 году в Изяславе пребывала жена Владимира Рагнеда, дочь Рогволода, князя Полоцкого[13]. В 985 году она попала в немилость Владимира, который приказал своей жене и сыну Изяславу поселиться в специально основанном для них городе Изяславе под Минском. Рагнида поступила в монастырь, приняв монашеское имя Анастасия (†1000)[14]. Анастасия стала первой монахиней на землях Руси и привела к основанию первого монашеского центра в Полоцке. В 1007 году в письменных источниках, то есть в «*Лаврентьевской летописи*», мы находим первое упоминание о церкви Богородицы в Полоцке[15]. В этот период была построена церковь святой Софии-Премудрости Божией. Ее строительство было инициировано князем Веславом, а возводили ее византийские строители. Церкви, посвященные Премудрости Божией, были построены в Киеве и Новгороде. Эта церковь была символом единства земель Руси. Хотя полоцкие епископы находились в зависимости от киевского митрополита, они пользовались большим авторитетом в религиозной и политической жизни. В документах очень часто можно

[8] У. Арлоў, *Таямніцы…*, с. 57.

[9] A. Poppe, *Państwo i kościół…*, s. 172; G. Podskalsky, *Chrześcijaństwo i literatura teologiczna na Rusi Kijowskiej (988-1237)*, Kraków 2000, s. 59-68.

[10] У. Арлоў, *Еўфрасінія Полацкая*, Мінск 1992, с. 200; Г. Шейкин, *Полоцкая епархия. Историко-статистическое обозрение*, Минск 1997, с. 6-7.

[11] Г. Шейкин*, Полоцкая епархия...,* с. 7.

[12] А. Катлярчук, *Місія Торвальда вандроўніка*, „Лабірынт”, студзень 2012, № 16, с. 4.

[13] Ю. Заяц, *Заславль в эпоху феодолизма*, Минск 1995, с. 207; В. Чамярыцки, *Летапісныя рэдакцыі падання пра Рагнеду*, „Беларусіка-Albaruthenica”, кн. 9, *480 год беларускага кнігадрукавання:Матэрыялы Трэціх Скарынаўскіх чытанняў*, гал. рэд. А. Мальдзіс інш., Мінск 1998, с. 163-169.

[14] *Беларускія летапісы і хронікі*, Мінск 1997, с. 391.

[15] Г. Шейкин*, Полоцкая епархия...,* с. 8.

встретить печать Полоцкого епископа, считающегося «(...) старшим по своему авторитету представителем Полоцкой земли (...)»[16]. Епископы занимали почетное место среди иерархии, а также принимали участие в государственных церемониях. О роли полоцких епископов в политической и православной церковной жизни свидетельствует участие правителя Мины в 1115 году в перенесении мощей святых мучеников Бориса и Глеба. В 1182 году епископ Косма принял участие в церемонии возведения Климента Смолятича в кафедральный собор в Киеве. В 1182 году, во время пострижения игумена Василия Новгородского киевским митрополитом Никифором II, в Киеве среди прочих деятелей находился епископ Никола Полоцкий. А в 1330 году епископ Григорий подписал первый перед князем Глебом торговый договор между Полоцком и Ригой.

XII век характеризуется развитием и расцветом монашеской жизни в Полоцкой земле. Значительный вклад в это вносит фигура преподобной Евфросинии Полоцкой. В XII веке монастыри, основанные Святой, играют важнейшую роль в развитии духовности.

В XIII веке в состав Полоцкой епархии входили следующие города: Полоцк, Минск, Витебск, Друцк, Заславль, Логойск, Слуцк, Новогрудок, Ольша, Лукомль. В это время епархия была включена в состав Галицкой юрисдикции.

В 1307 году Полоцкая земля вошла в состав Великого княжества Литовского [далее: ВКЛ]. В то время у литовских князей не было удельной власти. Земли, вошедшие в состав ВКЛ, разделены на несколько районов, в которых власть была разнородной. «Первая группа состояла из районов Литовской Руси на северо-востоке и востоке от Аукштота, присоединенных раньше всех и управляемых централизованно: Беларусь (ок. 1326), Полоцкая земля (1307), Витебская земля (1320), и, наконец, на западе и юге к 1320 году занятые Полесье и Подляшье»[17].

Полоцк вместе с Витебском были господарскими уделами. Эти территории вошли в состав Витебской епархии, которая была основана в 1387 году. Положение православной церкви в то время было неясным. Оно выражалось в правовой дискриминации православной церкви, что нашло отражение в привилегиях Владислава Ягелло в 1387 году и в «католизации» Литвы. Такая ситуация сохранялась до 1430 года. Примером тому может служить согласие Витольда, дающее русинам права выбора: повторно креститься по латинскому обряду или добровольно остаться православными.

С 1356 по 1361 год Полоцкая епархия находилась в составе Новогрудской митрополии. Несмотря на войну с Орденом, Полоцк поддержи-

[16] Там же, с. 11.
[17] T. Trajdos, *Kościół katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Władysława II Jagiełły (1386-1434)*, t. I, Wrocław 1983, s. 23.

вает торговые контакты. В 1405 году был подписан торговый договор между Ригой и Полоцком.

На рубеже XIV и XV веков политическое значение Полоцка значительно ослабевает. Его место занимает Новогрудок, позже Витебск. Однако православие в Полоцке было: «иерархически сильнее, чем в Смоленске или Витебске»[18]. В 1405 году, после смерти Киприана, Витольд назначает на престол Киевской митрополии епископа Полоцкого Феодосия Грека. Однако в 1414 году избирается новый митрополит Киевский Григорий Цамблак.

Начиная с правления Витаутаса в ВКЛ была живой идея унии[19]. Об этом свидетельствуют документы, в которых записано, что бернардинский приход, основанный в 1498 году, занимался мессианской деятельностью, сохраняя при этом церковный, восточный, традиционный обряд. Причиной такой ситуации стали разногласия между Московской и Полоцкой православными церквями. Например, в полоцких церквях детей крестили не каноническим погружением, а обливанием святой водой. При крещении имена давались не в соответствии с эквивалентами имен святых, как предписывали каноны, а по усмотрению родителей ребенка. Подобных расхождений было так много, что московские митрополиты стали называть сложившуюся ситуацию «литовской схизмой»[20]. Эти факты приводили к абсурдным ситуациям, как, например, в 1558 году, еще при жизни, полоцкий архиепископ Герасим (в мирской жизни Бояр-Глеб Корсак) получил от короля Сигизмунда III Августа епископство в награду за верную службу.

В 1563 году Полоцк переходит во владение царя Ивана IV Грозного, который подтверждает полученный ранее статус епархии как архиепископства. В 1579 году Стефан Баторий снова берет Полоцк. В 1596 году в Брест-Литовске был подписан акт Брестской унии. На месте Киевской митрополии была основана Минская митрополия, в границы которой вошла и Полоцкая епархия. Кроме нее, в состав митрополии входили Киевская, Брест-Лодзимирская, Луцкая, Хелмская, Пинская епархии, а в начале XVII века к ним добавились Львовская и Пшемысльская епархии, а в 1626 году-Смоленская епархия.

XI и XII века в истории епархии можно назвать периодом пышного развития и роста духовной и культурной жизни. В первую очередь это связано с фигурой Евфросинии Полоцкой[21], которая внесла значительный

[18] Там же, с. 33.
[19] M. Melnyk, *Idea katolicko-prawosławnej unii uniwersalnej w Rzeczypospolitej (1590-1592)*, „Przegląd Wschodnioeuropejski", Olszyn 2010, s. 29-30.
[20] У. Арлоў, *Таямніцы…*, с. 172.
[21] У. Арлоў, *Еўфрасінія Полацкая*, Мінск 1992; *Аповесць жыцця і смерці святой і блажэннай і найпадобнейшай Еўфрасінні, ігуменні манастыра Святого Спаса і Найсвяцейшай Ягонай Маці, што ў горадзе Полацку. Благаславі, Ойча!*, [в:] *Старабеларуская літаратура XI-XIII стст.*, пад рэд. Галіны Тварановіч, Беласток 2004, с. 71-82.

вклад в развитие духовной и монашеской жизни на белорусских землях. Евфросиния Полоцкая (род. ок. 1104-1101, ум. 1173) родилась в княжеской семье Святослава Всеславовича, князя Полоцкого, и Софьи, княгини Киевской. Она стала первой женщиной-святой в восточнославянском регионе. Ее мирское имя – Предслава. Будучи дочерью князя, она получила образование в области греческого, латыни, музыки и изучения Священного Писания. Ее образование проходило при соборе святой Софии, или в родном доме. Учителями Предславы были монахи. Она была одной из самых образованных женщин той эпохи. Она обладала хорошо развитой эрудицией, читала богословские и патристические книги, а также трактаты и рассказы. Когда ей исполнилось 12 лет, она без согласия семьи отправилась в женский монастырь, возглавляемый ее тетей Романой в качестве игуменьи. Втайне она приняла бессрочный монашеский постриг перед прибывшими из Полоцка монахами, приняв имя Евфросиния[22]. Во время пребывания в монастыре святой было видение, в котором ей явился ангел, направляющий ее в Селец под Полоцком, который сказал: «Подобает тебе, здесь пребывать, потом что Бог через тебя на этом месте многих приведет ко спасению»[23]. Это видение повторилось трижды. В то же время епископу Илии было подобное видение-сон, в котором ангел изрек: «Веди рабу Божию Евфросинию к Церкви Спасителевой, находящейся при Сельце, и посели ее при тей церкви, дабы там был монастырь из посвещенных Богу девиц, которых Бог хотел спасти через сию блаженную Евфросинию. Молитва ее как миро благоуханное восходит к Богу, и на ней почиет дух Святой, как на главе царевой, и как сияет солнце по вселенной, так просияет житие ее перед ангелами Бижими»[24]. В результате полоцкий епископ Илия дает святой благословение на основание монастыря. Официальное пожалование земли под монастырь состоялось в присутствии отца, князя Бориса, и многочисленных бояр. Под сильным влиянием св. Евфросинии позже ее сестра и три двоюродные сестры приняли монашеский постриг по благословению епископа Дионисия Полоцкого.

В монастырях были помещения для переписывания книг и иконописные мастерские. Кроме того, они занимались филантропической деятельностью. Евфросиния также стала инициатором создания школ, в которых помимо церковно-славянского языка преподавались греческий, латынь, риторика, медицина, естественные науки и история. Наибольшее внимание уделялось изучению истории местных земель. Эти школы отличались высоким образовательным уровнем, в них обучались не только дети из богатых семей, но и дети простых горожан. С одобрения епископа

[22] E. Trofimiuk, *Monastery połockie do końca XVI wieku*, [в:] *Życie monastyczne w Rzeczypospolitej*, red. A. Mironowicz, U. Pawluczuk, Białystok 2001, s. 103.
[23] *Избранные жития русских святых X–XV вв.*, Москва 1992, с. 134.
[24] Там же.

Полоцкого Илии монахиня основала женский монастырь Христа Спасителя (ок. 1125). Это продукт полоцкой архитектурной школы. Архитектором был один из местных монахов, который спроектировал еще три церкви, включая одну в пригородном городе Селец. Именно по ее инициативе в том же году был основан мужской монастырь Успения Богоматери. В начале XIII века в Полоцке был основан еще один монастырь святых Бориса и Глеба[25].

Св. Евфросиния умерла 23.05.1173 в Иерусалиме. Через десять лет после ее смерти ее мощи были перенесены в Киево-Печерскую лавру. В честь памяти святой в 1161 году полоцким мастером Лазарем Богшей был изготовлен и украшен драгоценными камнями крест. Этот крест должен был служить *строго* литургической цели во время церковного праздника Воздвижения Святого Креста. Через некоторое время Евфросинию причисляют к лику святых православной церкви. Можно предположить, что это произошло во время правления епископа Дионисия, около 1182 года. В конце XII века появляется первое описание жития святой, а также тропарь и кондак в честь ее памяти. На протяжении последующих веков она считалась местной святой, а Полоцк до середины XVI века был центром духовного развития белорусских земель. С XV по XVI век в кафедральном городе Полоцке было возведено более десятка монастырей.

* * *

Спасо-Евфросиниевский, женский, основанный преподобной Евфросинией, игуменней Полоцкой. Основан в 1127-1128 гг. на правом берегу реки Полоты в загородном Сельце. При основании монастыря преп. Евфросиния взяла к себе в помощь младшую сестру Городиславу (в постриге Евдокия) и организовала монастырскую школу для обучения девушек, а также скрипторий. Поминальные записи и фрески стенах XII–XVI вв. свидетельствуют о том, что некоторые граффити, квлючая древнейшиу, были сделаны местными клириками. Часть граффити имеют летописный характер или включают записи, упоминающие имена настоятельний[26]. В XV–XVI вв. Большое внимание обители уделяли православные представители самого знатного полоцкого бояроского рода Корсаков, записи о которых также встречаются в граффити Преобряженского собора. В обители был возведен каменный Преобряженский собор, в котором хранились точная копия с Эфесской иконы Божией Матери и дргоценный крест, созданный по благословению преподобной Евфросинии мастером Лазарем с надписью: «Въ лѣ[то] 6000 и 669 покладаеть Офро-

[25] A. Mironowicz, *Biskupstwo turowsko-pińskie…,* s. 38; См. также: Макарий (М. Булгаков), *История Русской Церкви*, т. II, Москва 1994, с. 174-175; В. Зверинский, *Материалы для историческо-топографического исследования о православных монастыриах в Российской Империи*, т. I-III, Санкт Петербург 1890-1897; Л. Денисов, *Православные монастыри Российской Империи*, Москва 1909.

[26] „Православная Энциклопедия”, т. LVII, Москва 2020, с. 228.

синья чьстьныи кр(е)стъ въ манастыри своемь въ ц(е)ркви С(вя)т(о)го Сп(а)са. Чьстьное дрѣво бесцѣньно есть, а кованье его злото, и серебро, и камѣнье, и жьнчигъ въ 100 гривнъ, а др[ѣво] 40 гривнъ. Да нѣ изнесѣться из манастыря никогда же, яко ни продати, ни отдаті, аще се кто прѣслоушаеть, изнесѣть и от манастыря, да не боуди емоу помощникъ чьстьныи кр(е)стъ ни въ сь вѣкъ, ни въ боудщии, и да боудеть проклятъ С(вя)тою Животворящею Троицею и с(вя)тыми отци 300 и 18 семию съборъ с(вя)тыхъ от(е)ць и боуди емоу часть съ Июдою, иже прѣда Х(ри)с(т)а. Кто же дрьзнеть сътвори с[ие], властелинъ или князь, или пискоупъ, или игоумѣнья, или инъ которыи любо ч(е)л(о)в(е)къ, а боуди емоу клятва си. Офросинья же раба Х(ри)с(то)ва, сътяжавъши кр(е)стъ сии, прииметь вѣчную жизнь съ всѣ[м]и с[вятыми]».

Свято-Борисо-Глебски[27], за рекой Двиной, над ручьем Бельчицей, основанный, одновременно с софийским собором, полоцким князем Борисом Гинвиловичем, внуком литовско-новорудского князя Мингайла, овладевшего Полоцком в 1190 году. Археологические раскопки показывают, что в монастыре, кроме главного храма, было еще три святыни, а именно Пятницкая церковь святой Параскевии, Бориса и Глеба, а также православный храм, святой покровитель которого неизвестен. Весь этот комплекс выполнял роль оборонительного фронта в северной части города[28]. Монастырь снабжен был угодьями, землями и населенными имениями и состоял под покровительством полоцких князей, а по прекращении сих последних, под покровительством бояр-вкладчиков, кои, с согласия архимандрита, избрали из среды себя, на известное число лет, двух монастырских старост, обязанных пещись о благосостоянии монастыря и целости принадлежащих ему имений. Полоцкие архиепископы были настоятелями этого монастыря. Из них Герасим Корсак роздал многие имения монастыря своим братьям и зятьям, отчего монастырь начал приходить в упадок[29].

Свято-Троицкий, за рекой Полотой, известный по жалованной грамоте великого князя полоцкого Андрея Ольгердовича (павшего в битве при реке Ворскле в 1399) этому монастырю на бобровые гоны в реке Зване. Сожжен до основания поляками в 1579 году[30]. В монастыре Святой Троицы хранились рукописные Евангелия, известные как Полоцкие Еван-

[27] Дарственная привилегия от 1392 года сообщает, что «Ярослав Изяславович, называя себя «князем полоцким», делает пожертвование по просьбе архимандрита Филарета и «боголюбивых людей» того же монастыря», см. T. Trajdos, *Kościół katolicki na ziemiach ruskich…*, s. 36.

[28] С.В. Тарасаў, *Полацк IX-XVII стст. Гісторыя і тапаграфія*, Минск 2001, с. 78; А. Трусаў, *Бельчыцкі манастыр*, „Беларускі Гістарычны Часопіс", 1993, № 1, с. 43.

[29] И. Чистович, *Очеркъ исторіи Западно-Русской Церкви*, ч. I, С-Петербургъ 1882, с. 146; *Вѣстникъ Западной Россіи*, 1863 год, ноябрь.

[30] *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею* [далее: АЗР], I, Санкт-Петербург 1846, № 13.

гелия. Эти Евангелия состояли из трех рукописей, датируемых XII–XIV веками. Одна из рукописей была написана (переписана) двумя видами устава в две колонки на 172 страницах. Сохранились две заставки, одна из которых имеет орнамент византийского типа. Евангелие было украшено инициалами и заголовками. На полях рукописи сохранились дарственные записи XIV-XVII веков о пожертвованиях земель монастырю, в том числе завещание XIV века, сделанное князем Андреем Ольгердовичем[31].

Свято-Николаевский на Лучне, основанный в XIII (126-1271) веке епископом Симеоном новгородцем. По случаю притязаний на этот монастырь полоцкого епископа Луки, тамошние бояре и мещане в 1496 году просили великого князя Александра о взятии монастыря в свое княжеское подаванье: «и положили бояре перед нами евангелие и в евангелии записано, што тот монастырь здавна подаванье наше господарское. И мы, тому вразумевши, тот монастырь святого Николы на Лучне к нашему подаванью взяли есьмо, а владыце полоцкому ненадобе в тот монастырь вступатися»[32].

Свято-Иоанно-Предтеческий, на Двинском острове, существовал уже в XIII веке. С другой стороны, проведенные археологические исследования датируют основание монастыря XIV веком. Согласно полоцкой грамоте 1350 г. (по другой датировке 1377-1381 гг.), в ней говорится о церкви св. Иоанн Креститель в Оструве[33]. Однако А. Супронов приводит запись Ивашки Михайловича от 1399 года, в которой говорится, что: «Иоану Предтечи у остров сеножатку межу дорогами Бабиницкой и Ворницкой вверх Савина ручья»[34]. По силе несудимой грамоты, пожалованный сему монастырю основателем его, полоцким князем Онуфрием, он не подлежал управе местных владык[35]. Из настоятелей его многие возведены были в сан полоцких епископов[36].

Спасский, женский монастырь в урочище Сельце, при церкви Св. Спаса в 2-х верстах от Полоцка, основанный в XII веке полоцким князем Борисом Васильевичем († 1128 году) по просьбе племянницы его Предиславы Юрьевны, в монашестве Евфросинии. Здесь она занималась перепиской священных книг и отсюда предприняла путешествие на поклонение гробу Господню в Иерусалим, где и скончалась. В 1582 году Спасский

[31] М. Нікалаеў*, Полацкія Евангеллі*, [в:] *Вялікае Княтва Літоўскае, Энцыклапедыя*, т. II, Мінск 2006, с. 455.
[32] И. Чистович, *Очеркъ исторіи…*, с. 146; *Архив Юго и Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов* [далее: АЮиЗР], т. I, Киев, 1887, № 233.
[33] *Полоцкие грамоты XIII-начала XVI вв.*, вып. 1, изд. А. Л. Хорошкевич, Москва 1977, с. 42.
[34] А.Сапунов, „Витебская старина”, т. V, Витебск 1888, с. 12.
[35] АЗР, т. I, № 14. пр. II.
[36] И. Чистович, *Очеркъ исторіи…*, с. 146; АЮиЗР, т. I, № 51; Игумен этого монастыря Евфимий присутствовал на виленском соборе 1509 году. В 1534 году настоятелем монастыря был архимандрит Стефан Рогоза. Тяжба с ним монахов о разделении доходов, АЗР, т. II № 174.

монастырь обращен в иезуитский костел; в 1820 году отдан базильянам; в 1832 году возвращен православным[37].

Свято-Петро-Павловский (Петровский), на Вверхнем замке на месте, называемом Волкова Вежа[38]. Основанный полоцким князем Михаилом около 1235 года. Ныне не существует.

Городецкий Михайловский, за рекой Полотой, основанный князьями Петром и Иваном Морожскими.

Свято-Воскресенский (Мошенецкий), в Нижнем замке (в Монце), основанный князем Юрием и княгиней Агриппиной.

Спасо-Преображенский и Заполотский, при впадении Полоти в Двину.

Космо-Дамиановский, за рекой Полотой, в Заполотье.

Пятницкий, за рекой Двиной, на реке Бельчице.

Свято-Георгиевский, за городом, упоминаемый в 1582 году.

Пречистенский, женский монастырь в Витебске, упомянутый в 1553 году[39].

В 1580 году захватывают в пользу иезуитов монастырь св. Петра и Павла. Еще одним важным событием стало основание иезуитской коллегии в 1582 году и выдача королем Стефаном Баторием привилегии, которая давала иезуитам право на владение всеми монастырями со всем их имуществом. На тот момент в структуре православной церкви оставался только монастырь святых Бориса и Глеба и Богоявленский монастырь. В 1588 году остаются только храмы, находящиеся в юрисдикции православного митрополита в Полоцке: собор святой Софии, Собор Христа Спасителя, Собор Рождества Христова и святых Космы и Дамиана[40].

* * *

Большое количество монастырей, основанных в Полоцкой епархии, свидетельствует о том, что общество в полной мере осознавало и ценило значение монастырских центров и их духовной жизни. В описываемые периоды истории именно они были центром духовного и культурного развития. Священники бояры и ктиторы прекрасно понимали значение монастырей, нередко являясь их основателями. Подношения, которые жертвовались монастырям, служили для молитв за души благотворителей. Монастыри возводились в каждом епископском или княжеском городе. Жизнь и деятельность святых привели к увеличению числа мирян, присоединившихся к монашескому сословию. Кроме св. Евфросинии Полоцкой следует отметить фигуру епископа Полоцкого Мины, который начал свою религиозную жизнь в знаменитой тогда Киево-Печерской лавре, откуда был назначен епископом. Упоминания о нем мы находим в «Киево-

[37] И. Чистович, *Очеркъ исторіи…*, с. 146.
[38] Г. Шейкин, *Полоцкая епархия…*, с. 21.
[39] АЗР, т. III, № 12.
[40] *Виленский Археологический Сборник*, т. I. № 59.

Печерском патерике», где читаем: «Из этого, брат, Печерского монастыря Пресвятой Богородицы поставлено много епископов, как от самого Христа Бога нашего посланы были апостолы во весь мир; и как яркие факелы просветили они святым крещением всю Русскую землю... Мина – в Полоцке... Смотри же, брат, какой славой и честью пользуется этот монастырь».

К группе «святителей» принадлежат четыре полоцких епископа: Мина (1105-1116), Дионисий (1166-1187), Игнатий (1197-1210) и Симон (1266-1289). Эти епископы сыграли важную роль в развитии христианства в Полоцкой земле и способствовали росту православной церкви своей просветительской и социальной деятельностью. Святой Мина, первый из известных ординариев Полоцкой епархии, был инициатором строительства собора святой Софии. Владыка Дионисий прославился как основатель нескольких монашеских центров и инициатор канонизации свято 1 Евфросинии. Св. Симон известен как первый епископ Тверской епархии (1271-1289), строитель Преображенского собора и миссионер[41].

Дух, который излучали монастыри, оказывал положительное влияние, направляясь в сторону идеальной модели жизни христианского развития. Слова тропаря св. Евфросинии выразительно отражают роль вышеупомянутых титанов духа: «Прыкладам тваім, Маці, Прасветніца Беларусі, можна збавіціся, бо ты ўзяла крыж і пайшла за Хрыста і прыкладна вучыла, як трэба грэбаваць целам, а ходацца за душу несьмяротную. Дзеля гэтага, дастойная Еўфрасінія Вялікая, князёўна Полацкая, твой дух будзе радавацца разам з анёламі»[42].

Библиография

Источники

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I-III, Санкт Петербург 1863; 1865; 1861.

Архив Юго и Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, т. I, Киев 1887.

Беларускія летапісы і хронікі, Мінск 1997.

Вѣстникъ Западной Россіи, 1863 год, ноябрь.

Виленский Археологический Сборник, т. I. № 59.

Избранные жития русских святых X-XV вв., Москва 1992.

Полное собрание русских летописей, т. I, Москва 1962

[41] Цит. за: A. Mironowicz, *Biskupstwo turowsko-pińskie…*, s. 42; тот же, *Święci w Kościele prawosławnym na Białorusi*, [в:] *Wilno i kresy północno-wschodnie*, t. I: *Historia i ludzkie losy*, red. E. Feliksiak i A. Mironowicz, Białystok 1996, s. 79-81; *Жития святых*, изд. монахиня Таисия, т. I., New York 1983, c. 95, 243-245; А. Мельников, *Путь непечален. Исторические свидетельства о святости Белой Руси,* Миньск 1992, с. 21-25, 41-43.

[42] *Трапар, спеў 8. Праваслаўны малітоўнік*, Таронта 1990.

Полоцкие грамоты XIII-начала XVI вв., вып. 1, изд. А. Л. Хорошкевич, Москва 1977.
„Православная Энциклопедия”, т. LVII, Москва 2020.

Литература

Łowmiański Henryk, *Geneza ziemi połockiej*, [в:] *Z polskich studiów slawistycznych*, seria 3, Warszawa 1968.
Melnyk Marek, *Idea katolicko-prawosławnej unii uniwersalnej w Rzeczypospolitej (1590-1592)*, „Przegląd Wschodnioeuropejski”, Olszyn 2010.
Mironowicz Antoni, *Biskupstwo turowsko-pińskie w XI–XVI wieku*, Białystok 2011.
Mironowicz Antoni, *Święci w Kościele prawosławnym na Białorusi*, [в:] *Wilno i kresy północno-wschodnie*, t. I: *Historia i ludzkie losy*, red. E. Feliksiak i A. Mironowicz, Białystok 1996.
Podskalsky Gerhard, *Chrześcijaństwo i literatura teologiczna na Rusi Kijowskiej (988-1237)*, Kraków 2000.
Poppe Andrzej, *Uwagi o najstarszych dziejach Kościoła na Rusi*, cz. 3, „Przegląd Historyczny”, 1965, т. LVI, ч. 2.
Poppe Andrzej, *Państwo i kościół na Rusi w XI wieku*, Warszawa 1968.
Trajdos Tadeusz, *Kościół katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Władysława II Jagiełły (1386-1434)*, т. I., Wrocław 1983.
Trofimiuk Ewa, *Monastery połockie do końca XVI wieku*, [в:] *Życie monastyczne w Rzeczypospolitej*, red. A. Mironowicz, U. Pawluczuk, Białystok 2001.
Алексеев Леонид Васильевич, *Полоцкая земля. Очекки истории Северной Белоруссии в IX-XIII вв.*, Москва 1966.
Аповесць жыцця і смерці святой і блажэннай і найпадобнейшай Еўфрасінні, ігуменні манастыра Святого Спаса і Найсвяцейшай Ягонай Маці, што ў горадзе Полацку. Благаславі, Ойча!, [в:] *Старабеларуская літаратура XI–XIII стст.*, пад рэд. Галіны Тварановіч, Беласток 2004.
Арлоў Уладзімір, *Еўфрасінія Полацкая*, Мінск 1992.
Арлоў Уладзімір, *Таямніцы полацкай гісторыі*, Мінск 1994.
Чамярыцкі Вячаслаў, *Летапісныя рэдакцыі падання пра Рагнеду*, „Беларусіка-Albaruthenica”, кн. 9, *480 год беларускага кнігадрукавання: Матэрыялы Трэціх Скарынаўскіх чытанняў*, гал. Рэд. А. Мальдзіс і інш., Мінск 1998.
Чистович Иларион Алекееевич, *Очеркъ исторіи Западно-Русской Церкви*, ч. I, С-Петербургъ 1882.
Голубинскій Евгений Евсигнеевич, *Исторія Русской Церкви*, т. I., Москва 1901.
Денисов Леонид Иванович, *Православные монастыри Российской Империи*, Москва 1909.
Жития святых, изд. монахиня Таисия, т. I., New York 1983.
Заяц Юрий Афанасьевич, *Заславль в эпоху феодолизма*, Минск 1995.
Зверинский Василий Васильевич, *Материалы для историческо-топографического исследования о православных монастыриах в Российской Империи*, т. I-III, Санкт Петербург 1890-1897.
Катлярчук Андрэй, *Місія Торвальда вандроўніка*, „Лабірынт”, студзень 2012, № 16.
Макарий (М. Булгаков), *История Русской Церкви*, т. II, Москва 1994.
Мельников Алексей Анатольевич, *Путь непечален. Исторические свидетельства о святости Белой Руси,* Миньск 1992.

Нікалаеў Мікалай*, Полацкія Евангеллі*, [в:] *Вялікае Княтва Літоўскае, Энцыклапедыя*, т. II, Мінск 2006.

Сапунов Алексей Парфёнович, „Витебская старина”, т. V, Витебск 1888.

Тарасаў Сяргей Васільевіч, *Полацк IX-XVII стст. Гісторыя і тапаграфія*, Минск 2001.

Тихомиров Михаил Николаевич, *Древнерусские города*, Москва 1956.

Трапар, спеў 8. Праваслаўны малітоўнік, Таронта 1990.

Трусаў Агег Анатоліевіч, *Бельчыцкі манастыр*, „Беларускі Гістарычны Часопіс”, № 1, Мінск 1993.

Фроянов Игорь Яковлевич, Дворниченко Андрей Юрьевич, *Города-государства Древней Руси*, Ленинград 1988.

Шейкин Геннадий, *Полоцкая епархия. Историко-статистическое обозрение*, Минск 1997.

ОЛЕКСАНДР ФЕДЧУК

Місіонерська діяльність православного духовенства. Волині у другій половині 1920-х рр.: на прикладі боротьби з неоунією

Ключові слова: Православна Церква, неоунія, місіонерство, Дубечне, Жабче, Йосип Перетрухін, Віталій Сагайдаківський

Keywords: Orthodox Church, Neo-Union, missionary work, Dubechne, Zhabche, Yosyp Peretrukhin, Vitaly Sagaidakivskyi

Анотація

Неоунія, що почала розвиватися на Волині з 1925 р., за короткий час пустила корні у селах Озеро, Цегів, Дубечне, Краска, Крутнів, Жачбе. Її розповсюджувачі намагалися поширити свій вплив і в інших місцях Волині. Це викликало помітне занепокоєння православного духовенства, яке почало спрямовувати на боротьбу з неоунією значні місіонерські зусилля. В антиунійській діяльності брали участь як священники парафій, де з'явилася неоунія, так і єпархіальні органи – вікарні архієреї, представники консисторії, єпархіальні місіонери. Докладені зусилля духовенства принесли свої плоди, оскільки до кінця 1920-х рр. активність неоунійної пропаганди на Волині почала зменшуватися, а частина уніатських осередків, яких і так було небагато, занепала.

[1] Олександр Федчук, кандидат історичних наук, кандидат богослов'я, проректор Волинської духовної семінарії УПЦ (Луцьк, Україна). Oleksandr Fedchuk, candidate of historical sciences, candidate of theology, vice-rector of the Volyn Theological Seminary (Lutsk, Ukraine).

Abstract

Missionary activity of the Orthodox clergy Volhynia in the second half of the 1920s: on the example of the struggle against the Neo-Union

Neounia, which began to develop in Volyn in 1925, took root in a short time in the villages of Ozero, Tsegiv, Dubechne, Kraska, Krutniv, and Zhachbe. Its distributors tried to spread their influence in other places of Volyn. This caused noticeable concern of the Orthodox clergy, which began to direct considerable missionary efforts to the fight against the Neo-Union. Both the priests of the parishes, where the neo-union appeared, and the diocesan bodies – vicar bishops, representatives of the consistory, and diocesan missionaries – took part in the anti-union activity. The efforts made by the clergy bore fruit, because by the end of the 1920s, the activity of neo-Union propaganda in Volyn began to decrease, and some of the Uniat centers, which were already few, fell into disrepair.

У 1924 р. в Польщі, з Підляського воєводства, почав розвиватися неоунійний рух, що виник як інструмент Ватикану для окатоличення населення передусім колишніх регіонів Російської імперії. У 1925 р. перший неоунійний осередок з'явився на Волині. Його організатором тут став відпалий від Церкви священник Євсевій Сльозко, котрий підпорядкувався Луцькому католицькому біскупу і зробив спробу перевести в неоунію свою парафію в с. Озеро Луцького повіту. Ще через півроку «перельотом», як називали священників-конвертитів, став другий представник парафіяльного духовенства Волинської єпархії – настоятель церкви с. Цегів Олексій Пелипенко. Намагаючись розповсюдити свій вплив на інші місця, обоє цих осіб зайнялися агресивною пропагандою, всіляко звинувачуючи православну ієрархію і переконуючи населення в тому, що перехід в неоунію полягає не в зміні віри, а тільки у відмові підпорядковуватися користолюбній митрополії, яка нібито не дбає про рядову паству. Називаючи себе «народними» священниками, відступники обіцяли всі треби звершувати задарма і віддавати потребуючим парафіяльні угіддя, що особливо зацікавлювало бідних волинських селян. З цією ж ціллю, вербуючи прихильників, Є. Сльозко й О. Пелипенко почали займатися незаконними вінчаннями, допускаючи до шлюбів юнаків, які не мали дозволу від військових органів, формально не розлучених осіб і близьких родичів.

Агітація «перельотів», позбавлених сану у Православній Церкві, швидко почала приносити свої плоди – в ряді населених пунктів Волині почалися певні коливання вірян, в основі яких були чисто меркантильні міркування, позбавлені якихось догматичних переконань. Неозброєним оком було помітно, що частина неосвіченого в своїй масі сільського

населення дійсно повірила Є. Сльозку та О. Пелипенку, які продовжували ходити в рясі й носити на грудях ієрейський хрест, не збривали бороди.

Таким чином, волинське православне духовенство постало перед сумним фактом появи в єпархії вкрай небезпечного релігійного руху. Зважаючи на його очевидну, на цьому етапі, підтримку органами місцевої влади та загальний вплив католицтва у Польщі, були всі підстави боятися, що його наслідки для Православ’я стануть такими ж руйнівними, якими вони були у випадку з появою в Речі Посполитій наприкінці XVI ст. унії. Ставало очевидним, що Православна Церква мусить докласти чимало зусиль для того, щоб не дати зацікавленим особам імпульсу для подальшого поширення неоунії та послаблення Православ’я.

Першим вступити в боротьбу з уніатським духовенством наприкінці весни – влітку 1925 р. довелося православному кліру с. Озеро Луцького повіту. Делеговані сюди духовною владою священники Іоанн Танашевич та Гавриїл Коробчук переконували селян не довіряти Є. Сльозку, пояснюючи, що той відпав від Православ'я. На допомогу місцевим священникам 9 червня, на третій день Трійці, за дорученням митрополита Діонісія, прибув Кременецький вікарний єпископ Симон (Івановський), який очолив тут щорічний місцевий відпуст на честь принесення у храм копії Почаївської ікони Божої Матері. Пережите в храмі того дня склало велике враження на місцевих мешканців: гарна проповідь архієрея, спів на два хори, молебень з акафістом Почаївській Божій Матері після Літургії[2]. Багато з тих селян, які до цього ще вагалися у ставленні до колишнього настоятеля, після цього свята остаточно утвердилися у своїх переконаннях залишатися в Православ'ї.

Наприкінці 1925 р. настав час проявити стійкість у вірі священнику Михайлу Процюку, котрий був кліриком Цегівської парафії, настоятель якої О. Пелипенко підпорядкувався Луцькому біскупу. У перші тижні розповсюдження в Цегові неоунії О. Пелипенко проявляв особливу активність, намагаючись залишити під своїм впливом якомога більшу кількість парафіян. Користуючись тим, що на великій Цегівській парафії храми були в трьох селах (крім двох у самому Цегові, ще й у Борисковичах та Довгові), «перельот» намагався звершувати якомога більше богослужінь навіть там, де раніше їх не було заплановано, щоб мати нагоду проводити агітацію серед богомольців. Також він організовував різні селянські сходи, де збирав підписи, які потім відвозив у Луцьк. Щоб не допустити відступлення селян, о. Михайло мусив швидко реагувати на всі дії О. Пелипенка, що йому вдавалося досить добре. Наприклад, рано вранці 18 січня 1926 р. «перельот» відправився у с. Борисковичі, де провів освячення води, участь у якому взяли близько п’ятдесяти селян. Невдовзі сюди ж приїхав і священник М. Процюк, який пояснив присутнім, що відбувається, після чого

[2] *Духовное торжество в селе Озере*, „Вестник Православной Митрополии в Польше”, 1925, № 12, с. 7–8.

більшість народу відправилася за ним у с. Довгів, де вже він звершив чин освячення[3]. 25 січня, дізнавшись про організований «перельотом» схід цегівських селян, де були тільки його прихильники, о. Михайло несподівано для присутніх прийшов туди і роз'яснив усім: з якої б причини О. Пелипенко їх не зібрав, головна суть – у зміні віри. Виступ священника перекреслив усі плани відступника, і присутній тут війт мусив закрити збори[4].

21 лютого 1926 р. у Цегів приїхав Люблінський вікарний єпископ Антоній (Марценко), який звершив тут, у співслужінні чотирнадцятьох священників Божественну літургію. Після неї владика виголосив палку проповідь, у якій викривав О. Пелипенка в аморальних вчинках, через які він і зрадив Православ'ю, боячись неминучого покарання[5].

Перший набутий волинським духовенством досвід було використано при виробленні загальної стратегії боротьби з неоунією. Ще 12 грудня 1925 р., тобто до відпадання священника О. Пелипенка, у Волинській духовній консисторії прийняли рішення про комплекс заходів для протистояння неоунії в Озері та околицях. Серед іншого, того дня постановили: «Запропонувати пастирям парафій, близьких до с. Озеро, всіляко вживатися зі своїми парафіянами, брати за треби мінімальну платню, щоб не викликати невдоволення до себе у дану важку пору для Православ'я. Посилити на місцях проповідницьку діяльність та покращити церковні хори. Крім того, доручити о. Єпархіальному Місіонеру та його помічнику відвідати парафії 1-го та 2-го округів Луцького повіту, за вказівкою отців благочинних, і на місцях під час богослужінь виголосити повчання, відповідні моменту»[6].

9 березня 1926 р. Варшавсько-Волинський митрополит Діонісій (Валединський) видав відозву до духовенства Волинської єпархії, якому нагадав про заборону будь-якого спілкування навіть у приватному житті із відступниками Є. Сльозком та О. Пелипенком. Водночас митрополит закликав священнослужителів «руйнуючій роботі зазначених осіб протиставити всю силу свого пастирського впливу та твердості»[7].

Майже через тиждень після цієї відозви, 15 березня, намісника Почаївської лаври архімандрита Дамаскіна (Малюту) було призначено виконувати обов'язки Волинського єпархіального місіонера з протиунійної роботи (в єпархії був іще протисектантський місіонер)[8]. Втім, треба визнати, що його діяльність у якості протиунійного місіонера була

---

[3] Державний архів Тернопільської області (ДАТО), ф. 148, оп. 1, спр. 291, арк. 14.
[4] ДАТО, ф. 148, оп. 1, спр. 291, арк. 24.
[5] *Посещение Преосвященным Антонием, Епископом Люблинским Гороховского уезда на Волыни*, „Воскресное чтение", 1926, № 22, с. 346.
[6] ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 39, арк. 73.
[7] ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 120, арк. 6.
[8] ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 730, арк. 22.

нетривалою і не дуже плідною. Єдиним відомим нам прикладом місіонерської діяльності о. Дамаскіна у цій царині була звершена ним 22 березня поїздка в с. Комарове Луцького повіту, де вже декілька тижнів свою діяльність розвивав Є. Сльозко, який займався тут масовими вінчаннями. Почаївський архімандрит очолив у місцевому храмі соборну Літургію, під час якої проповідував.

Вірогідно, відповідальний послух намісника лаври не давав архім. Дамаскіну можливості виконувати інші доручення, тому 31 грудня 1926 р. він був звільнений від виконання обов'язків протиунійного місіонера. Інша особа на цю посаду не призначалася, але в Ковельському повіті декілька років діяв повітовий уповноважений із протиунійної роботи протоієрей Іпатій Червінський, який ще до появи на Ковельщині неоунії набув собі авторитету як один із найкращих священників-місіонерів повіту. Щоправда, о. Іпатій переважно займався не місіонерською роботою, а координацією судових справ, заведених за парафіяльне майно, захоплене уніатами у селах Дубечне та Краска.

Натомість, до роботи в уніатському середовищі почав залучатися інший єпархіальний місіонер. Ще до появи посади протиунійного місіонера, на початку 1926 р., у Цегові побував єпархіальний місіонер священник Олександр Калинович. Там він провів ряд бесід із місцевим населенням, прояснивши йому суть вчинку колишнього настоятеля, який перейшов у неоунію[9]. Після реорганізації посади, одночасно із призначенням о. Дамаскіна (Малюти), протисектантським місіонером на Волині став Йосип Перетрухін. Ймовірно, серед усіх Волинських єпархіальних місіонерів він найбільше потрудився у справі боротьби з уніатським рухом у єпархії. Перший досвід такої діяльності він здобув у все тому ж с. Комарове, куди приїхав разом із архім. Дамаскіним.

Того недільного дня, 22 березня, комарівські селяни почули одразу декілька проповідей. Першу, на тему покаяння, після Євангелія виголосив архімандрит. На запричасному проповідував священник Анастасій Павлюковський із Луцька, який вказав на незаконні дії уніата й закликав народ бути стійкими в Православ'ї. Після Літургії відслужили молебень Божій Матері із виголошенням анафеми Є. Сльозку, після чого настала черга проповідувати Й. Перетрухіну, котрий для цього одягнувся у стихар. Він наголосив, що православний храм завжди залишиться православним, а «перельот» не мав права вішати на нього замок та обіцяти роздавати церковну землю, як вчинив тут, бо це може робити тільки уряд. Також проповідник висловив сумнів, щоб Католицька Церква розповсюджувала своє вчення таким чином, як це робить Є. Сльозко. На думку Й. Перетрухіна, всі три проповіді склали сильне враження на селян, що було видно по сльозах на їх обличчях. Місіонер висловив переконання, що

[9] ДАТО, ф. 148, оп. 1, спр. 291, арк. 22.

майже всі мешканці села тепер залишаться вірними Православній Церкві[10].

Дійсно, після 22 березня довіра до уніата в Комаровому почала зменшуватися. Але оскільки деяка напруга на парафії ще зберігалася, 11 квітня Й. Перетрухін вдруге відвідав село, маючи основним завданням в окрузі проведення бесіди зі штундівським проповідником у с. Костюхнівка. Згодом у своєму рапорті єпархіальний місіонер писав, що богомольців був повний храм, і гарна служба нового православного священника, який був о. Гавриїл Коробчук, подобалася їм. На запричасному Й. Перетрухін виголосив проповідь, у якій розвинув думку про вічність та нездоланність Православної Церкви. Після богослужіння місіонер вирішив, разом із о. Гавриїлом, походити хатами, щоб зрозуміти, чи в Комаровому більше не залишилося прихильників Є. Сльозка. Зайшовши до раніше найбільшого прихильника відступника, Й. Перетрухін затримався тут, провівши бесіду із селянами, які швидко зібралися в приміщенні. За її підсумками єпархіальний місіонер переконався, що віровідступник остаточно втратив у Комаровому авторитет[11].

10 квітня 1927 р., за завданням духовної консисторії, для бесіди з народом, Є. Перетрухін побував у с. Крутнів Кременецького повіту, де в неоунію повів своїх парафіян священник Юстин Селецький. Того дня в цьому селі, як до цього практикувалося у вищезгаданих селах, було звершено соборне богослужіння, духовну консисторію на якому представляв протоієрей Михайло Тучемський, котрий також проповідував[12].

У 1932 р. єпархіальний місіонер брав участь у місіонерських диспутах з представниками неоунії у м. Ковелі, де було влаштовано протиунійні курси[13]. Протягом 17–19 січня 1933 р. у цьому ж місті відбулася антиунійна конференція, на яку прибуло 27 православних священників та Кременецький єпископ Симон. Йосипа Перетрухіна запросили читати лекції на ній[14]. Детально вникаючи у витоки уніатського руху на Волині, єпархіальний місіонер у своїх рапортах у консисторію інколи висловлював пропозиції щодо боротьби з неоунією. Так, він пропонував добитися від уряду, щоб православним священникам дали дозвіл вінчати шлюби над особами, які підлягають військовому призову. Також він вважав за необхідне звернути увагу духовенства на те, щоб воно чинно служило та не дратувало селян здирництвом під час виконання треб[15].

Повітові й окружні місіонери також були задіяні в протиунійній роботі. Наприклад, чимало для викорінення унії з Комарового потрудився

[10] ДАТО, ф. 148, оп. 1, спр. 291, арк. 87.
[11] ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 39, арк. 156-159.
[12] ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 52, арк. 34–37.
[13] *Дописи,* „Діло”, 1932, № 102, с. 6; *З успіхів унії в Ковлі,* „Діло”, 1932, № 235, с. 3.
[14] *Wiadomości z Wołynia,* „Oriens”, 1933, № 2, s. 62.
[15] ДАТО, ф. 148, оп. 1, спр. 291, арк. 87.

окружний місіонер священник Олексій Ушаков із містечка Чарторийськ. Голова Костопільського повітового місіонерського комітету й одночасно благочинний протоієрей Михайло Боруцький у 1928 р. клопотався дозволити настоятелям ряду парафій у віддалених селах, де проживали уніати і куди їздив уніатський ксьондз, декілька разів на рік звершувати Літургії в приватному будинку чи під відкритим небом на кладовищах[16]. Консисторія підтримала це прохання перед митрополитом, але цікаво, що освятити каплицю в с. Яблунне Костопільського повіту, на яку заявляли претензії уніати, було доручено не йому, а Рівненському повітовому місіонеру – протоієрею Миколі Рогальському, що він і зробив 9 вересня 1928 р., відсторонивши за тиждень до того від обов'язків церковного старосту та двох ключників, які допомагали уніатському ксьондзу захопити храм[17].

Загалом благочинні схилялися до думки, що місіонери повинні підтримувати місцеве духовенство в протиунійній роботі. Зокрема, благочинний священник Павло Міцевич був переконаний, що єпархіальний місіонерський комітет мав надавати допомогу духовенству округи[18]. Благочинний священник Павло Лясковський знайшов здібних до місіонерської роботи священно-церковнослужителів у своїй окрузі, але просив в консисторського начальства прислати в с. Краска, де з'явилася неоунія, і єпархіального місіонера[19].

Практичні поради для зміцнення позицій Православ'я на отруєних унією парафіях давали також благочинні. Наприклад, священник Павло Лясковський, радив настоятель Старо-Вижівської парафії, де церква була ще в с. Чевель, бути обережним на рахунок оплати треб і служити в кожній церкві почергово, а не раз через два в Чевелі, як раніше. Священника сусіднього містечка Вижва благочинний просив всіляко допомагати старшому віком настоятелю Старо-Вижівської парафії[20].

Благочинним зазвичай доручали організовувати заходи, покликані укріпити на місцях позиції Православ'я. Однак інколи ці священники висловлювали своє бачення подій, що розвивалися у Церкві. Наприклад, у вересні 1930 р. благочинний Ковельського міського округу протоієрей Михайло Абрамович писав у консисторію: «Ми ведемо боротьбу з унією не відповідними засобами, перенятими в католиків: заводимо суди, влаштовуємо не тільки кулачні бої, а виступаємо й із палками, і не лише на вулиці, але й у храмах, а штундисти і в Дубечно, і в Боблах пальцями показують на нас та кажуть: хороші ваші і попи і ксьондзи, а ось ми, коли в наші молільні кидають ваші православні і соняшники, і навіть каміння, коли над нами сміються та сварять нас, молимося про своїх ворогів за

[16] ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 556, арк. 52.
[17] ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 556, арк. 72.
[18] ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 51, арк. 15.
[19] ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 44, арк. 19.
[20] ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 51, арк. 18.

завітом Христа, і вражений народ йде до штундистів і навіть п'ятидесятників. Але ж і Христос сказав Петру: вклади меч у піхви, і віра християнська перемогла світ не зовнішньою силою, а внутрішньою правдою, святістю своїх сповідників… Наша зброя віра наша, життя по вірі, кроткість – тільки такою зброєю ми можемо подолати ворогів нашої віри; правда, зброя ця повільно діє, але завжди вірно»[21].

Запропоновані Волинською духовною консисторією місіонерські заходи на даному етапі були визнані недоречними згадуваним благочинним протоієреєм Павлом Лясковським, якому рекомендували найближчим часом влаштувати у с. Краска хресний хід із місіонерськими цілями. Отець Павло не побоявся висловити сумнів у можливості провести такий захід із наступних причин: 1) селяни не зможуть зараз взяти участь у хресному ході в будні через обтяженість господарськими роботами; 2) найближчим святковим днем є Трійця, коли не можна й думати про відлучення причтів зі своїх парафій, а до того ж в окрузі є дві парафії, в яких по три церкви, а в одній парафії – навіть чотири, та й на Трійцю селяни часто звершують весілля; 3) при наявності в окрузі дев'яти священників слід взяти до уваги, що частина з них не можуть зараз взяти участь у хресному ході через особисті причини; 4) вкрай необхідним є командирування на хресний хід єпархіального місіонера Й. Перетрухіна, який склав дуже гарне враження, коли був у Залісах 22 травня, а четверо з дев'яти священників благочиння – не проповідують; 5) Ковельський староста рекомендує не з'являтися у Красці православному духовенству[22].

Зрозуміло, що найдієвішими місіонерами, кожен у своїй парафії, були священники, яким випало служити в отруєних унією селах. Крім вже згадуваних отців Гавриїла Коробчука, Іоанна Танашевича та Михайла Процюка, варто відзначити також священників с. Дубечне Ковельського повіту Миколу Малюжинського, Петра Тарановського, Стефана Ігнатовича, Юхима Преварського. Кожному з них довелося проводити своє служіння у вкрай складних умовах – як матеріально-побутових, так і морально-психологічних. До тотального безгрошів'я, з огляду на необхідність безкоштовно звершувати треби, щоб залишитися конкурентними, додавалася неймовірно важка моральна атмосфера, яку створював тут «перельот» Василь Грош, дії якого толерувала місцева поліція. Однак навіть за таких умов перерахованим священникам вдалося значною мірою повернути втрачені у Дубечному позиції Православ'я. Якщо в 1927 р. майже всі мешканці цього великого села та теж немалих приписних сіл Лютка і Рокита, через непорозуміння зі священником, перейшли в неоунію, то через декілька років більшість селян уже знову вважали себе православними, хоча захоплений уніатами храм і надалі залишився у їх руках.

---

[21] ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 554, арк. 393.
[22] ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 44, арк. 27–28.

Показовим був датований січнем 1929 р. лист у консисторію православних мешканців с. Дубечне, в якому вони писали про о. Петра Тарановського, який, у зв'язку з сімейними обставинами, висловив бажання перейти на інше місце служіння: «На протязі його служби в православній парафії в селі Дубечне покладено ним багато старань для примирення ворогуючих православних з уніатствуючими і в нинішній час уніати з православними багато в чому примирилися. В більшості уніати вважають за авторитет нашого о. Петра Тарановського і згідні мати в себе такого священника. З приходом нашого причту в с. Дубечне авторитет уніатських ксьондзів впав. Усвідомлюємо, що становище нашого священника о. Петра Тарановського тяжке, на такій малій парафій заледве можна прожити, нема належної квартири, а з треб прибутків майже нема, бо при боротьбі з уніатськими ксьондзами доводиться служити треби даром. Самі ми господарі бідні і допомогти нашому причту ми мало можемо, а причт наш заслуговує на повагу й допомогу. Покірно просимо Волинську Духовну Консисторію відкласти переведення нашого священника о. Петра Тарановського, затримавши його ще на деякий час, оскільки в нинішній час помічається у великій кількості перехід у Православ'я уніатів, але з відходом священника о. Петра Тарановського нам вести боротьбу з уніатами буде майже неможливо»[23].

Місце отця Петра в Дубечному зайняв священник Стефан Ігнатович, який у липні 1929 року рапортував митрополиту Діонісію, що за час його перебування у Дубечному ніхто не відпав в унію, але 400 осіб повернулося у Православ'я[24]. Як і попередній настоятель, він тулився в маленькій кімнаті, мав постійний клопіт від уніатського ксьондза тощо.

Відомим на цілу Польщу став приклад місіонерської праці в с. Жабче Луцького повіту священника Віталія Сагайдаківського. Неоунія виникла тут влітку 1928 р. як наслідок ігнорування духовною консисторією протестів селян проти місцевого священника, котрого вважали грубим і надто жадібним. За лічені дні чи не вся парафія заявила про прийняття унії, з чим нічого не могли вдіяти декілька священників, яких послідовно командирувала в Жабче консисторія. Нарешті, у січні 1929 р. сюди було прислано ще зовсім молодого о. Віталія. У перший же вечір після приїзду в Жабче він організував хор, із яким кожного вечора проводив співанки. Щоранку священник звершував богослужіння, а потім обходив Жабче та приписні села Смиків і Козакова Долина, де бесідував із селянами, розповідаючи їм про унію. У підсумку, за лічені тижні о. Віталій пригорнув до себе більшість місцевих мешканців, з якими в лютому зумів увійти в закриту владою церкву. Закрившись зсередини, 152 особи пробули в холодному храмі, без їжі та води, майже тиждень, що дуже швидко стало відомо в цілій Польщі й закордоном. Такий розголос не дозволив владі

[23] ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 554, арк. 15–16.
[24] ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 554, арк. 189.

надалі ігнорувати права православного населення, що, в підсумку, закінчилося занепадом неоунії у Жабчому й поверненню храму православним[25].

Місіонерська праця духовенства Волинської єпархії принесла доволі хороші результати. Так, до кінця 1920-х рр. повністю припинили існування неоунійні осередки в селах Озеро та Крутнів, православним вдалося повернути храм у Жабчому, більшість населення повернулося до батьківської віри в Дубечному, зовсім мало прихильників неоунії залишилося в Цегові. Добитися цього вдалося передусім шляхом встановлення тісніших контактів між пастирем і паствою у тих селах, де раніше не було такої взаємодії, покращенням проповідництва. Важливу роль зіграло проведення соборних урочистих богослужінь, які очолювали вікарні єпископи, благочинні чи представники консисторії. На них селяни мали можливість почути повчання, що відповідали потребам часу, а також зайвий раз переконатися у красі православного богослужіння. Роз'яснення духовенством суті неоунії мало й профілактичне значення, адже у 1930-х рр. на Волині вже не було такої небезпеки поширення неоунії, якою її вбачали у другій половині 1920-х рр., хоча тут ще виникло декілька невеликих уніатських парафій, яких до 1939 р. у єпархії було не більше п'ятнадцяти.

Бібліографія

Джерела

Державний архів Тернопільської області (ДАТО), ф. 148, оп. 1, спр. 291, 124 арк.
ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 120, 83 арк.
ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 554, 461 арк.
ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 556, 83 арк.
ДАТО, ф. 148, оп. 2, спр. 730, 25 арк.
ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 39, 195 арк.
ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 44, 48 арк.
ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 51, 22 арк.
ДАТО, ф. 148, оп. 3, спр. 52, 226 арк.
Дописи, „Діло", 1932. № 102, с. 6.
Духовное торжество в селе Озере, „Вестник Православной Митрополии в Польше", 1925, № 12, с. 7-8.
З успіхів унії в Ковлі, „Діло", 1932, № 235, с. 3.
Посещение Преосвященным Антонием, Епископом Люблинским Гороховского уезда на Волыни, „Воскресное чтение", 1926, № 22, с. 346.
Wiadomości z Wołynia, „Oriens", 1933, № 2, s. 62.

Література

Федчук Олександр, *Жабченська трагедія (з історії неоунії на Волині)*, Луцьк 2015.

[25] О. Федчук, *Жабченська трагедія (з історії неоунії на Волині)*, Луцьк 2015, с. 80.

ЮРІЙ ДАНИЛЕЦЬ

Контакти єпископа Горазда (Павліка) та протоієрея Касіяна Богатирця в епістолярній спадщині

Słowa kluczowe: Cerkiew prawosławna, Czechosłowacja, biskup Gorazd Pavlik, ksiądz Kasiyan Bogatyrets

Keywords: Orthodox Church, Czechoslovakia, bishop Gorazd Pavlik, priest Kasiyan Bogatyrets

Streszczenie

Kontakty biskupa Gorazda Pavlika i arcykapłana Kasiyana Bogatyretsa w dziedzictwie epistolarnym

W artykule poddano analizie dziedzictwo epistolarne dwóch wybitnych postaci Kościoła prawosławnego z pierwszej połowy XX wieku: biskupa Gorazda Pawlika i księdza Kasiyana Bogatyreca. Autor dochodzi do wniosku, że ks. Kasiyan odegrał ważną rolę w układzie instytucjonalnym Kościoła prawosławnego w Czechosłowacji. W 1921 r. opracował statut Cerkwi Karpackiej na Rusi Podkarpackiej, który jednak nie został zatwierdzony przez rząd, lecz stał się podstawą późniejszych wersji tego dokumentu. Ks. K. Bogatyrets był jednym z autorów statutu Praskiej Diecezji Prawosławnej, który został zatwierdzony przez Cerkiew prawosławną i władze świeckie w 1929 r. i położył solidne podwaliny prawosławia w republice.

[1] Doc. Iurii Danylets, Candidate of History, PhD., Docent of the Department of Archaeology, Ethnology and Cultural Studies of the Faculty of History and International Relations of State Higher Educational Establishment «Uzhhorod National University». He is an author of 20 books and around 350 other works on this subject. ORCID 0000-0003-0592-3907.

Abstract

Contacts of Bishop Gorazd Pavlik and Archpriest Kasiyan Bogatyrets in the epistolary heritage

The article analyzes the epistolary heritage of two prominent figures of the Orthodox Church of the first half of the 20th century: Bishop Gorazd Pavlik and Archpriest Kasiyan Bogatyrets. The author comes to the conclusion that Fr. Kasiyan played an important role in the institutional arrangement of the Orthodox Church in Czechoslovakia. In 1921, he developed a charter for the Carpathian Orthodox Church in Subcarpathian Rus, which, however, was not approved by the government, but became the basis for later versions of this document. Father K. Bogatyrets was one of the authors of the statute for the Prague Orthodox Diocese, which was approved by the Orthodox Church and secular authorities in 1929 and laid the solid foundations of Orthodoxy in the republic.

Постаті релігійних діячів, котрі згадані у заголовку статті, є визначними в історії Православної Церкви в Чехословаччині та в Україні. Єпископ Чеський та Моравсько-Сілезький Горазд Павлік (1879-1942), прославлений як новомученик Сербською православною Церквою (далі – СПЦ) 4 травня 1961 р. та Чехословацькою церквою (нині Православна церква Чеських земель і Словаччини (далі – ПЦЧС) 24 серпня 1987 р.[2]. Його діяльності присвячено чимало наукових праць, відзначимо лише найґрунтовніші з них. У 2019 р. вийшло узагальнююче дослідження чеського дослідника Павела Марека «Biskup Gorazd (Pavlík). Životní příběh hledání ideální církve pro 20. století»[3]. Робота над книгою тривала багато років, автор опрацював великий об'єм документів, періодики, численну історіографію. В 1979 р. вийшла робота о. Ярослава Шуварського, котра містила чимало неопублікованих раніше джерел[4]. З наукових статей треба виокремити публікацію українського історика Володимира Буреги[5] (Іл. 1).

Про життєвий і творчий шлях буковинського священника, протоієрея К. Богатирця (1868-1960) на цей час відсутня узагальнююча монографія. Окремі аспекти його громадсько-політичної та священицької діяльності вивчали Роман Мирович[6], Сергій Яремчук[7], Юрій Данилець та Сергій Суляк[8], Михайло Чучко[9] та інші.

---

[2] Svatý novomučedník Gorazd II., biskup český a moravsko-slezský. http://www.orthodoxia.cz/gorazd/

[3] P. Marek. Biskup Gorazd (Pavlík). *Životní příběh hledání ideální církve pro 20. století,* Olomouc: Univerzita Palackého 2019.

[4] J. Šuvarský, *Biskup Gorazd*, Praha: Ústřední církevní nakladatelství 1979.

[5] В. Бурега, *Епископ Горазд (Павлик): жизненный путь православного реформатора* „Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви", 2020, вып. 95, с. 165-172.

[6] Р. Мирович, *Памяти мужественного соотечественника [протоиерея Кассиана Дмитриевича Богатырца]* „Журнал Московской Патриархии", 1971, № 3, с. 6-8.

Єпископ Горазд Павлік. Архів Мартіна Йіндри

Ю. Данилець у 2010 р. виявив в архіві Музею української культури у Свиднику машинописний екземпляр «Захисної промови» та «Останнього слова» о. Касіяна Богатирця, які він виголосив на другому Віденському процесі 1916 р. Ці тексти свого часу підготував до друку Р. Мирович, однак він не встиг їх опублікувати. Це важливе джерело було надруковано в журналі «Rusin Journal Library» у 2016 р.[10] Привертає увагу також енциклопедична стаття про буковинського священника[11] (Іл. 2).

---

[7] С. Яремчук, *Життєвий шлях православного священика Кассіана Богатирця* „Питання історії України: Збірник наукових статей", т. 6. На пошану професора Павла Михайлини, Чернівці: Зелена Буковина 2003, с. 275-280.

[8] Ю. Данилец, С. Суляк, О. *Кассиан Богатырец на Втором Венском процессе* „Rusin Journal Library", 2016, № 1, с. 8-15.

[9] М. Чучко, С. Суляк, *Архипресвитер Кассиан Богатырец исследователь церковной истории Буковинской Руси* „Русин", 2014, № 1(35), с. 143-164.

[10] Р. Мирович, *Защитительная речь и заключительное слово д-ра Кассиана Дмитриевича Богатырца Перед Венским военным судом – замечательный исторический документ* „Rusin Journal Library", 2016, № 1, с. 16-74.

[11] І. Піддубний, С. Яремчук. *Богатирець Касіян Дмитрович* „Енциклопедія Сучасної України" [Електронний ресурс] / Редкол.: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк

Протоієрей Касіян Богатирець. Rusyn, 2014, Issue 1 (35)

Поза увагою дослідників залишаються контакти о. К. Богатирця з православною церквою в Чехословаччині. На початку 1920 рр. в республіці сформувалися два центри православного руху: 1) на Підкарпатській Русі (Закарпаття) та в Східній Словаччині, 2) в Чехії, Моравії та Сілезії. На прохання чехословацького уряду організаційною роботою з утворення єпархіальної структури зайнялася СПЦ. Синод у Белграді відрядив до Праги та на Підкарпатську Русь свого делегата – єпископа Нішського Досифея Васича[12]. Владика заклав основи двох єпархій та домігся

[та ін.]; НАН України, НТШ, К.: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України 2004. Режим доступу: https://esu.com.ua/article-35733.

[12] Ю. Данилець, *Документи Архіву Синоду Сербської православної церкви про місіонерську роботу єпископа Досифея (Васича) на Підкарпатській Русі* „Rusin", 2019, № 57, с. 119-130; Ю. Данилец, П. Марек, *О миссионерской деятельности владыки Досифея (Васича) на Подкарпатской Руси в 20-х годах XX века* „Rocznik Teologiczny", 2019, № 3, с. 445-477; Ю. Данилець, *Поездка епископа Досифея (Васича) на Подкарпатскую Русь в июне 1924 г.* „Acta historica Neosoliensia", 2/2021, с. 79-98; P. Marek, J. Danilec, *Pravoslavní v první Československé republice 1918-1938.* Překlad originálních textů Jurije Danilce do češtiny Pavel Marek. 1. vydání. Praha: Academia, 2024, s. 55-80.

хіротонії чеського кандидата – преосвященного Горазда Павліка. Цікаво, що о. К. Богатирець мав відношення до інституційного впорядкування православної церкви в обох єпархіях. Нам не вдалося з'ясувати коли саме єпископ Досифей налагодив контакт з буковинським священником, але вже у серпні 1921 р. о. К. Богатирець приїхав разом з сербським архієреєм на Підкарпатську Русь. Празька газета «Lidové noviny» повідомляла, що 7 серпня 1921 р. Досифей прибув до Ужгорода у супроводі протодиякона Любислава Нікетіча та протоієрея Касіяна Богатирця[13].

19 серпня 1921 р. в с. Іза біля Хуста було проведено Перший православний собор Карпаторуської Православної Церкви[14]. У протоколі собору зазначається, що о. К. Богатирець разом з єпископом Досифеєм, Володимиром Гомічковим та Іваном Мондичем були обрані до президії зібрання[15]. Члени собору ухвалили статут автономної Православної Церкви у складі СПЦ та затвердили Досифея її єпископом. Текст статуту готував о. К. Богатирець, який і представляв його для учасників зібрання. У протоколах його названо «Референт у справі організації Карпаторуської православної церкви»[16]. Короткий аналіз статуту о. Касіян виклав у своїй статті на шпальтах оломоуцького часопису «Za pravdou», який редагував єпископ Горазд Павлік[17]. У черговий раз священник супроводжував єпископа Досифея у поїздці на Підкарпатську Русь восени 1922 р. 28 серпня 1922 р. в с. Іза на престольне свято на честь Успіння Пресвятої Богородиці о. Касіян звертався після архієрея із проповіддю до вірників. За повідомленням віцегубернатора Петра Еренфельда, Богатирець закликав вірників молитися за здоров'я Президента Чехословаччини Т. Г. Масарика, голову уряду Е. Бенеша та сербських діячів – короля КСХС Олександра І Карагеоргієвича та голову уряду Ніколу Пашича[18].

Високо оцінюючи діяльність о. К. Богатирця єпископ Досифей клопотав у Синоді СПЦ про присвоєння йому сану протоієрея. В Архіві СПЦ в Белграді зберігся лист патріарха сербського Димитрія Павловича на ім'я єпископа Досифея від 12 жовтня 1921 р. У документі глава Синоду, «Архієпископ Печський, Митрополит Белградсько-Карловацький, Патріарх Сербський» пише, що члени Синоду того ж дня розглянули та підтримали клопотання про надання протоієрейського чину священникам Олексію Ванеку та Касіяну Богатирцю. Додатково архієреї вважали за необхідне

[13] *Biskup Dositej na Podkarpatské Rusi* „Lidové noviny", 1921, 22 srpna, s. 3.
[14] *Преосвященный Досифей в Карпатской Руси* „Русский православный вестникъ", 1921, 9 сентября, с. 3.
[15] Архів Мукачівської православної єпархії. Протокол Першого собору Карпаторуської православної церкви, 19 серпня 1921 р., арк. 1-4.
[16] Ю. Данилец, *Подготовка и проведение Первого собора Карпаторусской православной церкви 1921 г.* „Теолошки погледи. Версконаучни часопис", Београд, 2/2017, с. 290.
[17] K. Bogatyrěc, *Karpatoruská východně-pravoslavná církev* „Za pravdou", 1921, 29 žari, s. 51-52.
[18] Archiv KPR, f. KPR – protokol PR (Podkarpatská Rus), (1919), sign. PR 1886, inv. č. 584, č. 531/22, 13.09.1922.

запросити у названих осіб відпускні канонічні грамоти, вважаючи, що такі документи можуть знадобитися у майбутньому[19]. Аналіз особової справи священника, що зберігається в Поточному архіві Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ, свідчить, що він так і не отримав сан протоієрея від сербів. Натомість на Буковині, яка перебувала під окупацією Румунії, в 1929 р. він був нагороджений Румунською Православною Церквою саном протопресвітера, в 1931 р. – архіпресвітера ставрофора. Після війни в 1946 р. – митрофорного протоієрея[20] вже від РПЦ.

Стосовно співпраці прот. К. Богатирця з Православною Церквою в чеських землях, то в історіографії маємо не багато інформації. За словами П. Марека, після невдалого проєкту статуту єпархії, який підготував Ладислав Копал-Стеховський (Стехуле), в другій половині 1927 р. було вирішено шукати фахівців закордоном. Чехи встановили контакт з о. Касіяном Богатирцем, російським емігрантом Сергієм Троїцьким, який жив у Суботиці в КСХС та професором церковного права Душаном Якшичем зі Сремських Карловців. Лідером цієї групи виявився о. К. Богатирець, який опрацював ряд статутів, зокрема статут Румунської Православної Церкви та представив колегам свій варіант документа. Внаслідок складних дискусій на початку лютого 1928 р. текст був готовий. Після адаптували до чеських умов статут потрапив на обговорення до державної адміністрації та Синоду СПЦ. Відомо також, що документ зазнав значного редагування з боку єпископів Досифея Васича та Еміліана Піперковича в Белграді[21]. Статут було затверджено Синодом СПЦ 27 лютого 1929 р. 6 червня того ж року його схвалила Рада Міністрів Чехословаччини. Таким чином, діяльність о. К. Богатирця відіграла важливу роль для інституційної розбудови Православної Церкви в ЧСР.

В Архіві Оломоуцько-Брненської єпархії ПЦЧС виявлено чотири листи, котрі частково відображають контакти єпископа Горазда Павліка та протоієрея Касіяна Богатирця. Хронологічно вони охоплюють період з 28 лютого 1924 р. по 8 березня 1927 р. Як ішла мова вище, знайомство двох діячів Православної Церкви відбулося очевидно ще в 1921 р., завдяки єпископу Досифею. Виявляється, що буковинський священник не лише публікувався в редагованих єпископом Гораздом часописах, але й підтримував із ним зв'язок протягом наступних років.

Перший аналізований нами лист написаний прот. К. Богатирцем 28 лютого 1924 р. в м. Чернівці. Він має обсяг 8 сторінок рукописного

[19] Архів СПЦ. Лист патріарха Димитрія (Павловича) до єпископа Досифея (Васича), 12.10.1921.

[20] Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа № А-кл-1-30 колишнього кліріка Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ митр. прот. Кассіяна Дмитровича Богатирця. 1868-1958. арк. 49.

[21] P. Marek, M. Lupčo. *Nástin dějin pravoslavné církve v 19. a 20. Století. Prolegomena k vývoji pravosláví v českých zemích, na Slovensku a na Podkarpatské Rusi v letech 1860-1992.* Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury (CDK) 2012, s. 93.

тексту. Мова документа російська, використовувався т.зв. російський дореформений правопис. Інші листи о. Касіяна написані аналогічним шрифтом. Вже на початку листа священник дякує архієрею за надіслані йому два повідомлення – перший – листівку, а другий – власне епістолярій від 14 лютого того ж року. Адресант жалкує, що не зміг раніше відповісти, адже майже весь час проводив у своїй парафії та лише час від часу приїздив до Чернівців. У документі висловлюється намір переїхати через 2 тижні остаточно на церковну фару в село Веречанка, великого населеного пункту «з 4500 душами і з досить непогано влаштованими місцевими обставинами»[22].

В наступних рядках о. Касіян безпосередньо реагує на зміст отриманих дописів із Праги. «Ваш лист, вельмишановний Владико, – писав Богатирець, – викликав у мене і радість і сум. Радість тому, що чехословацька церква кінцево стала на єдино можливий ґрунт Православ'я і що вона у цьому напрямі починає організуватися, а смуток тому, що все-таки одна частина цієї багатонадійної церкви завдяки невживчивому праву д-ра Фарського, відщеплюється. Але Бог з ними! Краще тепер, на початку, чим пізніше, коли б чехословацька церква представляла б собою єдине ціле, а із цього тіла відколовся б один орган»[23]. Священник висловлював підтримку крокам чеського архієрея та критикував позицію д-ра К. Фарського. Богатирець зазначав, що заснована останнім церква не зможе принести своїм вірникам душевного спасіння.

Більше уваги у листі приділено інституційному впорядкуванню Православної Церкви в Чехословаччині. Священник підкреслював, що «держава ніколи не допустить існування двох православних церковних організмів, чеської та руської православної церкви»[24]. Богатирець підтримував ідею єпископа Горазда, про утворення єдиної структури із загальним синодом та спільним «богословськими училищами». «Кожна гілка мала б свою широку автономію, керуючи своїми внутрішніми справами, майном і т.д. абсолютно самостійно». Схвально ставлячись до утворення єдиної Православної Церкви в ЧСР, о. Касіян висловлював побоювання, що уряд змусить обидва церковні центри підкоритися волі «архієпископа та митрополита всієї Чехословаччини та Карпатської Русі» Савватія Врабця. Цікаві оцінки діяльності архієпископа Савватія. Богатирець писав, що глава Празької архієпископії «вже вислав в Карпатську Русь єпископа Веніаміна, головна діяльність якого полягає в тому, що він рукополагає всякого, хто тільки підвернеться у священники. Таким чином, він

[22] Archiv úřadu eparchiální rady olomoucko-brněnské eparchie Pravoslavné církve v českých zemích a na Slovensku, Olomouc (далі – AUEROBE Olomouc), f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence Podkarpatská Rus. Лист о. К. Богатирця до єпископа Горазда (Павліка), 28.02.1924, арк. 1.

[23] Там само, арк. 2.

[24] Мається на увазі Карпаторуську Православна Церква.

нарукополагав для Карпатської Русі уже більше священників ніж існує приходів. А що саме погане, це те, що рукоположено всякого роду авантюристів, безграмотних і безхарактерних селян, котрі вже дуже швидко встигли православ'я досить чутливо скомпрометувати. Таким чином, і Карпаторуська церква розділилася надвоє, частина признає сербську юрисдикцію – це колишні, кращі священники, а друга частина, яка признає юрисдикцію празьку, Савватія, – це ставленики Веніаміна»[25]. Далі Богатирець пише про якості владики Савватія: «Я Савватія знаю, він людина здається хороша, тихенька та мирна, але за його плечами є люди, які шукають більше земних, ніж небесних благ»[26].

О. Касіян вважав, що необхідно прикласти чимало енергії, щоб на належному рівні провести установчий з'їзд православних парафій в чеських землях. Він з радістю погоджувався взяти на себе організаторські функції, однак побоювався, що не отримає відпустки в консисторії. Справою цілого свого життя Богатирець навивав утворення богословського училища. Однак і в цьому випадку буковинський священник не міг гарантувати своєї активної участі через зайнятість на парафії, котра приносила йому матеріальне забезпечення для родини. «Можливий тільки один вихід із цієї дилеми: якби чеський уряд мене призначив, наприклад, професором богослов'я або яким небудь іншим чиновником чи тому подібне, як це у свій час обіцяв Бенеш, тоді я б радо залишив своє теперішнє місце і поїхав би в Чехословаччину. Також і Преосвященному єпископу Досифею доктор Бенеш дав таку обіцянку, а також і сенатору Клофачу». У зв'язку з цим, о. Касіян просив єпископа Горазда під час візиту до Праги зустрітися з В. Клофачем та разом із політиком ініціювати «відповідну акцію відносно мого призначення». «Я думаю, що вона тепер вдасться» – резюмував автор листа[27].

Наприкінці епістолярію міститься постскриптум з проханням писати листи на чернівецьку адресу та питання про діяльність єпископа Досифея Васича, який не відповідав на надіслані йому повідомлення з Буковини.

Черговий лист о. К. Богатирця до єпископа Горазда датовано 17 вересня 1926 р. Текст написано на відкритій листівці, котра відправлена за штампом із Пардубиць. У той час священник перебував у столиці ЧСР в особистих справах. У листі він висловлює жаль, що не зможе бути присутнім на недільному богослужінні та попрощатися особисто, адже змушений негайно виїхати до Румунії. «Сподіваюся, що скоро вже отримаю від Вас обіцяний лист – писав Богатирець. – Якщо він дійде швидко, тоді я зможу мою думку відносно відомого предмету відправити моїм сином, студентом чеської техніки, який першого числа жовтня

[25] AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence Podkarpatská Rus. Лист о. К. Богатирця до єпископа Горазда (Павліка), 28.02.1924, арк. 5.
[26] Там само.
[27] Там само, арк. 8.

повернеться назад до Праги та зможе Вам вже передати особисто мій лист»[28]. З цієї короткої замітки можемо зрозуміти, що мова йде про проєкт статуту Православної Церкви в ЧСР (Іл. 3).

Dr. Bokatyrec Kassian
Vrânceni, Bucovina, Romania

числа октября вернется
обратно в Прагу и может
Вам уже передать лично
мое письмо.
Поручаясь молитвам
Вашего Преосвященства
честь имею остаться Ва
шим преданным
Богатырец

PARDUBICE
18.X.26

Preosv. Biskupovi
Gorazdovi
Praha, Vinohrady
Klecpelova 6./III

Друга сторінка листа о. К. Богатирця до єпископа Горазда Павліка, 17.09.1926, арк. 2 // AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence různá

Наше припущення підтверджує лист єпископа Горазда від 15 листопада 1926 р. Він безпосередньо стосується статуту, однак не конституції суто Празької єпархії, а саме «Статуту для Православної Церкви в Чехословацькій Республіці». Текст допису надрукований на машинці, має обсяг половину сторінки, чеською мовою. У цей період уряд у Празі намагався реалізувати план утворення автокефальної Православної Церкви в країні. Її складовою частиною мала Празька архієпископія Вселенського патріархату, Чеська православна єпархія владики Горазда та Карпаторуська Православна церква. Єпископ пише, що надсилає проєкт статуту та просив його «люб'язно переглянути та виправити». Горазд вважав дуже недосконалими наступні пункти статуту: 1) дає надто багато прав митрополиту та митрополичій раді, що не порівняти з автономією кожної єпархії; 2) є багато складного і непрактичного; 3) містить занадто багато теорії, що до статуту не підходить; 4) і т.д.»[29]. Чеський архієрей пропонував о. Касіяну написати свій проєкт статуту, за роботу над яким пообіцяв виплатити гонорар.

[28] AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence různá. Лист о. К. Богатирця до єпископа Горазда Павліка, 17.09.1926, арк. 1-2.

[29] AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence různá. Лист єпископа Горазда Павліка до о. К. Богатирця, 15.11.1926, арк. 1.

Про підготовку статуту йдеться в останньому виявленому нами листі о. Касіяна від 8 березня 1927 р. (Іл. 4).

Документ складено у с. Веречанка, він має обсяг не повні 3 аркуші рукопису. Богатирець наголошує, що отримав від єпископа епістолярій 2 березня 1927 р. і квапиться повідомити про результати своєї роботи. «Робота моя з підготовки Статуту для Чесько-словацької Православної Церкви рухається останнім часом швидко вперед і вона була б вже давно виконана, але затримали мене пошуки Статуту Російської патріаршої Церкви за 1917 р., який було дуже важко отримати і який я кінцево отримав недавно в румунському перекладі, що з'явився в «Biserica Ortodoxă Română» («Православна Румунська Церква»), органі Бухарестського Синоду. Тільки з тої пори пішла робота успішно і я сподіваюся, що вже незабаром, через два-три тижні зможу вислати Вашому Преосвященству готовий вже бажаний Статут»[30]. Окремо священник висловлював радість з приводу покращення становища православного духовенства в ЧСР та стосовно делегування на Підкарпатську Русь «архієрея, який по своєму знаному вмінню зможе повести цю велику справу і по своїй енергії поставить справу Карпаторуського Православ'я на надійний ґрунт»[31]. У цьому випадку мова йде про іменування Синодом СПЦ для Карпаторуської Православної Церкви делегата – єпископа Новосадського і Бацького Іринея Чирича, котрий прибув до Праги 1 січня 1927 р.[32].

Треба відмітити, що уряд відмовився від проєкту створення автокефальної церкви в республіці. Прага підтримала формування двох єпархії СПЦ в країні: в чеських землях, Моравії та Сілезії (на чолі з єпископом Гораздом) та на Підкарпатській Русі (з 1931 р. – Мукачівсько-Пряшівська єпархія). Остання керувалася делегатами, а з 1931 р. отримала постійного єпископа – Дамаскіна Грданічку.

[30] AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence Srbská církev. Лист о. К. Богатирця до єпископа Горазда Павліка, 8.03.1927, арк. 2.

[31] Там само, арк. 3.

[32] Ю. Данилець, *Подолання кризи в трикутнику (ЧСР–КСХС–СПЦ) та призначення делегата для Підкарпатської Русі в грудні 1926 р.* „Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія", Ужгород: Вид-во УжНУ «Говерла», 2022. Вип. 1 (46), с. 17-35; Ю. Данилець, *Єпископ Іриней (Чирич) в контексті вивчення релігійних відносин Карпато-Балканського регіону* „Ідентичності в умовах пограниччя: Матеріали ІІ-ї міжнародної наукової конференції (Ужгород 9-10 лютого 2023 р.)" / За заг. ред. Павла Леньо. Відп. за англійський переклад – Павло Худіш, Ужгород: ТОВ «РІК-У», 2024, с. 206-215.

Веренчанка 8го марта 1927 г.

Преосвященный Владыко!

Ваше цѣнное письмо отъ 2. сего марта я получилъ и спѣшу сообщить Вашему Преосвященству слѣдующее:

Работа моя около составленія Статута для Чешско-словенской православной Церкви идетъ в послѣднее время быстро впередъ и она была-бы уже давно готова, но задержали меня поиски за Статутомъ Русской патріаршей Церкви из 1917 г., который было очень трудно получить и который я окончательно получилъ недавно въ румынскомъ

Перша сторінка Листа о. К. Богатирця до єпископа Горазда Павліка, 8.03.1927, арк. 1 // AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence Srbská církev

Таким чином, листування відомого релігійного діяча з Буковини прот. К. Богатирця та єпископа Горазда Павліка розкриває раніше не відомі сторінки церковної історії в ЧСР. Аналіз документів свідчать про тісні зв'язки українських інтелектуалів з православним чехами, які потребували у той час теоретично-богословської підтримки для інституційної розбудови власної церковної структури. Отець К. Богатирець був одним з авторів статуту для Празької Православної єпархії, який був затверджений СПЦ та урядом в 1929 р. Цей документ заклав міцні основи Православ'я в республіці.

Бібліографія

Джерела

Архів Мукачівської православної єпархії. Протокол Першого собору Карпаторуської православної церкви, 19 серпня 1921 р., арк. 1-4.

Archiv Kanceláře prezidenta republiky, Praha (Archiv KPR), f. KPR – protokol PR (Podkarpatská Rus), (1919), sign. PR 1886, inv. č. 584, č. 531/22, 13.09.1922.

Архів Сербської православної церкви (Архів СПЦ). Лист патріарха Димитрія Павловича до єпископа Досифея Васича, 12.10.1921.

Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа № А-кл-1-30 колишнього кліpика Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ митр. прот. Кассіяна Дмитровича Богатирця. 1868-1958.

Archiv úřadu eparchiální rady olomoucko-brněnské eparchie Pravoslavné církve v českých zemích a na Slovensku, Olomouc (далі – AUEROBE Olomouc), f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence Podkarpatská Rus. Лист о. К. Богатирця до єпископа Горазда Павліка, 28.02.1924, арк. 1-8.

AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence různá. Лист о. К. Богатирця до єпископа Горазда Павліка, 17.09.1926, арк. 1-2.

AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence různá. Лист єпископа Горазда Павліка до о. К. Богатирця, 15.11.1926, арк. 1.

AUEROBE Olomouc, f. Matěj Pavlík-Gorazd. Složka Korespondence Srbská církev. Лист о. К. Богатирця до єпископа Горазда Павліка, 8.03.1927, арк. 1-3.

Література

Biskup Dositej na Podkarpatské Rusi „Lidové noviny”, 1921, 22 srpna, s. 3.

Bogatyrěc Kassian, *Karpatoruská východně-pravoslavná církev* „Za pravdou”, 1921, 29 žari, s. 52.

Marek Pavel, *Biskup Gorazd (Pavlík). Životní příběh hledání ideální církve pro 20. století,* Olomouc: Univerzita Palackého 2019.

Marek Pavel, Danilec Jurij, *Pravoslavní v první Československé republice 1918-1938.* Překlad originálních textů Jurije Danilce do češtiny Pavel Marek. 1. Vydání, Praha: Academia, 2024. 304 s. (První republika; svazek 12).

Marek Pavel, Lupčo Martin, *Nástin dějin pravoslavné církve v 19. a 20. Století. Prolegomena k vývoji pravoslaví v českých zemích, na Slovensku a na Podkarpatské Rusi v letech 1860-1992*. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury (CDK) 2012.

Šuvarský Jaroslav, *Biskup Gorazd,* Praha: Ústřední církevní nakladatelství 1979.

Svatý novomučedník Gorazd II., biskup český a moravsko-slezský. http://www.orthodoxia.cz/gorazd.

Бурега Владимир, *Епископ Горазд (Павлик): жизненный путь православного реформатора* „Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви”, 2020, вып. 95, с. 165-172.

Данилец Юрий, Матек Павел, *О миссионерской деятельности владыки Досифея (Васича) на Подкарпатской Руси в 20-х годах XX века* „Rocznik Teologiczny”, 2019, № 3, с. 445-477.

Данилец Юрий, Суляк Сергей, *О. Кассиан Богатырец на Втором Венском процессе* „Rusin Journal Library”, 2016, № 1, с. 8-15.

Данилец Юрий, Суляк Сергей, *О. Кассиан Богатырец на Втором Венском процессе* „Rusin Journal Library”, 2016, № 1, с. 8-15.

Данилец Юрій, *Подготовка и проведение Первого собора Карпаторусской православной церкви 1921 г.* „Теолошки погледи. Версконаучни часопис”, Београд, 2/2017, с. 285-300.

Данилець Юрій, *Документи Архіву Синоду Сербської православної церкви про місіонерську роботу єпископа Досифея (Васича) на Підкарпатській Русі* „Rusin”, 2019, № 57, с. 119-130.

Данилець Юрій, *Єпископ Іриней (Чирич) в контексті вивчення релігійних відносин Карпато-Балканського регіону* „Ідентичності в умовах пограниччя: Матеріали ІІ-ї міжнародної наукової конференції (Ужгород 9-10 лютого 2023 р.)” / За заг. ред. Павла Леньо. Відп. за англійський переклад – Павло Худіш, Ужгород: ТОВ «РІК-У», 2024, с. 206-215.

Данилець Юрій, *Поездка епископа Досифея (Васича) на Подкарпатскую Русь в июне 1924 г.* „Acta historica Neosoliensia”, 2/ 2021, с. 79-98.

Мирович Роман, *Защитительная речь и заключительное слово д-ра Кассиана Дмитриевича Богатырца Перед Венским военным судом – замечательный исторический документ* „Rusin Journal Library”, 2016, № 1, с. 16-74.

Мирович Роман, *Памяти мужественного соотечественника [протоиерея Кассиана Дмитриевича Богатырца]* „Журнал Московской Патриархии”, 1971, № 3, с. 6-8.

Піддубний Ігор, Яремчук Сергій, *Богатирець Касіян Дмитрович* „Енциклопедія Сучасної України” [Електронний ресурс] / Редкол.: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк [та ін.]; НАН України, НТШ, К.: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України 2004. Режим доступу: https://esu.com.ua/article-35733.

Преосвященный Досифей в Карпатской Руси „Русский православный вестникъ”, 1921, 9 сентября, с. 3.

Чучко Михайло, Суляк Сергій, *Архипресвитер Кассиан Богатырец исследователь церковной истории Буковинской Руси* „Русин”, 2014, № 1(35), с. 143-164.

Яремчук Сергій, *Життєвий шлях православного священика Кассіана Богатирця* „Питання історії України: Збірник наукових статей”, т. 6. На пошану професора Павла Михайлини, Чернівці: Зелена Буковина 2003, с. 275-280.

Piotr Fiedoruk[1] (Białystok)

ПЕТР ФЕДОРУК

Позиция митрополита Дионисия в годы второй мировой войны

Słowa kluczowe: Metropolita Dionizy, II wojna światowa, Cerkiew prawosławna
Keywords: Metropolitan Dionysius, Second World War, Orthodox Church

Streszczenie

Postawa metropolity Dionizego w czasie II wojny światowej

Ocena sytuacji postawy metropolity Dionizego w latach 1939-1944 jest niezwykle trudna. Z jednej strony zwierzchnik Cerkwi dokonał odbudowy zniszczonej przez okupantów struktury cerkiewnej, z drugiej zaś dokonano tego nie zawsze niezgodnie z prawem kanonicznym. Wielkim osiągnięciem metropolity Dionizego było zorganizowanie struktur cerkiewnych i obsadzenie ich ordynariuszami, którzy doprowadzili do odrodzenia życia religijnego. Piętnem na działalności Cerkwi prawosławnej na terenach okupowanych była współpraca, a nawet kolaboracja części duchowieństwa z władzami niemieckimi.

Abstract

The Attitude of Metropolitan Dionysius during Second World War

Assessing the situation of the attitude of Metropolitan Dionysius in the years 1939-1944 is extremely difficult. On the one hand, the head of the Church rebuilt the church structure destroyed by the occupiers, but on the other hand, this was not always done in violation of canon law. Metropolitan Dionysius's great achievement was organizing church structures and staffing them with ordinaries who led to the rebirth of religious life. The stigma on the activity of the Orthodox Church in the occupied territories was the cooperation and even collaboration of some of the clergy with the German authorities.

---

[1] Ks. Piotr Fiedoruk, dr nauk teologicznych / Fr. Piotr Fiedoruk, doctor of theological sciences.

Начало Второй мировой войны изменило положение Православной церкви на землях Второй Речи Посполитой. 1 сентября 1939 г. митрополит Дионисий в специальном послании призвал всех верующих Православной церкви защищать Отечество. В письме, иерарх приводил примеры патриотической деятельности выдающихся православных защитников Речи Посполитой: гетмана Константина Острожского и воеводы Адама Киселя[2]. Во время боев за Варшаву, митрополит Дионисий находился в своей резиденции в Отвоцке, а после их завершения вернулся в Варшаву. В это же время, из Яблочинского монастыря, прибыл в Варшаву епископ Тимофей (Шреттер). Архиепископы: Виленский – Феодосий, Полесский – Александр и Волынский – Алексей, в период военных действий оставались на территории своих епархий. На территории Волынской епархии оставались также епископы викарные – Симон в Дермане и Поликарп в Луцке. Только епископ Гродненский Савва, и Виленский владыка викарный Матвей, покинули свои соборы. Владыка Савва уехал в Литву и оставил управление епархией настоятелю соборной церкви Георгию Боришкевичу. Епископ Савва, воспользовавшись югославским паспортом, уехал в Берлин, а оттуда в Румынию. В 1940 году, после непродолжительного пребывания в Константинополе и Белграде, владыка отправился в эмиграцию в США[3].

Вторая мировая война привела к разделению, сформированных в межвоенный период, организационных структур Православной церкви. Отдельные части Польского государства попали под оккупацию Третьего рейха или Советского Союза. Православная церковь в этом районе, вошла в другие церковные юрисдикции и подверглась политическому давлению со стороны государств-оккупантов. Православные приходы, находившиеся на территории Советского Союза, были подчинены Московскому Патриархату[4].

На территории Генерал-губернаторства остались два канонических иерарха –митрополит Дионисий и епископ Тимофей. Первоначально, оккупационные власти не имели концепции право-канонического статуса Православной церкви. Православные приходы на территориях, включенных в состав Третьего рейха, были подчинены Берлинскому архиепископу Серафиму (Карл Ляде). Такой юрисдикционный статус получили православные приходы в Сосновце, Лодзи, Калише, Познани, Быдгоще, Торуне, Петркув-Трыбунальском и Плоцке. Аналогичный статус имели и приходы в Гданьске, Щецине и Вроцлаве, которые были созданы на

---

[2] А. Свитич, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии*, Москва 1997, с. 254-255.

[3] *Arcybiskup Generał Brygady Sawa (Jerzy Sowietow). Wybór dokumentów,* opr. K. Filipow i A. Suchcitz, Białystok–Warszawa 1997, c. 9-11.

[4] I. Kasiak, *Byelorussia. Historical Outline*, London 1989, pp. 164-167; А. Свитич, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии*, с. 191-193.

территории Третьего рейха до начала войны[5]. В приходах, которые находились на территории Третьего рейха, архиепископ Серафим восстановил старый стиль в литургическом календаре, запретил использование польского языка и рекомендовал проповедовать на русском языке. Важным элементом в политике архиепископа Берлинского были частые посещения приходов и забота об их материальном состоянии[6].

Совсем по-другому выглядела проблема юрисдикции в Варшавской метрополии, большая часть которой находилась на территории Генерал-губернаторства. Архиепископ Серафим 10 ноября 1939 г. прибыл в Варшаву, где его с энтузиазмом встретила православная община. Затем, митрополит Дионисий предложил включить Берлинское епископство в Варшавскую митрополию. Архиепископ Серафим счел это предложение нереальным и уехал в Берлин. Немецкие власти считали, что включение Варшавской митрополии в состав Православной церкви в Германии может произойти только после присоединения Генерал-губернаторства к Третьему рейху[7]. То же самое произошло и с Православными Церквями на территории Австрии, Судет и Чехии.

Поскольку не было такого решения относительно Генерал-губернаторства, Рейхминистерство церковных дел рекомендовало установить на его территории независимую церковную структуру. Под давлением оккупационных властей, 23 ноября, митрополит Варшавский написал письмо архиепископу Серафиму, в котором объявил об отказе от руководства Церковью в пределах «немецких государственных интересов» и просил адресата срочно приехать в Варшаву[8]. Митрополит Дионисий формально возглавлял Варшавскую митрополию до 27 ноября 1939 г., когда передал правление Берлинскому архиепископу Серафиму, а сам был заключен под домашний арест в Отвоцке. Архиепископ Серафим, хотя сам был немецкой национальности, находился в структуре Русской православной церкви заграницей. Став правящим Варшавской митрополией, архиепископ Серафим стал одновременно архиепископом Берлинским и Варшавско-Холмским.

[5] K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, Kraków 1996, c. 150-151.

[6] Письма архиепископа Серафима настоятелю прихода в Быдгоще преподобному Томашу Смоктуновичу,, por.: Archiwum Parafii Prawosławnej św. Mikołaja w Bydgoszczy, Rozporządzenia władz cerkiewnych z lat 1939-1942.

[7] J. Sziling, *Kościoły chrześcijańskie w polityce niemieckich władz okupacyjnych w Generalnym Gubernatorstwie (1939-1945)*, Toruń 1988; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na terenach Generalnego Gubernatorstwa, Białorusi i Ukrainie w latach 1939-1944*, [в:] *Pokazanie Cerkwie prawdziwej. Studia nad dziejami i kulturą Kościoła prawosławnego w Rzeczypospolitej*, Białystok 2004, s. 172-199.

[8] А. Свитич, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии*, с. 256-257; М. В. Шкаровский, *Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935-1945 годов,* Москва 2003, с. 90-91; тот же, *Нацистская Германия и Православная Церковь,* Москва 2002, с. 113-115.

Архиепископ Серафим был сторонником русского образа церковной жизни в Генерал-губернаторстве. Он ввел русские традиции и обычаи, вернул старый стиль к литургическому календарю, приказал духовенству носить бороды, начал ревиндикацию храмов, взятых перед войной польскими властями, запретил духовенству крестить лиц польской национальности. При архиепископе Серафиме, Православной церкви было возвращено 75 храмов и восстановен был женский монастырь в Турковицах. Владыка учредил Братство Святого Владимира и поручил священнослужителям основать его отряды при всех приходах. В Хелме архиепископ Серафим возродил Холмское Братство Рождества Пресвятой Богородицы и реформировал церковное руководство. В Варшаве был создан Епархиальный совет. Епископ Тимофей за свои «полонофильские» взгляды был посажен в монастырь в Яблочне. Архиепископ Серафим выступал за ликвидацию автокефалии Православной церкви, тем самым подвергая себя Константинопольскому патриарху, митрополиту Дионисию и украинским кругам[9]. Часть духовенства в дальнейшем признавала своим начальником митрополита Дионисия, а его имя упоминалось во время богослужений. Это стало источником волнений в церкви.

Важной частью политики архиепископа Серафима, было согласие на украинизацию религиозной жизни. Это согласие было связано с тем, что на Холмщине большинство исповедующих Православие, составляли украинцы. Мнение о благоприятном отношении архиепископа Серафима к украинским делам подтверждалось письмом начальника отдела церковных дел в правительстве Генерал-губернаторства от 13 января 1940 г.[10] За украинизацию выступали Временный Церковный совет Холмщины и Подляшья во главе со священником Яном Левчуком и Церковный совет в Варшаве во главе с профессором Иваном Охиенко. Оба церковных совета были выразителями требований националистических украинских кругов, которые любой ценой стремились разорвать связь Православной церкви в Генерал-губернаторстве с Синодом Русской православной церкви заграницей. Членом этого Синода был архиепископ Серафим. По этой причине украинские круги выступали за сохранение прав митрополита Дионисия и украинизацию церковной жизни или избрание митрополитом профессора Ивана Охиенко. Требования украинских кругов были направлены на включение Холмщины в Берлинскую епархию и создание на территории Третьего рейха автокефальной церковной структуры.

Немецкие власти не верили священнослужителям украинской национальности и поддерживали архиепископа Серафима. Доверие немецких властей к Берлинскому архиепископу было связано с тем, что иерарх был

[9] K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970,* c. 57-58; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na terenach Generalnego Gubernatorstwa, Białorusi i Ukrainie w latach 1939-1944*, c. 173-174.
[10] М. В. Шкаровский, *Политика Третьего рейха...*, с. 91-93.

немецкой национальности. Оккупационные власти поддерживали украинизацию только тех приходов, в которых большинство составляли украинцы, которых можно было использовать в политике Третьего рейха. Политика архиепископа Серафима, поддерживающая украинскую общину в Генерал-губернаторстве, привела к обострению польско-украинских и православно-католических отношений на Холмщине[11]. До сентября 1940 г. немецкие власти передали православным многие церкви, восстановленные в межвоенный период, в том числе Холмский собор[12]. Ситуация изменилась в феврале 1940 г., когда митрополит Дионисий потребовал вернуть ему все права митрополита. Митрополита поддерживали представители Украинского центрального коммитета во главе с Евгением Левицким, которые выступали за создание новых епархий, рукоположение епископов украинской национальности и введение украинского языка в качестве официального в церкви. Далеко идущей целью этой инициативы было создание канонической Украинской автокефальной православной церкви.

Со временем это мнение стали разделять оккупационные власти, считая, что архиепископ Серафим украинской общине в Генерал-губернаторстве ассоциируется с Русской иерархией. Рейхминистерство церковных дел настаивало на отделии церковной организации в Генерал-губернаторстве от структур зарукви в Германии. Рассматривалось сохранение Автокефальной православной церкви или создание Украинской автокефальной церкви[13]. Архиепископ Серафим, замечая двойственное отношение митрополита Дионисия и изменение политики немецких властей, заявил о готовности отказаться от правления православными приходами в Генерал-губернаторстве. Второй причиной принятия такого решения архиепископом Серафимом, было несогласие Синода Русской православной церкви заграницей с рукоположением новых епископов украинской национальности. Исходя из предположения, что Русская православная церковь не поддерживала автокефалию Православной церкви в Польше, Синод не хотел признавать существующие церковные структуры и вносить в них изменения по просьбе митрополита Дионисия[14]. Решение Синода от 14 августа 1940 г. привело к конфликту между архиепископом Серафимом а немецкими властями и украинскими кругами. После многочисленных консультаций украинских кругов с оккупационными властями, 23 сентября 1940 г. митрополит Дионисий подал на Вавеле генерал-губернатору Гансу Франку декларацию о верности, за что получил разрешение на повторное управление Православной церковью в Генерал-

[11] Из 242 200 верующих Православной Церкви в Генерал-губернаторстве 227 300 считали себя украинцами. Ср. М. В. Шкаровский, *Политика Третьего рейха...*, с. 93-94.
[12] А. Свитич, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии*, с. 189.
[13] М. В. Шкаровский, *Политика Третьего рейха...*, с. 95-96.
[14] Там же, с. 98-99.

губернаторстве[15]. После возвращения в Варшаву, митрополит Дионисий принял от архиепископа Серафима правление Варшавско-Холмской епархией и объявил о создании Автокефальной православной церкви в Генерал-губернаторстве.

Первый Собор епископов Автокефальной православной церкви в Генерал-губернаторстве, состоялся 30 сентября 1940 г. при участии митрополита Дионисия и епископа Тимофея. Собор епископов ввел новое административное деление Церкви на три епархии: Варшавско-Радомскую, Холмско-Подляскую и Краковско-Лемковскую. Холмско-Подляская епархия была возведена в ранг архиепископства. Настоятелем этой епархии был рукоположен 19–20 октября в Хелме Иван Охиенко, принявший монашеское имя Иларион. Хиротонию Холмского епископа осуществили митрополит Дионисий, епископ Тимофей и архиепископ Пражский Савватий, подчинявшийся Константинопольскому патриархату. Новый иерарх на следующий день после вступления в Холмский собор получил звание архиепископа.

Должность викария Холмско-Подляской епархии с резиденцией в Яблочинском монастыре получил епископ Тимофей. Ординарием Краковско-Лемковской епархии был рукоположен 8 февраля 1941 г. в Варшаве игумен Палладиус (Видибидо-Руденко), который 9 февраля был возведен в сан архиепископа. 6 августа 1941 г. Краковско-Лемковская епархия была расширена за счет недавно созданного немцами Галицкого района. Тогда епархия получила название Краковско-Лемковско-Львовская. Перечисленные епископы под председательством митрополита, сформировали Синод епископов в качестве высшей власти Автокефальной православной церкви в Генерал-губернаторстве. Председателем Синода стал митрополит Дионисий, его заместителем архиепископ Иларион а секретарем архиепископ Палладий. В состав Синода Епископов, из-за «полонофильских» взглядов, не вошел владыка Тимофей, но в дальнейшем оставался викарием Холмско-Подляского архиепископства[16]. Синод, неоднократно не давал согласия на рукоположение во епископа настоятеля прихода на Воле, архимандрита Феофана (Протасевича), не обращая внимания на то, что эта кандидатура не вызывала возражений со стороны оккупационных властей. Основной причиной отсутствия согласия на хиротонию священнослужителя стало то, что архимандрит Феофан не был украинской национальности[17].

[15] А. Свитич, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии*, с. 259-260; K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, c. 58-59; М. В. Шкаровский, *Политика Третьего рейха...*, с. 99-100.

[16] А. Свитич, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии*, с. 262; K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, c. 59-60.

[17] Архимандрит Феофан был расстрелан немецкими войсками и жителями Воли, во время Варшавского восстания (август 1944 г.), А. Свитич, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии*, с. 262.

Сформированная в 1940–1941 г. церковная структура включала территорию Генерал-губернаторства и Галиции. Варшавская епархия состояла из двух благочиний (Варшавского и Радомского), 10 приходов и одного с западным обрядом. В состав Холмско-Подляской епархии входило 17 благочиний с 175 приходами, а Краковско-Лемковско-Львовской епархии – 4 благочиния с 33 приходами. В 1941–1944 г. к этой епархии принадлежал пятый деканат – Львовский.

Члены Синода Епископов проявляли лояльное отношение к оккупационным властям и поддерживали действия украинских кругов. Архиепископ Иларион особенно стремительно вводил украинский язык в богослужения, издаваемую религиозную литературу и использовал его при общении с верующими. Большим успехом стало создание Православной Духовной Семинарии в Хелме, действовавшей в 1943–1944 г. Ректором семинарии стал известный украинский деятель Евгений Баршевский. В 1942-1944 г. на территории Варшавы действовала вторая Духовная Семинария[18]. Гораздо более слабые процессы украинизации церковной жизни проходили на территории двух остальных епархий. Украинская среда была на их территории гораздо менее многочисленной, а лемковское население эффективно сопротивлялось украинизации Церкви.

В украинизации церковной жизни активное участие принимал митрополит Дионисий, который в соборе Святой Марии Магдалины в Варшаве, ввел богослужения на украинском языке. Настоятелем этого храма стал отец Павел Пащевский, бывший капеллан войск атамана Семена Петлюры. Митрополит, также Варшавскую Духовную Консисторию, укомплектовал лицами украинской национальности. Заседания консистории проходили на украинском языке. Консистория издавала церковную литературу исключительно на этом языке[19]. В Варшавско-Радомской епархии издавался ежемесячник «Церковнi вiдомостi» (1943–1944), а в Холмско-Подляской – двухнедельник «Звидомлення из Холмско-Пидлашкой епархии» (1942–1944). Издавались также «Холмский православный народный календарь» на украинском языке и «Православный церковно-народный календарь» на русском языке[20].

Митрополит Дионисий, ссылаясь на патриарший томос с 1924 г. о предоставлении Православной церкви в Польше автокефалии, объявил Варшавскую митрополию законным преемником бывшей Киевской митрополии. Исходя из этого убеждения, митрополит Дионисий хотел сам организовать церковную структуру на оккупированных немцами украинских землях. Иерарх планировал в августе 1941 г. съездить в Поча-

[18] J. Sziling, *Przyczynek do utworzenia prawosławnych seminariów w Generalnym Gubernatorstwie*, [в:] *Historia i współczesność,* Warszawa 1987, c. 257-263.
[19] А. Свитич, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии*, с. 260.
[20] K. Urban, *Prasa i wydawnictwa ciągłe po 1939 r.*, [в:] *Kościół prawosławny dawniej i dziś*, рэд. L. Adamczuk i A. Mironowicz, Warszawa 1993, c. 153.

евскую Лавру на праздник в честь святого Иова и организовать синод украинских епископов. Митрополит стремился к созданию Украинской автокефальной православной церкви. Эти намерения не одобрились немецкой властью, которая запретила митрополиту Дионисию вмешиваться в церковные дела на Украине. Однако митрополит, вопреки запрету оккупационных властей, 24 декабря 1941 г. назначил архиепископа Поликарпа (Сикорского) «временным администратором Украинской автокефальной православной церкви на освобожденных землях Украины»[21].

Политика православного иерарха основана была на вере в победу Третьего рейха над СССР и ликвидацию Польского государства. Таким образом, создавались реальные предпосылки для строительства украинской государственности и создания Украинской автокефальной православной церкви. Обострение конфессиональных и национальных конфликтов на польско-украинском рубеже, повлекло за собой многочисленные жертвы среди православного духовенства и верующих[22]. Самые трагические события произошли на Хрубешовщине и Томашовщине. Мученическую смерть от рук польских соседей понесли священнослужители Павел Швайко с женой Иоанной (1943 г.), Сергей Захарчук (1943 г.), Николай Холец (1944 г.), Лев Коробчук (1944 г.), Петр Охризко (1944 г.) и многие другие. Одной из жертв стал отставной капеллан польской армии о. Василий Мартыш, убитый летом 1944 г. в собственном доме в Тератине недалеко от Красногостава[23].

Для православной общины, самым потрясающим моментом, стало убийство немецкими оккупантами архимандрита Григория Перадзе, бывшего профессора Варшавского университета. Этот, выдающийся православный богослов, был арестован Гестапо за помощь в спасении еврейлегионов. Преподобный Григорий Перадзе был убит 6 декабря 1942 г. в Освенциме, отдав свою жизнь за сокамерника[24]. Жестокое убийство

[21] А. Свитич, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии*, с. 267; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na terenach Generalnego Gubernatorstwa, Białorusi i Ukrainie w latach 1939-1944*, с. 176-177.

[22] M. Sawicki, *Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich*, t. III, Warszawa 1994, с. 124-127; K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, с. 63.

[23] Abp Abel, *Martyrologia prawosławia na Ziemi Chełmskiej i Podlaskiej*, [в:] „Cerkiewny Wiestnik”, 2003, нр. 1, с. 3-12; J. Charkiewicz, *Męczennicy XX wieku. Martyrologia prawosławia w Polsce w biografiach świętych*, Warszawa 2004, с. 102-137; *Kto kim był w Drugiej Rzeczypospolitej?,* рэд. J. M. Majchrowski, t. I, cz. VIII, Warszawa 1994, с. 198; Z. Waszkiewicz, *Duszpasterstwo w siłach zbrojnych Drugiej Rzeczypospolitej (1918-1939)*, Toruń 2000, с. 185. Решением Синода Епископов Польской Православной Церкви от 20 марта 2003 г. Указанные лица включены были в Собор Святых Мученников Холмских и Подляских. Торжественная канонизация состоялась 7-8 июня 2003 г. „Wiadomości PAKP”, 2003, нр. 5, с. 4; нр. 6, с. 6-7; „Cerkiewny Wiestnik”, 2003, нр. 1, с. 3-12; нр. 3, с. 3-5, 18-23; нр. 4, с. 9-19.

[24] H. Paprocki, *Ksiądz archimandryta Peradze,* „Wiadomości PAKP”, 1986, нр. 3-4, с. 7-20; J. Charkiewicz, *Męczennicy XX wieku*, с. 83-101. *Akt kanonizacyjny*, „Wiadomości PAKP”, 1995, нр. 4, с. 4.

монаха Игнатия из монастыря Святого Онуфрия в Яблочне, которое совершили немецкие солдаты 10 августа 1942 г., также вызвало глубокое потрясение[25].

Иерархи Автокефальной православной церкви в Генерал-губернаторстве, делали все, чтобы защитить свое духовенство и верующих. Эти действия вынудили пойти на тесное сотрудничество с гитлеровским оккупантом. Следствием этого, стало издание нескольких документов, соответствующих ожиданиям Третьего рейха. 2-6 августа 1943 г. Собор Епископов поддержал войну с Советским Союзом, а 13-16 октября того же года, протестовал против избрания митрополита Сергия (Страгородского) Московским Патриархом, по их мнению возведенного НКВД[26]. Актом, подтверждающим лояльность иерархии оккупационным властям, была декларация о сотрудничестве с немецкими войсками в борьбе против «безбожного большевистского натиска», передана в мае 1944 г. Губернатору Гансу Франку в Вавеле[27].

Последний этап деятельности Автокефальной православной церкви в Генерал-губернаторстве, пришелся на весну и лето 1944 г. 18 марта 1944 г., Собор Епископов удостоил архиепископа Илариона должностью почетного митрополита, а 4 апреля того же года заседавший в Варшаве Собор епископов Украинской автокефальной православной церкви, присвоил митрополиту Дионисию достоинство почетного патриарха. Кроме того, архиепископы Иларион и Палладий попытались изменить название церкви на Украинскую автокефальную православную церковь. Это предложение не было принято из-за негативного отношения к нему оккупационных властей. Единственным организационным изменением было повышение Краковско-Лемковско-Львовской епархии до ранга архиепископства.

Решения Собора Епископов не имели большого значения. Июльское наступление советских войск привело к эвакуации церковных учреждений. Митрополит Дионисий и оба архиепископа сначала уехали в Словакию, а после стабилизации фронта на Висле прибыли в Закопане. До января 1945 г. митрополит находился в Петркув-Трыбунальском, а остальные иерархы в Кракове. Январское наступление советских войск вынудило православных епископов эвакуироваться в Санкт-Пельтен в Австрию. После оккупации Вены советскими войсками, архиепископы Иларион и Паладий отправились в Баварию и Швейцарию, а митрополит Дионисий вернулся в Варшаву 25 апреля 1945 г. В то время, управление Холмско-Подляской епархией осуществлял епископ Тимофей, а остальными назначенные администраторы: о. Ян Коваленко (Варшавско-Радом-

---

[25] „Cerkiewny Wiestnik", 2003, нр. 3, с. 27-46; J. Charkiewicz, *Męczennicy XX wieku*, с. 107-111.
[26] K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, с. 63.
[27] K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, с. 64.

ская епархия), о. Михал Волков (Краковско-Лемковско-Львовская епархия) и о. Петр Тарановский (приходы в Подкарпатье)[28].

Обсуждая позицию митрополита Дионисия, нельзя пропустить его отрицательную оценку созданых неканонических структур во время немецкой оккупации Белорусской и Украинской автокефальной православной церквей, которые были ликвидированы после вступления советских войск[29].

Оценить положение митрополита Дионисия в 1939–1944 г. крайне сложно. С одной стороны, глава Церкви осуществил восстановление разрушенной оккупантами церковной структуры, с другой стороны, это было сделано не всегда вопреки каноническому праву. Большим достижением митрополита Дионисия считается организация церковных структур, которая привела к возрождению религиозной жизни. Этот процесс был осуществлен не в результате политики оккупационных немецких властей, а в результате стремления духовенства и верующих к реституции церковных структур, разрушенных большевиками или довоенными польскими властями. В 1941–1944 г. на территории Генерал-губернаторства, Белоруссии и Украины было создано 5 400 православных приходов и 45 монастырей, открылось несколько духовных семинарий для подготовки духовенства к пастырской службе[30]. Выпускники этих семинарий активно участвовали в религиозной жизни белорусов, украинцев и русских в эмиграции. Православная церковь в годы оккупации получила возможность вести евангелизацию. Возродилось церковное образование и религиозное учение в школах. Белорусизация и украинизация церковной жизни привели к росту национального и религиозного сознания верующих Православной церкви. Это явление имело особое значение для эмигрантской среды после Второй мировой войны. Клеймом на деятельности Православной церкви на оккупированных территориях было сотрудничество и даже коллаборация части духовенства с немецкими властями. Эта политика, столь широко критикуемая после освобождения коммунистическими властями, не помогла возрождению религиозной жизни после Второй мировой войны в Польском государстве. Наибольшие последствия понес сам митрополит, который был лишен своей должности в 1948 г. и приговорен к жизни в одиночном заключении до конца своих дней.

[28] Там же, с. 64-65.

[29] A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku,* Białystok 2005, s. 207-227.

[30] K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, s. 324; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na terenach Generalnego Gubernatorstwa, Białorusi i Ukrainie w latach 1939-1944*, s. 198-199.

Библиография

Источники

„Cerkiewny Wiestnik”, 2003, нр. 1, с. 3-12; нр. 3, с. 3-5, 18-23, 27-46; нр. 4, с. 9-19.
„Wiadomości PAKP”, 1995, нр. 4, с. 4.
„Wiadomości PAKP”, 2003, нр. 5, с. 4; нр. 6, с. 6-7.

Литература

Свитич Александр Каллиникович, *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии*, Москва 1997.

Шкаровский Михаил Витальевич, *Нацистская Германия и Православная Церковь,* Москва 2002.

Шкаровский Михаил Витальевич, *Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935-1945 годов,* Москва 2003.

Abp Abel, *Martyrologia prawosławia na Ziemi Chełmskiej i Podlaskiej*, [в:] „Cerkiewny Wiestnik”, 2003, нр. 1, с. 3-12.

Arcybiskup Generał Brygady Sawa (Jerzy Sowietow). Wybór dokumentów, opr. K. Filipow i A. Suchcitz, Białystok – Warszawa 1997.

Charkiewicz Jarosław, *Męczennicy XX wieku. Martyrologia prawosławia w Polsce w biografiach świętych*, Warszawa 2004, с. 102-137.

Kasiak Ivan, *Byelorussia. Historical Outline*, London 1989.

Kto kim był w Drugiej Rzeczypospolitej?, red. J. M. Majchrowski, t. I, cz. VIII, Warszawa 1994.

Mironowicz Antoni, *Kościół prawosławny na terenach Generalnego Gubernatorstwa, Białorusi i Ukrainie w latach 1939-1944*, [в:] *Pokazanie Cerkwie prawdziwej. Studia nad dziejami i kulturą Kościoła prawosławnego w Rzeczypospolitej*, Białystok 2004.

Mironowicz Antoni, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku,* Białystok 2005.

Paprocki Henryk, *Ksiądz archimandryta Peradze,* „Wiadomości PAKP”, 1986, нр. 3-4, с. 7-20.

Sawicki Mikołaj, *Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich*, t. III, Warszawa 1994.

Sziling Jan, *Kościoły chrześcijańskie w polityce niemieckich władz okupacyjnych w Generalnym Gubernatorstwie (1939-1945)*, Toruń 1988.

Sziling Jan, *Przyczynek do utworzenia prawosławnych seminariów w Generalnym Gubernatorstwie*, [в:] *Historia i współczesność,* Warszawa 1987.

Urban Kazimierz, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, Warszawa 1996.

Urban Kazimierz, *Prasa i wydawnictwa ciągłe po 1939 r.*, [в:] *Kościół prawosławny dawniej i dziś*, рэд. L. Adamczuk i A. Mironowicz, Warszawa 1993.

Waszkiewicz Zofia, *Duszpasterstwo w siłach zbrojnych Drugiej Rzeczypospolitej (1918-1939)*, Toruń 2000.

ПАВЕЛ БОЧКОВ

30 лет Черногорской схизме. Неканоническая «Черногорская Православная Церковь» в 1993-2023 гг.: история, межъюрисдикционные связи, современное состояние

Ключевые слова: «Черногорская Православная Церковь», неканоническое Православие, Антоний (Абрамович), Михаил (Дедеич), церковные расколы, раскол в Сербской Православной Церкви, Православие в Черногории

Keywords: "Montenegrin Orthodox Church", non-canonical Orthodoxy, Anthony (Abramović), Mikhail (Dedejic), church schisms, schism in the Serbian Orthodox Church, Orthodoxy in Montenegro

Аннотация

Статья посвящена истории возникновения и последующей деятельности неканонической православной юрисдикции, не имеющей общения с каноническими Поместными Православными Церквями, известной как «Черногорская Православная Церковь» (ЧПЦ). В 2023 году исполняется ровно тридцать лет активной деятельности этой структуры, возникшей как небольшая группа политизированных деятелей в 1993 году, и к 2023 году ставшая структурой, противопоставляющей себя канонической Сербской Православной Церкви и имеющей притязания на национальную автокефалию.

Несмотря на поддержку националистически настроенной части черногорской общественности и интеллигенции, а также руководителей органов государственной власти Республики Черногории и церковное общение с рядом непризнанных неканонических православных церковных образований, «Черногорская Православная Церковь» так и не смогла стать доминирующей религиозной конфессией в стране.

Внутренние нестроения, стагнация и политизация церковной жизни наряду со скандалами, кадровым дефицитом и стремлениями отдельных «иерархов» юрисдикции к смене руководства и разного рода переменам, привели «Черногорскую Православную Церковь» к концу 2023 года к расколу и перспективе дальнейшей маргинализации.

Abstract

[1] Павел Владимирович Бочков, священник, доктор хабилитированный богословия, доктор теологии, кандидат юридических наук, профессор, преподаватель Костромской духовной семинарии (Кострома, Россия) Habilitated Doctor of Theology, Doctor of Theology, Ph.D. in Law, Professor, Professor, Lecturer at Kostroma Theological Seminary (Kostroma, Russia).

30 years of Montenegrin schism. Non-canonical „Montenegrin Orthodox Church" in 1993-2023: history, interjurisdictional relations, current state

The article is devoted to the history of the emergence and subsequent activities of a non-canonical Orthodox jurisdiction that has no communication with the canonical Local Orthodox Churches, known as the "Montenegrin Orthodox Church" (MCOC). In 2023, it will be exactly thirty years of active activity of this structure, which arose as a small group of politicized figures in 1993, and by 2023 became a structure that opposes itself to the canonical Serbian Orthodox Church and has claims to national autocephaly.

Despite the support of the nationalist-minded part of the Montenegrin public and intelligentsia, as well as the heads of state authorities of the Republic of Montenegro and church communication with a number of unrecognized non-canonical Orthodox church entities, the "Montenegrin Orthodox Church" was never able to become the dominant religious denomination in the country.

Internal unrest, stagnation and politicization of church life, along with scandals, personnel shortages and the aspirations of individual "hierarchs" of the jurisdiction to change leadership and various kinds of changes, led the "Montenegrin Orthodox Church" by the end of 2023 to a split and the prospect of further marginalization.

История Православия в Черногории неразрывно связана с историей Сербской Православной Церкви, которая как минимум с начала 1200-х гг. имела на этой территории свои приходы, а в 1220 г. основала в Дукли Зетскую епархию, к середине XIV столетия ставшую митрополией. В XV в. она получила новую резиденцию в Цетине (черногорск. Цетиње) и, как следствие, новое наименование – Цетиньская митрополия[2].

В 15 веке, преследуемая турками часть сербского населения поселилась в труднодоступных местах нынешней Черногории, что стало решительным фактором в формировании будущей черногорской национальной идентичности. Горная местность стала прибежищем наиболее непримиримых в отношении турецкого владычества сербов, которые, несмотря на карательные экспедиции турецких войск, существенно увеличили население Черногории[3]. Благодаря сложной системе взаимоотношений светской и духовной властей, активную роль в государственном управлении этими территориями играли представители местной православной иерархии. С 1516 года черногорские митрополиты приобрели и светскую административную власть. В 1766 г. турецкий султан издал берат, который фактически ликвидировал Печский Патриархат, вошедший в состав

---

[2] Ж. М. Андрияшевич, *Черногорская церковь (1852-1918)*, Пер. с черн. М. Ковач, Москва 2011, с. 3.

[3] С. И. Смирнов, *Православная Церковь и становление черногорской государственности*, „Ярославский педагогический вестник", т. I, № 3, 2010, с. 24.

Вселенского Константинопольского Патриархата на правах митрополии. При этом все сербские архиерейские кафедры возглавлялись этническими греками, а богослужение, проповедь и делопроизводство велись на греческом языке[4]. Черногорские верующие и духовенство этому всячески противились, считая себя автономной частью в составе Константинопольского Патриархата.

Черногорские митрополиты проявили себя не только в делах духовного попечения, но и на ниве государственного управления, и в военных походах. Особенно известными и успешными в своей государственной деятельности были черногорские митрополиты из рода Петровичей-Негошей: митрополит Даниил (1670-1735), святитель Петр I (1747-1830) и митрополит Петр II (1813-1851)[5].

После избавления от турецкого ига среди черногорской интеллигенции возник вопрос об автокефалии Черногорской Церкви, а в 1904 г. был принят «Устав Святейшего Синода» Черногорской митрополии, в котором провозглашалась автокефалия[6]. К 1918 г. вследствие распада Австро-Венгерской империи, возникновения новых государственных образований и изменения территориальных границ разрозненные группы Сербской Православной Церкви на Балканах приступили к поиску единства. Черногория в 1918 г. вошла в состав государства «Королевства СХС», – (сербов, хорватов, словенцев). «17 сентября 1920 г. регент Александр Карагеоргиевич утвердил королевский указ в поддержку решения епископов о воссоединении Сербской Церкви. 12 сентября 1920 г. в резиденции патриархата в Сремских Карловцах прошли торжества по поводу восстановления патриархата и воссоединения Сербской Православной Церкви»[7]. Соответствующая просьба была направлена Константинопольскому патриарху, «который вскоре издал Томос о признании восстановления единой Сербской Патриархии»[8]. Сербский Патриархат признали все Восточные Патриархи, а также Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин)[9]. Черногорская Церковь стала епархией в составе Сербского Патриархата[10]. При этом все иерархи Черногорской Церкви твердо поддержали идею единой Сербской Церкви, приняв самое активное участие в деле восстановления

[4] *Поместные Православные Церкви*, Москва 2004, с. 64.
[5] К. Е. Скурат, *История Поместных Православных Церквей*, т. I, Москва 1994, с. 120-122.
[6] *Устав Светога Синода у књажевени Црној Гори*, Цетиње 1904.
[7] П. Пузович, *Краткая история Сербской Православной Церкви в бывшей Югославии в XX столетии*, [в:] *Православная Церковь в Восточной Европе. XX век*, ред. Кристин Шайо, Київ 2010, с. 122.
[8] *Поместные Православные Церкви*, с. 65.
[9] В. С. Блохин, *История Поместных Православных Церквей*, Екатеринбург 2014, с. 379.
[10] З. Фолић, *Црногорска Православна Црква. Екзистирање и укидање 1920,* [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2010, број 36, с. 41-43.

административного и канонического единства этой Поместной Церкви[11]. В тяжелые годы II Мировой войны, геноцида сербов, а затем репрессивного господства коммунистической идеологии, вопросы национального самосознания и церковной независимости в Черногории были практически забыты.

Как и в большинстве стран Варшавского договора, после крушения советской власти и проявления националистических устремлений[12], в бывших Югославских республиках, в частности и в Черногории, активизировались сторонники церковной независимости от Сербской Православной Церкви[13]. Сепаратисты развязали настоящую информационную борьбу против канонической Черногорско-Приморской митрополии Сербского Патриархата. Примечательно, что сторонников черногорской автокефалии было незначительное число. По утверждению ряда авторов, «большинство простого народа хотело присоединиться тогда к Югославии, а большинство духовенства добровольно стремилось войти в состав Сербской православной церкви»[14].

Тем не менее, сторонниками неканонической автокефалии был создан «Инициативный комитет за возрождение Черногорской Православной Церкви», а 31 октября 1993 года им удалось собрать несколько сот человек на площади около здания бывшего дворца черногорских князей в г. Цетине с целью проведения «Народного Собора». Собравшимся было объявлено об учреждении новой «альтернативной» православной организации[15] – «Черногорской Православной Церкви», предстоятелем которой был тут же провозглашен архимандрит Антоний (Абрамович), наделенный собранием саном «митрополита»[16]. Согласно сербским исследователям, проект организации неканонической «Черногорской Церкви» вылившийся

---

[11] A. D. Stamatović, *The role of the Orthodox Church in Montenegro in the establishment and unification of the Serbian Orthodox Church (1918-1922),* [в:] „Studia Slavica et Balcanica Petropolitana”, № 2 (32), Санкт-Петербург 2022, pp. 186-208.

[12] И. А. Мирич, *Политические процессы в переходных обществах: опыт нациостроительства в Черногории. Специальность 23.00.02 „Политические институты, процессы и технологии”. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук*, Москва 2011.

[13] А. Стаматовић, *Историја Митрополије црногорско-приморске (1918-2009),* Подгорица 2014, с. 377-399.

[14] А. С. Ходунов, *Межнациональные отношения и риски дестабилизации в странах бывшей Югославии: история и современность*, [в:] *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ежегодник*, ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина, т. VIII, Волгоград 2017, с. 291.

[15] А. Н. Лещинский, *Православие: типология церковных разделений*, [в:] *Ученые записки Российского государственного социального университета*, № 1(64), Москва 2009, с. 111.

[16] А. Н. Лещинский, *Черногорский раскол*, [в:] „Независимая газета” [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.ng.ru/problems/2009-09-16/5_montenegro.html – Дата доступа: 10.10.2023.

в создание упомянутого Комитета в 1990 г. зародился в среде черногорских националистов и либеральных мыслителей еще в конце 1980-х гг.[17].

Антоний (Илия Абрамович) родился в 1919 г. в селении Ораховац из предместий г. Катора в Черногории. По окончании школы, с середины 1930-х гг. нес послушание в ряде сербских монастырей. В 1941 г. принял рукоположение в сан священника, а в 1943 был пострижен в монашество с наречением имени Антоний. К 1950 г. иеромонах Антоний (Абрамович) был возведен в сан игумена. В 1947-1951 гг. он обучался в Призренской духовной семинарии. Сменив ряд административных должностей в монастырях Черногорско-Приморской епархии, Абрамович в начале 1960-х гг. был почислен за штат и в 1962 г. выехал в Грецию, а в 1963 г. – эмигрировал в Канаду[18]. На Американском континенте Абрамович, по некоторой информации являлся клириком нескольких неканонических американских юрисдикций (в частности, в «Свободной Сербской Православной Церкви»[19] и «Хорватской Православной Церкви»[20]), но в последствии был принят в Канадскую епархию Православной Церкви Америки (ПЦА) и служил на приходах этой епархии в сане архимандрита. Через какое-то время Антоний (Абрамович) был почислен на покой, но в январе 1993 г. был назначен временным настоятелем собора святых апостолов Петра и Павла в Монреале, в Квебеке[21].

Осенью 1993 г. Антоний (Абрамович) вернулся в Черногорию, где сразу же принял участие в различных встречах политизированной черногорской интеллигенции, став участником дискуссий на различные темы общественно-политического характера, главными из которых были достижения полной независимости от Сербии. Все это вскоре и привело к созданию политического проекта под наименованием «Черногорская Православная Церковь». Примечательно, что Абрамович был изначально представлен в качестве епископа Эдмонтонского, викария Канадской епархии Православной Церкви Америки. Однако на официальный запрос в Православную Церковь Америки, сделанную Патриархом Сербским Павлом, митрополит всея Америки и Канады Феодосий (Лазор) ответил, что Атоний (Абрамович) не был рукоположен в сан епископа ни в ПЦА, ни какой-либо из православных юрисдикций в Северной Америке, а за действия,

---

[17] Б. Алексић, *Поговор* [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, Никшић 2005, с. 278.

[18] А. Стаматовић, *Историја Митрополије црногорско-приморске (1918-2009),* с. 402.

[19] Там же, с. 403.

[20] И. Кечкин, *Государство и Церковь в Черногории в новейшее время*, [в:] *Московская духовная академия Русской Православной Церкви*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://mpda.ru/publications/gosudarstvo-i-cerkov-v-chernogorii-v-novejshee-vremja/ – Дата доступа: 10.10.2023.

[21] *Major Pastoral Acts*, 1993 [в:] *Orthodox Christianity in Canada* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://archbishop-of-ottawa.org/content/major-pastoral-acts-1993 – Дата доступа: 10.10.2023.

направленные на создание нового раскола, Антоний (Абрамович) был запрещен в служении с 29.10.1993 г. своим епархиальным архиереем[22]. Поводом представлять себя в качестве епископа Антонию (Абрамовичу) стал тот факт, что ранее, в июле 1993 г. епископ Оттавский и Канадский Серафим предлагал архимандриту Антонию (Абрамовичу) должность «викария по монашествующим Канады», очевидно подразумевая церковно-административную должность, но не избрание и последующее рукоположение в сан викарного епископа[23]. Тем не менее, сторонниками Абрамовича распространяется копия письма епископа Оттавского Серафима в адрес Абрамовича, где он именуется «викарным владыкой Канады»[24]. Отсутствие факта архиерейского рукоположения не смутило ни Абрамовича, ни его сторонников, и 31 октября 1993 года он был объявлен «архиепископом Цетинским и митрополитом Черногорским», и «духовным главой черногорского народа», что было зафиксировано в тексте специальной грамоты, выданной Абрамовичу от имени «Народного Собора»[25].

30 ноября 1993 митрополит Феодосий (Лазор) от лица Православной Церкви Америки уведомил Вселенский Константинопольский Патриархат о раскольнических действиях запрещенного в служении архимандрита Антония (Абрамовича) на территории Сербской Поместной Церкви и его работе по организации неканонической «Черногорской Православной Церкви»[26]. Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви на своем заседании от 1.11.1993 г. назвал инициативы по созданию «Черногорской Православной Церкви» «жалкими и трагикомическими», «недействите-

---

[22] *Letter from Metropolitan Theodosius to Patriarch Paul of Serbia dated October 29, 1993 regarding Anthony Abramovich. On the letterhead of the First Hierarch of the Orthodox Church of America, Metropolitan Theodosius. Copy. Autograph. On 1 sheet* [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 66-67.

[23] *Letter from Bishop Seraphim of Ottawa and Canada to Archimandrite Anthony (Abramovich) dated July 26, 1993. On the official letterhead of the Ottawa-Canadian Diocese of the Orthodox Church of America. Autograph. Copy. On 1 sheet* [в:] *Montenegro-Canada. Crnogorski web site u Americi* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.montenegro-canada.com/albums/album_image/3943482/1148602.htm – Дата доступа: 10.10.2023.

[24] *Letter from Bishop Seraphim of Ottawa and Canada to Archimandrite Anthony (Abramovich) dated July 26, 1993. On the official letterhead of the Russian Orthodox Cathedral Church of Saints Peter and Paul in Montreal. Autograph. Copy. On 1 sheet* [в:] *Montenegro-Canada. Crnogorski web site u Americi*.

[25] *Грамата народа црногорскога митрополиту Антонију Абрамовићу. Копирај. Печат. Аутограм. На 1 листу* [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 79.

[26] *Letter from Metropolitan Theodosius to Patriarch Bartholomew of Constantinople dated November 30, 1993 about the activities of Archimandrite Anthony Abramovich, who was banned from serving. On the letterhead of the First Hierarch of the Orthodox Church of America, Metropolitan Theodosius. Copy. Autograph. On 3 sheets,* [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 74-78.

льными и неканоническими», а все богослужения и таинства, которые совершал Абрамович в рамках ЧПЦ – «недействительными и безблагодатными»[27]. С целью лично сообщить о деятельности Абрамовича на территории Черногорско-Приморской епархии, митрополита Феодосия посетил правящий архиерей канонической Черногорской епархии митрополит Амфилохий (Радович) (1938-2020), являвшийся одним из выдающихся иерархов Православной Церкви в XX веке[28]. В результате, решением Священного Синода Православной Церкви Америки от 1.05.1994 г. Антоний (Абрамович) был извергнут из священного сана[29]. В 1995 году он был лишен и монашества и отлучен от Православной Церкви[30]. В 1994-1995 гг. Абрамович предпринял ряд шагов, с целью получить рукоположение в сан епископа с помощью ряда неканонических групп, контактируя с ними как на Балканах, так и в Северной Америке, однако потерпел неудачу. В частности, в Македонской Православной Церкви[31] (на тот момент не имевшей канонического признания), в которой получил отказ. Информация о хиротонии Абрамовича в сан епископа иерархами неканонического «Альтернативного Синода Болгарской Православной Церкви» также не получила своего подтверждения. Несмотря на это, Абрамович совершал богослужения в архиерейском облачении, носил белый клобук – символ митрополичьего достоинства, а также архиерейскую панагию.

Отличительной чертой этого периода в жизни ЧПЦ являлось фактическое самосвятство – провозглашение себя архиереем без какого-либо, даже неканонического, посвящения в епископский сан. Наличие в Черногории большой и сплоченной канонической епархии Сербской Православной Церкви нисколько не смутили устроителей раскола, и «Черногорская Православная Церковь» постепенно начала оформляться в религиозную структуру. Довольно существенную поддержку в ее становлении оказал бывший премьер-министр Черногории Мило Джуканович. «Когда же в 1998 году М. Джуканович стал президентом Черногории, раскольники в этом же году получили государственную регистрацию, сначала как

[27] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 84.

[28] Амфилохий (Радович), митрополит, *Избранные лекции в магистратуре по проблемам духовно-нравственного воспитания*, ред. А. Г. Козловой, В. О. Гусаковой, вып. 2., Санкт-Петербург 2020, с. 37-49; И. А. Чарота, *Амфилохий (Радович)* [в:] „Православная энциклопедия”, т. II, Москва 2001, с. 199.

[29] *Letter from Metropolitan Theodosius to Patriarch Paul of Serbia dated June 23, 1994 regarding Anthony Abramovich. On the letterhead of the First Hierarch of the Orthodox Church of America, Metropolitan Theodosius. Copy. Autograph. On 2 sheets* [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 104 – 106.

[30] А. Стаматовић, *Историја Митрополије црногорско-приморске (1918-2009),* с. 410.

[31] D. Vukovic, *Ne pravi se crkva za jedan dan*, [в:] AIM [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://www.aimpress.ch/dyn/pubs/archive/data/199406/40605-002-pubs-pod.htm – Дата доступа: 10.10.2023.

неправительственная организация, а уже в начале 2000 года Черногорская церковь стала официальной религиозной организацией»[32].

Тем временем, в начале ноября «митрополит» Антоний (Абрамович) перенес сильный сердечный приступ и скончался 18 ноября 1996 года, поставив перед деятелями ЧПЦ вопрос о приемнике. В январе 1997 года[33] им стал запрещенный в служении клирик Константинопольского патриархата Михаил (Мираш Дедеич) (в ряде русскоязычных источников его фамилия указана как Дедич[34]).

Михаил (Михайло) (Мираш Дедеич (Мираш Дедеић)) родился 8 ноября 1938 г. в деревне Рамово Ждриело на Дурмиторе – массиве, расположенном на Северо-Западе Черногории. Окончил реальную классическую школу в Призрене, он некоторое время обучался на педагогическом факультете Приштинского университета[35]. В 1969 году он окончил православный богословский факультет в Белграде, некоторое время проживал в Острожском монастыре. В 1973 году окончил аспирантуру Папского Восточного института в Риме (историческое отделение), после чего поступил в число студентов Московской Духовной Академии в Загорске. После окончания обучения Мираш Дедеич занимался научной и архивной деятельностью, работая в государственных архивах Югославии и СССР, а также в Италии, в Риме. В 1988 году в Вене он был рукоположен в сан диакона и священника митрополитом Австрийским и экзархом Венгерским Константинопольского патриархата Хризостомом (Цитером)[36], и затем служил в храме св. апостола Андрея Первозванного в Риме на приходе Италийской епархии Вселенского патриархата[37]. Впоследствии был возведен в сан архимандрита[38]. 30 ноября 1995 года за многочисленные канонические нарушения Дедеич был запрещен в служении митрополитом Италийским Константинопольского Патриархата Спиридоном (Папагеоргиу)[39]. По некоторой информации, им было принято монашество, невзирая на то, что он не имел официального развода со своей супругой, граж-

[32] И. Кечкин, *Государство и Церковь в Черногории в новейшее время*,
[33] K. Morrison, *Montenegro. A modern history*, London – New –York 2009, p. 139.
[34] А. В. Слесарев, *Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924-2008)*, Москва 2009, с. 385; П. Бочков, *Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв.*, т. III: *Идейно-национальные расколы. Непризнанные национальные юрисдикции*, изд. 2-е, Санкт-Петербург 2018, с. 321-329.
[35] *Архиепископ цетињски и митрополит црногорски Михаило* [в:] [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/црква/устројство/архиепископ-цетињски-и-митрополит-цр/ – Дата доступа: 10.10.2023.
[36] *Kotorska biskupija: Ne kažemo da je CPC nekanonska*, [в:] RTV [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.rtv.rs/sr_lat/region/kotorska-biskupija-ne-kazemo-da-je-cpc-nekanonska_221267.html – Дата доступа: 10.10.2023.
[37] А. Стаматовић, *Историја Митрополије црногорско-приморске (1918-2009),* с. 412.
[38] *Архиепископ цетињски и митрополит црногорски Михаило*.
[39] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 123.

данкой Италии[40]. В середине 1995 г. Дедеич пытался войти в юрисдикцию Сербской Православной Церкви, о чем подал соответствующее прошение, однако оно не было удовлетворено.

Отслеживая новостные события, связанные с деятельностью «Черногорской Православной Церкви», Дедеич неоднократно выступал в прессе со словами поддержки действиям Антония (Абрамовича), что впоследствии привело его в ряды сторонников этой юрисдикции. После смерти Абрамовича, 6 января 1997 г. на очередном «Народном Соборе» Мираш Дедеич был провозглашён новым главой ЧПЦ, что вызвало негативную реакцию со стороны Сербской Православной Церкви, которая уведомила о неканонических действиях Дедеича Вселенский патриархат, попросив принять меры судебного характера и извергнуть Дедеича из священного сана. Примечательно, что уже в праздник Рождества, 7 января 1997 года, Мираш Дедеич совершил литургию на площади в Цетине, в сослужении еще одного запрещенного клирика Сербской Православной Церкви, фактически сразу приступив к строительству своей юрисдикции[41]. Решением Священного Синода Константинопольской Православной Церкви «за канонические преступления и противоканонические и беззаконные действия на территории»[42] Сербской Церкви Дедеич был лишен священного сана 4 апреля 1997 года[43], а уже 9 апреля 1997 г. Синодальным актом Константинопольского Патриархата, подписанным Патриархом Варфоломеем и еще девятью членами Синода, Дедеич был предан анафеме[44].

Личность Михаила (Дедеича) была принята далеко не всеми сторонниками покойного Абрамовича и активистами Черногорского автокефализма. Стоит сказать и о том, что и Антоний (Абрамович), и Михаил (Дедеич) подозревались в связях с югославскими спецслужбами советских времен, так как являясь священнослужителями, смогли на законных основаниях выехать за пределы коммунистического государства[45].

Невзирая на эти подозрения в прошлом Дедеича и строгие церковные прещения в его настоящем, Михаил (Дедеич) и поддерживающие его активисты «Черногорской Православной Церкви» занялись поисками иерархии, с помощью которой могли быть достигнуты планы, так и не

[40] *Kotorska biskupija: Ne kažemo da je CPC nekanonska.*

[41] *Letter of Patriarch Pavel of Serbia to Patriarch Bartholomew of Constantinople dated November 16, 1997. On the official letterhead of the Serbian Patriarch. Autograph. Seal of the Holy Synod of the Serbian Orthodox Church. Copy. On 2 sheets*, [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 131-132.

[42] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 137.

[43] В. С. Тодоровић, *Проблематика захтева за Аутокефалном црквом у Црној Гори*, [в:] *Теолошки погледи,* Година XLIX, Београд 2016, број 2 / 2016, с. 324.

[44] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 138-141.

[45] А. Стаматовић, *Историја Митрополије црногорско-приморске (1918-2009),* с. 400, 402.

осуществленные Абрамовичем, а именно – рукоположение Дедеича в сан епископа и полноценное устройство ЧПЦ как альтернативной юрисдикции Сербской Православной Церкви. Вскоре были установлены контакты с неканонической «Альтернативной Болгарской Православной Церковью», возникшей в 1992 году и избравшей своего «альтернативного» Болгарского патриарха, Неврокопского митрополита Пимена (Энева)[46]. Как и «Черногорская Православная Церковь», «Альтернативная Болгарская Православная Церковь» также имела поддержку от националистически настроенных руководителей Болгарского государства и стремилась войти в общение с подобными себе неканоническими группами. 4 марта Синод этой юрисдикции принял решение о рукоположении «архимандрита» Михаила (Дедеича) в сан епископа. Хиротония состоялась в г. Софии, в храме св. Параскевы 15 марта 1998 года. В этой хиротонии приняли участие «патриарх Болгарский» Пимен (Энев), «митрополит Доростольский» Геннадий (Вылчев), «митрополит Софийский» Иннокентий (Петров), «епископ Тивериопольский» Павел (Петров), «епископ Браницкий» Феодосий (Купичков), «епископ Знепольский» Константин (Петров) и «епископ Брегальницкий» Иаков (Тасев)[47]. Кроме того, в хиротонии принял участие «митрополит Равенский и всея Италии» Антонио (де Россо), являвшийся главой автономной епархии, входящей в состав «Альтернативного синода», впоследствии ставшей независимой неканонической «Православной Церковью Италии»[48].

Эти действия вызвали негативную оценку со стороны канонической Болгарской Православной Церкви, осудившей совершение неканонической хиротонии над извергнутым и преданным анафеме бывшим клириком и распространение раскола в пределах Сербской Поместной Церкви[49].

Подобные послания с осуждением хиротонии направили Предстоятели Поместных Церквей – Константинопольский Патриарх Варфоломей (Архондонис)[50], Польской Автокефальной Православной Церкви митрополит Варшавский и всея Польши Савва (Грыцуняк)[51], Патриарх Грузинской Православной Церкви Илия (Шиолашвили)[52], Патриарх Московский

---

[46] П. Бочков, *Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв.*, т. III, с. 345-354.

[47] *Зъкоположително Свидетелство № 2/ 054/ 16.03.1998 г. На бланка на Българската Патриаршия – Светия Синод. Печат на Светия Синод БПЦ. Автограф на патриарх Пимен. Копие. В 1 списък* [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 143.

[48] П. Бочков, *Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв.*, т. III, с. 364-370.

[49] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 146-147.

[50] Там же, с. 154-155.

[51] Там же., с. 148-149.

[52] Там же., с. 170-171.

и всея Руси Алексий (Ридегер)[53], Патриарх Александрийский Петр (Папапетру)[54], Патриарх Иерусалимский Диодор (Каривалис)[55].

31 октября 1998 в г. Цетине состоялась торжественная интронизация Дедеича в качестве «архиепископа Цетинского и Блаженнейшего митрополита Черногорского», предстоятеля «Черногорской Православной Церкви». В его интронизации приняли участие «епископ Станимашский» Евлогий и «митрополит» Антонио (де Россо), с которым Михаил (Дедеич) состоял в дружеских отношениях и через которого сблизился с другой неканонической юрисдикцией – «Украинской Православной Церковью Киевского Патриархата» (УПЦ КП). ЧПЦ набирала обороты, принимая в свой состав запрещенных в служении клириков, и к концу 1998 г., в составе юрисдикции, помимо Дедеича, пребывало еще три священника[56].

Реагируя на антиканоническую деятельность Дедеича, 10 ноября 1998 г. Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви предал анафеме и отлучил от Церкви Михаила (Дедеича)[57].

Как уже было сказано, «Черногорская Православная Церковь» была официально зарегистрирована в органах государственной власти Черногорской Республики 17 января 2000 года[58]. Свою резиденцию Дедеич устроил на окраине г. Цетина, расположив ее в трехэтажном доме, первый этаж которого приспособлен для совершения богослужений, а второй и третий являются покоями «митрополита» Михаила и административным центром «Черногорской Православной Церкви»[59]. Эта резиденция считалась «временной, до переезда в Цетинский монастырь»[60], что лишь подчеркивало притязания ЧПЦ на церковное имущество Сербской Церкви на территории Черногории.

ЧПЦ вскоре разделила свою юрисдикцию на пять епархий (Цетинская архиепископия, Приморская, Дуклянская, Острожская, Беранская (Полимская) епархии. Позже была образована Аргентинская епархия), в которых некоторое время отсутствовали правящие архиереи (по причине отсутствия в юрисдикции других «епископов», кроме «митрополита» Михаила (Дедеича)). Однако вскоре эта проблема была решена за счет принятия в состав юрисдикции нескольких неканонических «иерархов».

В 2002 году в состав «Черногорской Православной Церкви» в сущем сане был принят «митрополит» Сергий (Моисеенко), бывший «иерарх»

[53] Там же., с. 174-175.
[54] Там же., с. 177.
[55] Там же., с. 182-183.
[56] А. Стаматовић, *Историја Митрополије црногорско-приморске (1918-2009),* с. 425-426.
[57] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 156-157.
[58] А. С. Ходунов, *Межнациональные отношения и риски дестабилизации в странах бывшей Югославии: история и современность*, с. 291.
[59] K. Morrison, *Montenegro. A modern history*, p. 138.
[60] *Архиепископ цетињски и митрополит црногорски Михаило.*

неканонических «Российской Истинно-Православной Церкви» (РосИПЦ) (в 1997-1999 гг.)[61] и «Истинно-Православной Церкви России» (ИПЦР) (в 1999-2002 гг.)[62]. В составе «Черногорской Православной Церкви» Моисеенко получил титул «митрополита Подгорицкого и Дуклянского», став также представителем ЧПЦ в России[63]. В том же 2002 г., он привлек в ЧПЦ группу клириков распавшейся «Российской Истинно-Православной Церкви» во главе с «протопресвитером» Александром Сергеевым-Зарнадзе. В 2002 и в 2008-2009 гг. в ЧПЦ входил еще один бывший «иерарх» РосИПЦ «епископ» Андрей (Лысенко)[64]. Все эти присоединившиеся возводили линию своего преемства к неканонической «Украинской Автокефальной Православной Церкви»[65].

В октябре 2006 г. к ЧПЦ в сущем сане был принят бывший иерарх старостильного греческого «Синода Противостоящих» «митрополита» Киприана (Куцумбаса) «епископ» Симеон (Минихофер), который был назначен экзархом центральноевропейских государств и возведен в сан «архиепископа»[66].

В 2003 г., к 10-летию провозглашения независимой «Черногорской Православной Церкви» Михаил (Дедеич) организовал международную конференцию, в которой приняли участие представители делегаций «Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата», «Альтернативной Болгарской Православной Церкви» и Македонской Православной Церкви. УПЦ КП была представлена «епископом» Симферопольским Климентом (Кущем) и «протоиереем» Петром Зиничем[67]. Вскоре состоялся и ответный визит в Киев. 28 июля 2003 г. во Владимирском соборе в г. Киеве Михаил (Дедеич) и сменивший на посту предстоятеля «Альтернативной Болгарской Православной Церкви» «митрополит Софийский» Иннокентий (Петров) сослужили «патриарху Киевскому и всея Руси-Украины» Филарету (Денисенко) в день памяти святого равноапостольного великого князя Владимира[68]. В мае и июле 2004 г., а также в октябре 2005 г. Михаил (Дедеич) в компании с «митрополитом» Антонио (де

---

[61] П. Бочков, *Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв.*, т. I, Киев 2014, с. 96-101.

[62] Там же., с. 118-166.

[63] П. Бочков, *Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв.*, т. III, с. 322-323.

[64] Там же., с. 323; Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, Никшић 2005, с. 202.

[65] П. Бочков, *История и современное состояние неканонической юрисдикции «Украинской Автокефальной Православной Церкви» (с 1989 г.)*, [в:] „Рязанский богословский вестник”, № 2 (12), Рязань 2015, с. 55-81.

[66] А. В. Слесарев, *Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924-2008)*, Москва 2009, с. 385.

[67] *Делегація Київського Патріархату відвідала Чорногорію*, [в:] „Православний Вісник”, № 7-8, Київ 2003, с. 19-20.

[68] *Відправи Святішого Патріарха Київського і всієї Русі-України Філарета*, [в:] „Православний Вісник”, № 7-8, Київ 2003, с. 6-7.

Россо) вновь посещали УПЦ КП и сослужили Филарету (Денисенко)[69], принимали участие в архиерейских хиротониях[70] и дне интронизации Филарета[71]. На Поместном Соборе УПЦ КП 2004 г. было официально объявлено о евхаристическом общении между УПЦ КП, ЧПЦ и «Альтернативной Болгарской Православной Церковью»[72]. Сам Филарет (Денисенко) с группой епископата и клириков УПЦ КП также посетил Черногорию в октябре 2010 г., высказав свою поддержку автокефальным устремлениям ЧПЦ[73]. Во время своего визита он совершал совместные богослужения с Михаилом (Дедеичем) и «архиепископом Которским» Симеоном (Минихофером)[74]. Последний, посещал УПЦ КП в феврале 2012 г. В июле 2013 г. Михаил (Дедеич) принимал участие в богослужениях, посвященных Крещению Руси. Взаимные визиты иерархов обеих юрисдикций продолжались вплоть до 2018 г.

«Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата» стала центром объединения нескольких неканонических юрисдикций. Имея твердую поддержку государственных и политических кругов Украины, она смогла развиться в крупную религиозную структуру, насчитывающую несколько десятков епархий и тысячи приходов. Глава Киевского Патриархата «патриарх Киевский и всея Руси-Украины» Филарет (Денисенко), также извергнутый и анафематствованный в Русской Православной Церкви, охотно вступал в общение с подобными раскольническими группами, видевшими в нем лидера в мире неканонических юрисдикций. Филарет охотно поддерживал неканонические национальные автокефалии. Так, он лично принял участие в качестве главы делегации УПЦ КП[75] на Соборе «Альтернативной Болгарской Церкви», избравшем «патриархом Болгарским» Пимена (Энева)[76]. Кроме того, Филарет поддержал предло-

---

[69] *В Україні перебував предстоятель Чорногорської Церкви,* [в:] „Православний Вісник", № 5-6, Київ 2004, с.18.
[70] *Відправи Святішого Патріарха Київського і всієї Русі-України Філарета*, [в:] „Православний Вісник", № 7-8, Київ 2003, с. 27-28.
[71] *Відправи Святішого Патріарха Київського і всієї Русі-України Філарета,* [в:] „Православний Вісник", № 11-12, Київ 2005, с. 5-6.
[72] *Доповідь Патріарха Київського та всієї Русі-України Філарета на Помісному Соборі 15 липня 2004 року*, [в:] „Православний Вісник", № 7-8, Київ 2003, с. 7-8; В. И. Петрушко, *О попытках создания Киевского патриархата украинскими униатами и раскольниками-автокефалистами в XX в.*, Москва 2008, с. 331.
[73] *Журнали засідання Священного Синоду Української Православної Церкви Київського Патріархату від 13 грудня 2010 року* [в:] „Православний Вісник", № 11-12, Київ 2010, с. 11-12.
[74] *Поїздка Патріарха Філарета до Чорногорії,* [в:] „Православний Вісник", № 11-12, Київ 2010, с. 7.
[75] Димитрій (Рудюк), *Перебування делегації Української Православної Церкви Київського Патріархату у Болгарії* [в:] „Православний Вісник", № 7-8, Київ 1996, с. 13-15.
[76] Ю. Дорошенко, *Без догмату: релігіні магістралі*, Київ 2012, с. 511-516.

жения по обучению студентов из «Черногорской Православной Церкви»[77] и «Белорусской Автокефальной Православной Церкви»[78] в духовных академиях и семинариях УПЦ КП.

В середине 2000-х гг. практически распавшийся «Альтернативный синод Болгарской Православной Церкви» покинуло большинство его епископов, в основном вернувшихся через покаяние в каноническую Болгарскую Церковь. Глава автономной Итальянской епархии Антонио (де Россо) номинально числился в Болгарской юрисдикции, фактически являясь независимым неканоническим иерархом. В 2006 г. он вошел в общение с главой неканонического старостильного «Авлонского Синода» Ангелосом (Анастасиу)[79], а в 2007 году «митрополит» Антонио (де Россо) «был избран почетным членом синода»[80] «Черногорской Православной Церкви». Его членство в синоде ЧПЦ не было долгим, т.к. де Россо скончался в 2009 г.

По утверждению представителей ЧПЦ, юрисдикция состояла в общении с Македонской Православной Церковью, однако это заявление было опровергнуто македонскими иерархами. Македонская Православная Церковь в 2022 г. урегулировала свои взаимоотношения с Сербской Православной Церковью, от которой получила Томос об автокефалии, который затем выдал ей и Вселенский патриархат[81].

В сентябре 2003 г. с согласия Михаила (Дедеича) протопресвитер Сергеев-Зарнадзе был принят в сущем сане в состав Бессарабской митрополии Румынской Православной Церкви[82]. В 2009 г. ЧПЦ покинули Сергий (Моисеенко) и Андрей (Лысенко), вернувшись в российские неканонические группы. Взамен покинувших юрисдикцию, в 2009 г. был рукоположен новый епископ – Горазд (Гаго-Гломажич), возглавивший епархию ЧПЦ в Аргентине.

---

[77] *Лист Патріарха Київського та всієї Русі-України Філарета митрополиту Чорногорському Михаилу № 583 від 20 листопада 2003 р. На бланку Української Православної Церкви Київського Патріархату. Автограф. Копія. На 1 листі*, [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, с. 218-219.

[78] Ю. Дорошенко, *Без догмату: релігіні магістралі*, с. 517-520.

[79] П. В. Бочков, *История возникновения и современное состояние „Авлонского Синода" – неканонической группы „митрополита" Ангелоса (Анастасиу)*, [в:] „Вестник Оренбургской духовной семинарии", № 3 (20), Оренбург 2021, с. 81-82.

[80] А. В. Слесарев, *Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924-2008)*, Москва 2009, с. 253.

[81] П. В. Бочков, *Восстановление общения между Сербской и Македонской Православными Церквами как новое свидетельство преодоления церковных разделений*, [в:] *Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции (5 июля 2022 г., г. Саратов),* Уфа 2022, с. 169-173.

[82] *Верховный Правитель* [в:] *Орден Иерусалимского Креста* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://jerusalemcross.info/ru/pravitel/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Развивая свою неканоническую юрисдикцию, Михаил (Дедеич) находился в постоянной конфронтации с Черногорско-Приморской митрополией Сербской Православной Церкви, с ее клириками и мирянами. Согласно утверждений одного из исследователей новейшей истории Черногории, Михаил (Дедеич) никогда не стеснялся в выражениях, напрямую оскорбляя представителей Сербской Православной Церкви, в частности, митрополита Черногорского Амфилохия[83]. Сам митрополит Амфилохий, равно как и клирики его епархии, неоднократно выступали против раскола, ведя разъяснения среди верующих, выпуская на эту тему просветительские и историко-канонические исследования[84]. «Отношения между Сербской патриархией в лице митрополита Амфилохия Радовича и Мило Джукановичем неуклонно портились, особенно активно с момента обсуждения отделения республики от Сербии, которое произошло в 2006 г. Накануне референдума по отделению в 2005 г. СПЦ занимала официально нейтральную позицию. Столкновение произошло из-за того, что непризнанная Черногорская православная церковь активно выступала по телевидению против федерации с Сербией. Митр. Амфилохий обвинил власти в обмане населения, поскольку в виде православных в масс-медиа показывали не СПЦ, а «раскольников». Джуканович заявил, в свою очередь, что СПЦ стала политической организацией.

В 2005 г. началось строительство храма этой юрисдикции черногорцами Воеводины, однако попытка зарегистрировать приход в 2008 г. закончилась неудачей.

Проблема наименования церкви встала уже с момента отделения Черногории от Сербии. 26 мая 2006 г. Архиерейский собор СПЦ постановил, что её епархии надо называть «Православная Церковь в Черногории», а не популярными в масс-медиа терминами – «Черногорская митрополия» или «православные епархии в Черногории»»[85]. Используя метод популизма и голословных заявлений, черногорские политические деятели неоднократно стремились выставить Черногорскую православную епархию своего рода «агентом сербского влияния» в Черногории, искусственно создавая в обществе напряжение на религиозной почве. Примечательно, что сам Михаил (Дедеич) решительно возражал против обвинений в политической подоплеке организации его юрисдикции[86].

---

[83] K. Morrison, *Montenegro. A modern history*, pp. 136, 257; Михаило [Дедеић], *Антиевропска мисија М. Амфилохија*, [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2014, број 47, с. 8; Михаило [Дедеић], *Денационализаторска прослава,* [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2014, број 47, с. 9.

[84] В. Ђомић, *Црногорска лажна црква*, Подгорица 2008; Л. Дурковић-Јакшић, *Митрополија црногорска никада није била аутокефална*, Београд – Цетиње 1991.

[85] Р. Н. Лункин, *Борьба церкви и власти в Черногории: игры авторитарного национализма*, „Научно-аналитический вестник Института Европы РАН”, № 1(13), Москва 2020, с. 102-103.

[86] K. Morrison, *Montenegro. A modern history*, p. 139.

В 2007 г. «митрополит» Михаил (Дедеич) посетил Аргентину, где ознакомился с жизнью общин, вошедших в юрисдикцию ЧПЦ. Во время этого путешествия Дедеич посетил аргентинского католического кардинала Хорхе Марию Берголью, в марте 2013 г. ставшего новым Римским понтификом с именем Франциск, папа Римский.

В 2007 г. «митрополит» Михаил и его сторонники попытались захватить один из православных храмов и Цетинский монастырь, которые находятся в юрисдикции канонической Сербской Православной Церкви. Однако полиция не позволила им осуществить задуманное[87]. Примечательно, что на тот момент из всего количества жителей Черногории (620 тысяч жителей), 70% исповедовали православие. При этом в стране насчитывалось около 600 православных храмов и 70 действующих монастырей, входящих в юрисдикцию канонической Сербской Православной Церкви[88]. Подавляющее большинство населения Черногории, несмотря на поддержку ЧПЦ политическими партиями и государственной властью, являются сторонниками канонической Сербской Православной Церкви.

По состоянию на 2008 г., ЧПЦ имела в своем составе 6 храмов в Черногории[89] (где часто практиковались служения литургии под открытым небом), имелись небольшие общины в Австралии (в штате Нового Южного Уэльса), в Канаде (в Торонто) и в Аргентине (в провинции Чако)[90].

В 2008-2011 гг. к юрисдикции принадлежал[91] уклонившийся в раскол иеромонах Черногорской епархии Сербской Православной Церкви Елисей (Лалатович), который уже в начале 2011 г. вошел в состав неканонической «Истинно-Православной Церкви России», но уже в апреле 2011 г. был запрещен в служении за попытки организации на территории Хорватии «Хорватской Православной Церкви»[92].

Немногочисленные клирики юрисдикции активно участвовали в общественно-политических мероприятиях и культурных акциях. В духе противостояния и обвинений интенсивно ведется полемика с представителями канонической Сербской Православной Церкви[93].

[87] Ibid. P. 227.

[88] А. Сопова, *Скоро ли в Черногории будет автокефальная церковь?* [в:] *Татьянин День. Интернет-издание*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://www.taday.ru/text/1131699.html – Дата доступа: 10.10.2023.

[89] Там же.

[90] *Черногорская Православная Церковь* [в:] *Иерархия литургических церквей* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://hierarchy.religare.ru/h-orthod-monten.html – Дата доступа: 10.10.2023.

[91] Исключен из состава юрисдикции и отлучен от «Черногорской Православной Церкви» в 2009 г. См.: Документ № 25 от 18.12.2009 [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2010, број 35, с. 111.

[92] П. Бочков, *Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв.*, т. III, с. 312-316.

[93] Ж. Л. Ђуровић, *«Канонска» и «неканонска» црква у Црној Гори*, [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2010, број 35, с. 31 – 35.

«Черногорская Православная Церковь» активно занимается издательской деятельностью, выпускает периодический журнал «Лучидан». В 2009 г. был издан новый устав «Черногорской Православной Церкви»[94], в 2014 – сборник документов ЧПЦ[95]. Ежегодно издается церковный календарь, в котором указываются не только православные, но и католические, и мусульманские праздники[96].

В ЧПЦ существует собственная наградная система для поощрения активных клириков и мирян. Одной из высших наград является «Орден Честного креста Черногорской Православной Церкви»[97].

В 2018 г. в юрисдикции произошло событие, положившее начало новой череде разделений. В начале 2018 г. один из клириков ЧПЦ, в прошлом экономист и журналист, «священник» Владимир Лайович (Лав Лајовић), выступил с критикой «митрополита» Михаила (Дедеича), за что был запрещен в служении. Уже летом 2018 г., по его собственным словам, перешел в юрисдикцию Киевского Патриархата, где летом того же года принял монашество а затем был возведен в сан «архимандрита» и принят в юрисдикцию неканонической «Итальянской Православной Церкви», возглавляемой «митрополитом» Василием (Грило Мичели), бывшим священником Русской Православной Церкви, впоследствии – «епископ» в ряде неканонических образований (скончался в Риме 19 декабря 2021 г. вследствие осложнений вызванных Covid-19)[98], С «Итальянской Православной Церковью» на тот момент у ЧПЦ уже были разорваны отношения. В составе этой группы Лайович организовал Подгорицко-Дуклянскую епархию, став ее администратором в должности «экзарха Черногории». 2 ноября 2019 г. в Риме «митрополит» Василий возглавил хиротонию Лайовича в сан «титулярного епископа Витторио», который стал и управляющим Подгорицко-Дуклянской епархией[99]. Помимо Лайовича, в юрисдикции пребывало еще три клирика, а сама епархия получила государственную регистрацию юридического лица в качестве религиозной организации.

В 2019 г. в Черногории начался новый виток противостояния государственных властей с Сербской Православной Церковью. «Именно тогда парламент Черногории одобрил законопроект, который среди прочего

---

[94] Н. Белада, *Изашао је из штампе нови Устав Црногорске Православне Цркве*, [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2010, број 35, с. 45-47; *Устав Црногорске Православне Цркве*, Цетиње 2009.

[95] *За право и статус Црногорске Православне Цркве. Зборник докумената*, Цетиње 2014.

[96] *Календар Црногорске Православне Цркве за 2022 годину*, Цетиње 2021.

[97] *Орден Часног Крста*, [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2014, број 47, с. 57.

[98] П. Бочков, *Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв*., т. III, с. 96, 112, 367.

[99] Владика Владимир [в:] *Епархија Подгоричко-Дукљанска Православне цркве Црне Горе* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://eparhija-podgoricko-dukljanska.me/12341-2/arhimandrit-vladimir/ – Дата доступа: 10.10.2023.

посягает на имущество религиозных организаций, а президент страны Мило Джуканович призвал к созданию самобытной черногорской церкви в противовес епархиям Сербской патриархии в республике (Черногорско-Приморской митрополии и Будимлянско-Никшичской епархии Сербской православной церкви – СПЦ)»[100]. Принятие закона «О свободе вероисповедания и убеждений и правовом положении религиозных общин» вызвало резкую критику и несогласие Сербской Православной Церкви, так как, согласно положениям ряда статей, государству позволялось «забрать у религиозных организаций церковные строения и недвижимость, построенные до 1918 г., если те не докажут право собственности на это имущество»[101]. Следствием принятия этого закона, стали массовые манифестации и выступления православных – верующих канонической Сербской Православной Церкви[102].

С целью пополнения своего епископата, 16 июня 2019 года в сан «епископа Острожского и Никшичского» был рукоположен клирик ЧПЦ «архимандрит» Борис (Бойович), ставший викарием Михаила (Дедеича). Примечательно, что Борис (Бойович), в 26 мая 2019 года участвовал в богослужении в Михайловском Златоверхом монастыре в Киеве, которое возглавлял глава новой юрисдикции – «Православной Церкви Украины» (ПЦУ) «митрополит Киевский» Епифаний (Думенко). При этом, среди сослужащих был митрополит Галльский Константинопольской Церкви Эммануил (Адамакис)[103]. Несмотря на то, что ПЦУ (основанная в результате объединения УПЦ КП и УАПЦ в 2018 г.), войдя в юрисдикцию Вселенского Патриархата разорвала общение с неканоническими группами, Бойович, тем не менее, был допущен к общему служению.

Возможно, это связано с тем, что когда-то Бойович был студентом Киевской Православной Богословской Академии УПЦ КП в то время, когда Епифаний (Думенко) являлся ректором этой академии.

Борис (Бојан Бојовић), родился в Никшиче в 1981 году. В 1998 году вошел в юрисдикцию «Черногорской Православной Церкви» и стал иподиаконом «митрополита» Михаила (Дедеича). По окончании Киевской Православной Богословской Академии, в 2016 году принял монашество в Златоверхом монастыре в г. Киеве, в юрисдикции УПЦ КП. После возвращения в Черногорию служил на различных приходах ЧПЦ а в 2019 г.

---

[100] Р. Н. Лункин, *Борьба церкви и власти в Черногории: игры авторитарного национализма*, с. 100.

[101] Е. Ю. Мелешкина, И. А. Помигуев, *Черногория в поисках национальной и государственной идентичности,* „Вестник Пермского университета. Политология", т. XV, № 1, Пермь 2021, с. 10.

[102] Н. Сапсай, *Канонический анализ церковно-государственного юридического спора в Черногории*, [в:] *Христианство и мир. Сборник материалов V Всероссийской студенческой научно-богословской конференции, Пенза, 18 марта 2020 года*, Пенза 2020, с. 111-112.

[103] И. Кечкин, *Религиозная политика государства и церковный раскол в современной Черногории*, „Праксис", № 1(6), Москва 2021, с. 129.

был рукоположен в сан «епископа»[104]. Примечательно, что двоюродным братом Бойовича является иерарх канонической Сербской Православной Церкви епископ Буэнос-Айреский и Южно-Центральноамериканский Кирилл (Бойович).

По состоянию на вторую половину 2019 г., «Черногорская Православная Церковь» в самой Черногории насчитывала около 30 приходских общин[105], имела общину в США и Канаде, епархию в Аргентине. При этом утверждалось, что около 150 000 черногорцев «воспринимают Черногорскую Церковь как свою»[106].

С 2019 г. начинаются трения внутри юрисдикции. После дарования Томоса Вселенского Патриархата об автокефалии «Православной Церкви Украины», в Черногории вновь задумались о перспективе обретения автокефального статуса для «Черногорской Православной Церкви», которым бы мог наделить ее Константинопольский патриарх. Однако личность лишенного священного сана и анафематствованного Михаила (Дедеича) исключала любые возможные перспективы переговоров с Константинопольским Патриархатом. Эти умозаключения не были придуманы, так как эти мысли озвучил сам Константинопольский Патриарх Варфоломей в одном из своих интервью, данном средствам массовой информации в 2020 г.[107]. В среде клириков ЧПЦ стали высказываться мнения о неспособности к управлению престарелого Михаила (Дедеича). Заговорили об отсутствии развития церковной жизни, ошибках в делах церковного управления. Вскоре появились проблемы во взаимоотношениях с «архиепископом» Симеоном (Минихофером). Последний (под воздействием критиков Михаила (Дедеича)) написал ему довольно резкое послание, в котором критиковал Дедеича и обвинял в узурпации власти. В ответ Михаил (Дедеич) обвинил Симеона (Минихофера) в постоянном отсутствии в епархии, устранении от епархиальной жизни и, ввиду преклонного возраста, неспособности занимать должность епархиального епископа. Это противостояние окончилось устранением Симеона с кафедры Которской епархии и почислении его на покой. Саму же Которскую

---

[104] Н. Анђелковић, *Балкан и православље: Како је бити епископ Црногорске православне цркве и какав је положај канонски непризнатих цркава*, [в:] *BBS News na srpskom* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.bbc.com/serbian/cyr/balkan-60024994 – Дата доступа: 10.10.2023.

[105] Р. Н. Лункин, *Борьба церкви и власти в Черногории: игры авторитарного национализма*, с. 102.

[106] Н. Анђелковић, *Балкан и православље: Како је бити епископ Црногорске православне цркве и какав је положај канонски непризнатих цркава.*

[107] R. Femić, A. Dondović, *Vrhovni Patrijarh u Pravoslavlju prvi put za srpske medije! Vartolomej za Kurir: Nikada neću priznati crnogorsku crkvu!* [в:] *Kurir* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.kurir.rs/vesti/drustvo/3384687/prvi-intervju-vaseljenskog-patrijarha-vartolomeja-za-srpske-medije-crna-goranikada-nece-dobiti-autokefalnu-crkvu – Дата доступа: 10.10.2023.

епархию взял под свое управление сам Михаил (Дедеич)[108]. Однако спустя некоторое время Симеон (Минихофер) урегулировал свои отношения с Михаилом (Дедеичем), и в последующих событиях принял его сторону, оказав всемерную поддержку.

Кроме того, в августе 2023 года уже Борис (Бойович) открыто выступал против Михаила (Дедеича), объявив о скором созыве «Общечерногорского собрания». Реагируя на эти заявления, «митрополит» Михаил (Дедеич) объявил о неканоничности и незаконности действий Бойовича[109], и, в свою очередь, обвинил его в попытке узурпации власти, нарушении архиерейской присяги, монашеских обетов, в гордости, а также в нравственных грехах и пороках[110].

Помимо обвинений в ошибках и неспособности к церковному управлению юрисдикцией, в вину Дедеичу ставились и его контакты с неканоническими структурами из России. А именно – с «Истинно-Православной Церковью России» (ИПЦР) «схимитрополита Московского» Серафима (Мотовилова) (в до принятия схимы и смены фамилии известного как Рафаил (Прокопьев)). Данная неканоническая группа, на протяжении нескольких десятилетий являющаяся одной из самых крупных неканонических структур на территории России, много лет искала контактов с Михаилом (Дедеичем). Так, в 2005 г. в Москве, во время избрания и интронизации Рафаила (Прокопьева) в качестве[111] «митрополита Всероссийского» «Истинно-Православной Церкви России» среди многолетий, возглашенных в адрес глав ряда неканонических национальных образований (таких как УАПЦ и «Альтернативный Болгарский Синод»), было провозглашено и многолетие «митрополиту всея Черногории» Михаилу (Дедеичу). В 2010-2011 гг. в составе ИПЦР пребывал вышедший из «Черногорской Православной Церкви» ««митрополит» Черногорский и экзарх Балканский» Сергий (Моисеенко), с уходом которого из ИПЦР был упразднен и Черногорско-Балканский экзархат[112]. В мае 2022 года Михаил (Дедеич)

---

[108] *Сергеј из Црногорске православне цркве. Ко лажима убија Црногорску православну цркву I*, [в:] *Црногорска Православна Црква*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1697-ко-лажима-убија-црногорску-православ/ – Дата доступа: 10.10.2023.

[109] *Mihailo: U pamet se braćo Crnogorci; Episkop Boris: Predaćemo prijave protiv svih koji učestvuju u nezakonitim radnjama,* [в:] *Cafe del Montenegro,* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.bbc.com/serbian/cyr/balkan-60024994 – Дата доступа: 10.10.2023.

[110] *Реаговање на пропаганду Бориса Бојовића*, [в:] *Црногорска Православна Црква*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1643-реаговање-на-пропаганду-бориса-бојов/ – Дата доступа: 10.10.2023.

[111] *Избрание и Интронизация Святейшего архиепископа Московского, митрополита Всероссийского Рафаила (Прокопьева) 24 июня 2005 года*, [в:] *Поместный Собор*, Москва 2005, № 11 (июнь – июль), с. 7-8.

[112] *Заседание Священного Синода Истинно-Православной Церкви от 12.11.2010*, [в:] *Поместный Собор,* Москва 2010, № 6 (45) (ноябрь), с. 2; *Внеочередное заседание Священного Синода 15/28 октября 2011 года*, [в:] Η Οικουμενική Ορθοδοξία [Электронный ресурс]. –

встретился с Серафимом (Мотовиловым) лично, во время посещения последним г. Будвы в Черногории[113]. Во время встречи Серафим (Мотовилов) рассказал Дедеичу об объединении группы неканонических юрисдикций, известной как «Синаксис Истинно-Православных Церквей» и пригласил «Черногорскую Православную Церковь» принять участие в этом объединении, главной идеей которого является общая позиция в деле «свидетельства об Истинном Православии», а также подразумевает и евхаристическое общение всех участников[114]. Михаил (Дедеич) проявил интерес к этому объединению[115], направив письмо, в котором содержалось пожелание «присоединиться к [этому] сообществу»[116]. Позже, уже в оправдание этих контактов, было заявлено лишь о намерениях, но не о уже осуществленном вхождении ЧПЦ в так называемы «Синаксис»[117].

Тем не менее, в сентябре ЧПЦ постигло наиболее тяжелое за всю ее историю разделение. «Епископ» Борис (Бойович) вместе с большой группой своих сторонников 3 сентября 2023 организовал «Общечерногорский Собор», который прошел на центральной площади г. Цетине. В соборе приняли участие около десяти клириков ЧПЦ, но ни одного «епископа». Одним из решений собора стала канонизация Антония (Абрамовича). Главной причиной стало уведомление об отправке на покой Михаила (Дедеича) и избрание новым «Блаженнейшим митрополитом Черногорским» Бориса (Бойовича)[118], которому «священники» тут же вручили вторую панагию, архиерейский жезл и белый клобук – символы предстоятельского служения. Позднее сторонники Бориса (Бойовича) смогли зарегистрировать свою общину в качестве религиозной органи-

---

2023. – Режим доступа: http://oikoumenikiorthodoxia33.blogspot.com/2011/10/ – Дата доступа: 10.10.2023.

[113] *Встреча Святейшего Митрополита Серафима с Предстоятелем Черногорской Православной Церкви Блаженнейшим Митрополитом Михаилом*, [в:] *Православный церковный календарь 2023*, Москва 2022, с. 88-89.

[114] П. В. Бочков, *Неканонический интернационал: «синаксис Истинно-Православных Церквей» – вызов каноническому единству Православной Церкви*, „Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии", № 1 (23), Пенза 2022, с. 101-114.

[115] *Предисловие к церковному календарю на 2023 год*, [в:] *Православный церковный календарь 2023*, Москва 2022, с. 1-2.

[116] *Письмо Блаженнейшего Михаила Архиепископа Цетинского и Митрополита Черногорского в адрес Всемирного Святейшего Синаксиса Истинно-Православных Церквей. На русском языке. Автограф. Цветной оттиск зеленого цвета печати Черногорской Православной Церкви. Цветная копия. На 1 листе,* [в:] Архив автора.

[117] *Сергей из Црногорске православне цркве. Ко лажима убија Црногорску православну цркву II*, [в:] *Црногорска Православна Црква*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1701-ко-лажима-убија-црногорску-православ-2/ – Дата доступа: 10.10.2023.

[118] *Episkop Boris proglašen za mitropolita CPC-a, mitropolit Mihailo osporava izbor*, [в:] *Al Jazeera Media Network*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cdm.me/drustvo/mihailo-u-pamet-se-braco-crnogorci-episkop-boris-predacemo-prijave-protiv-svih-koji-ucestvuju-u-nezakonitim-radnjama/ – Дата доступа: 10.10.2023.

зации, в дальнейшем планируя создать собственный «Священный Синод» и добиваться передачи в их введение церковного имущества, ранее принадлежавшего ЧПЦ под управлением Михаила (Дедеича). И в перспективе поглотить ее остатки, став, таким образом преемницей, созданной в 1993 году неканонической юрисдикции. Сторонники Бойовича попытались захватить ряд храмов ЧПЦ, что вызвало протест и обращение в правоохранительные органы со стороны Михаила (Дедеича)[119].

«Митрополит» Михаил (Дедеич) этих решений не признал, заявив, что «Общечерногорский Собор» носил политический, а не церковный характер и не имел полномочий выступать от имени полноты ЧПЦ. Его поддержала большая часть клириков «Черногорской Православной Церкви» вместе с «архиепископом» Симеоном (Минихофером) и «епископом» Гораздом (Гаго-Гломажичем). Кроме того, в его ведении осталось и большинство храмовых зданий и имущества юрисдикции. 4 сентября 2023 г. Михаил (Дедеич) наложил временный запрет в священнослужении на всех клириков ЧПЦ, участвовавших в «Общечерногорском Соборе»[120]. 13 сентября 2023 г. Архиерейский Синод ЧПЦ в составе всех трех «иерархов» особым синодальным актом объявил незаконными и раскольническими действия Бориса (Бойовича), который предавался отлучению и извержению из сана. Собор также отмежевался от контактов с «схимитрополитом» Серафимом (Мотовиловым), разрешил ряд внутриюрисдикционных проблем[121]. Также было упомянуто и желание некоего независимого «епископа Сергия Романовича»[122] войти в дальнейшем в юрисдикцию ЧПЦ.

Исходя из вышеприведенной тридцатилетней истории существования неканонической «Черногорской Православной Церкви», созданной лишенным сана священника самопровозглашённым «иерархом» и группой политизированных черногорских активистов, зачастую не имеющих никакого отношения к Православной Церкви и по сути являющихся атеистами[123], можно уверенно говорить о том, что «Черногорская Православная

[119] *Обијена црква ЦПЦ на Цетињу*, [в:] *Црногорска Православна Црква*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1805-обијена-црква-цпц-на-цетињу/ – Дата доступа: 10.10.2023.

[120] *Привремена забрана чинодјејствовања*, [в:] *Црногорска Православна Црква,* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1744-привремена-забрана-чинодјејствовања/ – Дата доступа: 10.10.2023.

[121] *Донешен Синодални акт*, [в:] *Црногорска Православна Црква*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1897-донешен-синодални-акт/ – Дата доступа: 10.10.2023.

[122] О данном иерархе известно, что он родился 21 октября 1955 г. Постоянно проживает в г. Вене, Австрия. Является профессиональным художником. 21 июня 2009 г. был рукоположен в сан «епископа» в г. Черновцы, Украина в храме неканонической «Автономной Истинно-Православной Церкви Украины» «митрополита» Варсонофия (Солопова). П. Бочков, *Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв*., т. III, с. 207-208.

[123] А. Стаматовић, *Историја Митрополије црногорско-приморске (1918-2009),* с. 440.

Церковь», явилась очередным политическим проектом в эпоху становления государственной независимости Черногорской Республики[124], и который стал еще одним фронтом противостояния и так разделенного общества. В последствии проект развился в типичную неканоническую православную юрисдикцию, несмотря на свою малочисленность имеющую притязание на национальную автокефалию.

Основывая свою церковную независимость на политических причинах и эксплуатируя национальное чувство в религиозном дискурсе, «Черногорская Православная Церковь» очень скоро стала прибежищем для разного рода религиозных вагантов – мигрантов по различным неканоническим образованиям. Все это, в конечном счете, вылилось в череду разделений. Ко второй половине 2023 г. неканоническая «Черногорская Православная Церковь» разделилась на три независимые группы, наибольшую из которых продолжает возглавлять «Блаженнейший митрополит» Михаил (Дедеич), меньшую – «Блаженнейший митрополит» Борис (Бойович) и совсем малую группу – «Подгорицко-Дуклянскую епархию Итальянской Православной Церкви» «епископ» Владимир (Лайович).

Помимо различных неканонических группировок в Черногории, на канонической территории Сербской Православной Церкви действует еще несколько различных неканонических групп и общин, всячески противодействующих Поместной Сербской Церкви. Тем не менее, исходя из того факта, что церковное самосознание сербского народа находится на высоком уровне, все эти неканонические образования даже в своей совокупности не могут составить конкуренцию Сербской Церкви и не имеют сил на то, чтобы оказать заметное влияние на религиозную жизнь сербских верующих.

Состав «иерархии» «Черногорской Православной Церкви» (1993-2023)[125]:

- *Михаил (Дедеич)* (8.11.1938 г.р.), «епископ Черногорский» (с 15.03. 1998), «архиепископ Цетинский, Блаженнейший митрополит Черногорский», предстоятель «Черногорской Православной Церкви» (с 31.10.1998).
- *Симеон (Рихард Гельмут Клеменс Кириллус Минихофер-Виндиш)* (в некоторых российских источниках его фамилия указывается также как Манихофер), «титулярный епископ Лампсакский, викарий Оропосской и Филийской митрополии» (10.12.1986) в составе греческого старостильного «Священного Синода Проивостоящих». Позднее – «епископ Лакедаимонийский, экзарх Вены и Австрии». В октябре

---

[124] Н. А. Докучаева, *Особенности конструирования политической идентичности в независимой Черногории,* „Вестник Пермского университета. Политология”, № 2 (18), Пермь 2012, с. 33-34.
[125] П. Бочков, *Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв.*, т. III, с. 323.

2006 г. был выведен из состава «Синода Противостоящих». С 2007 г. – «архиепископ», «экзарх «Черногорской Православной Церкви» в Австрии, Словакии и Лихтенштейне». Затем «экзарх Центральной и Северной Европы» (2008). С 2009 г. – «министр иностранных дел ЧПЦ», «архиепископ» Которский и Приморский;

- *Горазд (Гаго-Гломажич) (Гломазич),* «епископ» Аргентинский (31.10. 2008). С августа 2023 – «епископ Острожско-Никшичский и Аргентинский».

Иерархи, ранее пребывавшие в юрисдикции:

- Антоний (Абрамович) (16.07.1919 – 18.11.1996), «архиепископ Цетинский и митрополит Черногорский», «духовный глава черногорского народа» (31.10.1993 – 18.11.1996), скончался.
- Сергий (Моисеенко) (22.05.1958 г.р.), «епископ Санкт-Петербургский» в неканонической «Российской Истинно-Православной Церкви» (РосИПЦ) (19.10.1997), «архиепископ» (28.06.1998). Затем перешел в «Истинно-Православную Церковь России» (ИПЦР), «митрополит Санкт-Петербургский и Старорусский» (с 11.12.1999). В 2000-2001 гг. – «митрополит Царскосельский». С 1.11.2002 – в юрисдикции «Черногорской Православной Церкви», «митрополит Подгорицкий и Дуклянский» (1.11.2002-2009). В 2009 г. вернулся в ИПЦР, «митрополит Центральной и Южной Америки». С 12.11.2010 – «митрополит Подгорицкий и Черногорский, экзарх Балканский». 28 октября 2011 почислен за штат. 24.03.2013 избран «предстоятелем» неканонической «Истинно Православной Болгарской Церкви», «митрополит Месемврийский».
- Андрей (Лысенко), «епископ Волоколамский» РосИПЦ (1999 г.), затем с весны 2002 г. «архиепископ Серпуховский». С осени 2002 г. – в юрисдикции «Черногорской Православной Церкви» (2002, 2008-2009), в составе ИПЦР Лысенко), «архиепископ Волоколамский, викарий Центрально-Американской епархии» (2009-2012), почислен на покой с 6.06.2012 г.
- Борис (Бойович) (1981 г.р.), «епископ» Острожский и Никшичский (16.06.2019). «Архиепископ Цетинский, Блаженнейший митрополит Черногорский», предстоятель «Черногорской Православной Церкви» (Бориса) ЧПЦ(Б) (с 3.09.2023). В «Черногорской Православной Церкви» решением Архиерейского Синода извержен из священного сана и низведен в состояние мирянина (13.09.2023).

Библиография

Источники

Episkop Boris proglašen za mitropolita CPC-a, mitropolit Mihailo osporava izbor, [в:] *Al Jazeera Media Network*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cdm.me/drustvo/mihailo-u-pamet-se-braco-crnogorci-episkop-boris-predacemo-prijave-protiv-svih-koji-ucestvuju-u-nezakonitim-radnjama/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Femić Ratko, Dondović Aleksandar, *Vrhovni Patrijarh u Pravoslavlju prvi put za srpske medije! Vartolomej za Kurir: Nikada neću priznati crnogorsku crkvu!* [в:] *Kurir* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.kurir.rs/vesti/drustvo/3384687/prvi-intervju-vaseljenskog-patrijarha-vartolomeja-za-srps-ke-medije-crna-goranikada-nece-dobiti-autokefalnu-crkvu – Дата доступа: 10.10.2023.

Kotorska biskupija: Ne kažemo da je CPC nekanonska, [в:] RTV [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https//www.rtv.rs/sr_lat/region/kotorska-bis-kupija-ne-kazemo-da-je-cpc-nekanonska_221267.html – Дата доступа: 10.10. 2023.

Letter from Bishop Seraphim of Ottawa and Canada to Archimandrite Anthony (Abramovich) dated July 26, 1993. On the official letterhead of the Ottawa-Canadian Diocese of the Orthodox Church of America. Autograph. Copy. On 1 sheet [в:] *Montenegro-Canada. Crnogorski web site u Americi* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.montenegro-canada.com/albums/album_image/3943482/1148602.htm – Дата доступа: 10.10.2023.

Letter from Bishop Seraphim of Ottawa and Canada to Archimandrite Anthony (Abramovich) dated July 26, 1993. On the official letterhead of the Russian Orthodox Cathedral Church of Saints Peter and Paul in Montreal. Autograph. Copy. On 1 sheet [в:] *Montenegro-Canada. Crnogorski web site u Americi* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.montenegro-canada.com/albums/album_image/3943482/1148601.htm Дата доступа: 10.10.2023.

Letter from Metropolitan Theodosius to Patriarch Bartholomew of Constantinople dated November 30, 1993 about the activities of Archimandrite Anthony Abramovich, who was banned from serving. On the letterhead of the First Hierarch of the Orthodox Church of America, Metropolitan Theodosius. Copy. Autograph. On 3 sheets, [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, Никшић 2005, с. 74-78.

Letter from Metropolitan Theodosius to Patriarch Paul of Serbia dated October 29, 1993 regarding Anthony Abramovich. On the letterhead of the First Hierarch of the Orthodox Church of America, Metropolitan Theodosius. Copy. Autograph. On 1 sheet, [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, Никшић 2005, с. 66-67.

Letter from Metropolitan Theodosius to Patriarch Paul of Serbia dated June 23, 1994 regarding Anthony Abramovich. On the letterhead of the First Hierarch of the Orthodox Church of America, Metropolitan Theodosius. Copy. Autograph. On 2 sheets, [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтене-*

гринскi вјерски трафикинг у свјетлости докумената, Никшић 2005, с. 104-106.
Letter of Patriarch Pavel of Serbia to Patriarch Bartholomew of Constantinople dated November 16, 1997. On the official letterhead of the Serbian Patriarch. Autograph. Seal of the Holy Synod of the Serbian Orthodox Church. Copy. On 2 sheets [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, Никшић 2005.
Major Pastoral Acts, 1993 [в:] *Orthodox Christianity in Canada* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://archbishop-of-ottawa.org/content/major-pastoral-acts-1993 – Дата доступа: 10.10.2023.
Mihailo: U pamet se braćo Crnogorci; Episkop Boris: Predaćemo prijave protiv svih koji učestvuju u nezakonitim radnjama [в:] *Cafe del Montenegro* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.bbc.com/serbian/cyr/balkan-60024994 – Дата доступа: 10.10.2023.
Morrison Kenneth, *Montenegro. A modern history*, London – New –York 2009.
Stamatović Aleksander. D. *The role of the Orthodox Church in Montenegro in the establishment and unification of the Serbian Orthodox Church (1918-1922),* [в:] „Studia Slavica et Balcanica Petropolitana”, № 2 (32), Санкт-Петербург 2022, pp. 186-208.
Vukovic Dusko, *Ne pravi se crkva za jedan dan*, [в:] AIM [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://www.aimpress.ch/dyn/pubs/archive/data/199406/40605-002-pubs-pod.htm – Дата доступа: 10.10.2023.

Литература

Алексић Будимир, Крстајић Славко, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената,* Никшић 2005.
Алексић Будимир, *Поговор*, [в:] Б. Алексић, С. Крстајић, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, Никшић 2005, с. 275-280.
Амфилохий (Радович), митрополит, *Избранные лекции в магистратуре по проблемам духовно-нравственного воспитания*, ред. А. Г. Козловой, В. О. Гусаковой, вып. 2., Санкт-Петербург 2020, с. 37-49.
Андрияшевич Живко. М., *Черногорская церковь (1852-1918)*, Пер. с черн. М. Ковач, Москва 2011.
Анђелковић Наташа, *Балкан и православље: Како је бити епископ Црногорске православне цркве и какав је положај канонски непризнатих цркава*, [в:] *BBS News na srpskom* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.bbc.com/serbian/cyr/balkan-60024994 – Дата доступа: 10.10.2023.
Архиепископ цетињски и митрополит црногорски † Михаило [в:] [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/црква/устројство/архиепископ-цетињски--митрополит-цр/ – Дата доступа: 10.10.2023.
Белада Никола, *Изашао је из штампе нови Устав Црногорске Православне Цркве*, [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2010, број 35, с. 45-47.
Блохин Владимир Сергеевич, *История Поместных Православных Церквей*, Екатеринбург 2014.
Бочков Павел В., *История возникновения и современное состояние „Авлонского Синода” – неканонической группы „митрополита” Ангелоса (Анастасиу)*,

[в:] „Вестник Оренбургской духовной семинарии”, № 3 (20), Оренбург 2021, с. 79-106.

Бочков Павел В. *Восстановление общения между Сербской и Македонской Православными Церквами как новое свидетельство преодоления церковных разделений*, [в:] *Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции (5 июля 2022 г., г. Саратов),* Уфа 2022, с. 169-173.

Бочков Павел В., *Неканонический интернационал: «синаксис Истинно-Православных Церквей» – вызов каноническому единству Православной Церкви*, „Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии”, № 1 (23), Пенза 2022, с. 101-114.

Бочков Павел В., *История и современное состояние неканонической юрисдикции «Украинской Автокефальной Православной Церкви» (с 1989 г.)*, [в:] „Рязанский богословский вестник”, № 2 (12), Рязань 2015, с. 55-81.

Бочков Павел В., *Обзор неканонических православных юрисдикций XX-XXI вв.,* т. III: Идейно-национальные расколы. Непризнанные национальные юрисдикции: монография. Изд. 2-е, Санкт-Петербург 2018.

Бочков Павел В., *Обзор неканонических православных юрисдикций XX-XXI вв.*, т. I: Политические расколы: монография, Киев 2014.

В Україні перебував предстоятель Чорногорської Церкви, [в:] „Православний Вісник”, № 5-6, Київ 2004, с. 18.

Верховный Правитель [в:] *Орден Иерусалимского Креста* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://jerusalemcross.info/ru/pravitel/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Відправи Святішого Патріарха Київського і всієї Русі-України Філарета, [в:] „Православний Вісник”, № 7 – 8, Київ 2003, с. 6-7.

Відправи Святішого Патріарха Київського і всієї Русі-України Філарета, [в:] „Православний Вісник”, № 7 – 8, Київ 2003, с. 25-31.

Відправи Святішого Патріарха Київського і всієї Русі-України Філарета, [в:] „Православний Вісник”, № 11-12, Київ 2005, с. 4-12.

Владика Владимир [в:] *Епархија Подгоричко-Дукљанска Православне цркве Црне Горе* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://eparhija-podgoricko-dukljanska.me/12341-2/arhimandrit-vladimir/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Внеочередное заседание Священного Синода 15/28 октября 2011 года, [в:] Η Οικουμενική Ορθοδοξία [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://oikoumenikiorthodoxia33.blogspot.com/2011/10/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Встреча Святейшего Митрополита Серафима с Предстоятелем Черногорской Православной Церкви Блаженнейшим Митрополитом Михаилом, [в:] *Православный церковный календарь 2023*, Москва 2022, с. 88-89.

Грамата народа црногорскога митрополиту Антонију Абрамовићу. Копирај. Печат. Аутограм. На 1 листу [в:] Алексић Будимир, Крстајић Славко. *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, Никшић 2005.

Делегація Київського Патріархату відвідала Чорногорію, [в:] „Православний Вісник”, № 7-8, Київ 2003, с. 19-20.

Димитрій (Рудюк), *Перебування делегації Української Православної Церкви Київського Патріархату у Болгарії* [в:] „Православний Вісник”, № 7-8, Київ 1996, с. 13-15

Документ № 25 от 18.12.2009 [в:] Лучидан. Глас црногорске православне цркве, Цетиње, 2010, број 35, с. 111.

Докучаева Наталья Анатольевна, *Особенности конструирования политической идентичности в независимой Черногории,* „Вестник Пермского университета. Политология”, № 2 (18), Пермь 2012, с. 27-35.

Донешен Синодални акт, [в:] *Црногорска Православна Црква*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1897-донешен-синодални-акт/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Доповідь Патріарха Київського та всієї Русі-України Філарета на Помісному Соборі 15 липня 2004 року, [в:] „Православний Вісник”, № 7-8, Київ 2003, с. 4-11.

Без догмату: релігіні магістралі, Київ 2012.

Дурковић-Јакшић Љубомир, *Митрополија црногорска никада није била аутокефална*, Београд – Цетиње 1991.

Ђуровић Жарко Л., *«Канонска» и «неканонска» црква у Црној Гори*, [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2010, број 35, с. 31-35.

Журнали засідання Священного Синоду Української Православної Церкви Київського Патріархату від 13 грудня 2010 року [в:] „Православний Вісник”, № 11-12, Київ 2010, с. 11-20.

За право и статус Црногорске Православне Цркве. Зборник докумената, Цетиње 2014.

Заседание Священного Синода Истинно-Православной Церкви от 12.11.2010, [в:] *Поместный Собор,* Москва 2010, № 6 (45) (ноябрь), с. 1-2.

Зъкоположително Свидетелство № 2/ 054/ 16.03.1998 г. На бланка на Българската Патриаршия – Светия Синод. Печат на Светия Синод БПЦ. Автограф на патриарх Пимен. Копие. В 1 списък [в:] Алексић Будимир, Крстајић Славко, *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената*, Никшић 2005. *Избрание и Интронизация Святейшего архиепископа Московского, митрополита Всероссийского Рафаила (Прокопьева) 24 июня 2005 года*, [в:] *Поместный Собор*, Москва 2005, № 11 (июнь – июль), с. 7-8.

Календар Црногорске Православне Цркве за 2022 годину, Цетиње 2021.

Кечкин Иоанн, *Государство и Церковь в Черногории в новейшее время*, [в:] *Московская духовная академия Русской Православной Церкви*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://mpda.ru/publications/gosudarstvo-i-cerkov-v-chernogorii-v-novejshee-vremja/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Кечкин Иоанн, *Религиозная политика государства и церковный раскол в современной Черногории*, „Праксис”, № 1(6), Москва 2021, с. 116-131.

Лещинский Анатолий, *Православие: типология церковных разделений*, [в:] *Ученые записки Российского государственного социального университета*, № 1(64), Москва 2009, с. 110-118.

Лещинский Анатолий, *Черногорский раскол*, [в:] „Независимая газета” [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.ng.ru/problems/2009-09-16/5_montenegro.html – Дата доступа: 10.10.2023.

Лист Патріарха Київського та всієї Русі-України Філарета митрополиту Чорногорському Михаилу № 583 від 20 листопада 2003 р. На бланку Української Православної Церкви Київського Патріархату. Автограф. Копія. На 1 листі, [в:] Алексић Будимир, Крстајић Славко. *Трговци душама: Дукљанско-монтенегрински вјерски трафикинг у свјетлости докумената,*Никшић 2005, с. 218-219.

Лункин Рома́н Никола́евич, *Борьба церкви и власти в Черногории: игры авторитарного национализма*, „Научно-аналитический вестник Института Европы РАН", № 1(13), Москва 2020, с. 100-107.

Мелешкина Елена Юрьевна, Помигуев Илья Александрович, *Черногория в поисках национальной и государственной идентичности,* „Вестник Пермского университета. Политология", т. XV, № 1, Пермь 2021, с. 5-18.

Мирич Ирина Андреевна, *Политические процессы в переходных обществах: опыт нациостроительства в Черногории. Специальность 23.00.02 „Политические институты, процессы и технологии". Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук*, Москва 2011.

Михаило [Дедеић], *Антиевропска мисија М. Амфилохија*, [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2014, број 47, с. 8.

Михаило [Дедеић], *Денационализаторска прослава,* [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2014, број 47, с. 9.

Обијена црква ЦПЦ на Цетињу, [в:] *Црногорска Православна Црква*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1805-обијена-црква-цпц-на-цетињу/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Орден Часног Крста, [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2014, број 47, с. 57.

Петрушко Владисла́в И́горевич, *О попытках создания Киевского патриархата украинскими униатами и раскольниками-автокефалистами в XX в.*, Москва 2008.

Письмо Блаженнейшего Михаила Архиепископа Цетинского и Митрополита Черногорского в адрес Всемирного Святейшего Синаксиса Истинно-Православных Церквей. На русском языке. Автограф. Цветной оттиск зеленого цвета печати Черногорской Православной Церкви. Цветная копия. На 1 листе, [в:] Архив автора.

Поїздка Патріарха Філарета до Чорногорії, [в:] „Православний Вісник", № 11-12, Київ 2010, с. 7.

Поместные Православные Церкви, Москва 2004.

Предисловие к церковному календарю на 2023 год, [в:] *Православный церковный календарь 2023*, Москва 2022, с. 1-2.

Привремена забрана чинодјејствовања, [в:] *Црногорска Православна Црква,* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1744-привремена-забрана-чинодјејствовања/ – Дата доступа: 10.10. 2023.

Пузович Передраг, *Краткая история Сербской Православной Церкви в бывшей Югославии в XX столетии*, [в:] *Православная Церковь в Восточной Европе. XX век*, ред. Кристин Шайо, Київ 2010, с. 117-139.

Реаговање на пропаганду Бориса Бојовића, [в:] *Црногорска Православна Црква*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/

ћирилица/новости/1643-реаговање-на-пропаганду-бориса-бојов/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Сапсай Нколай, *Канонический анализ церковно-государственного юридического спора в Черногории*, [в:] *Христианство и мир. Сборник материалов V Всероссийской студенческой научно-богословской конференции, Пенза, 18 марта 2020 года*, Пенза 2020, с. 108-117.

Сергей из Црногорске православне цркве. Ко лажима убија Црногорску православну цркву I, [в:] *Црногорска Православна Црква*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1697-ко-лажима-убија-црногорску-православ/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Сергей из Црногорске православне цркве. Ко лажима убија Црногорску православну цркву II, [в:] *Црногорска Православна Црква*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.cpc.org.me/ћирилица/новости/1701-ко-лажима-убија-црногорску-православ-2/ – Дата доступа: 10.10.2023.

Скурат Константин Е., *История Поместных Православных Церквей*, т. I, Москва 1994.

Слесарев Александр Валерьевич, *Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924-2008)*, Москва 2009.

Смирнов Сергей Иванович, *Православная Церковь и становление черногорской государственности*, „Ярославский педагогический вестник”, т. I, № 3, 2010, с. 23-26.

Сопова Александра, *Скоро ли в Черногории будет автокефальная церковь?* [в:] *Татьянин День. Интернет-издание*, [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://www.taday.ru/text/1131699.html – Дата доступа: 10.10.2023.

Стаматовић Александр, *Историја Митрополије црногорско-приморске (1918-2009),* Подгорица 2014.

Тодоровић Владица С., *Проблематика захтева за Аутокефалном црквом у Црној Гори*, [в:] *Теолошки погледи,* Година XLIX, Београд 2016, број 2/2016, с. 321-338.

Устав Светога Синода у књажевени Црној Гори, Цетиње 1904.

Устав Црногорске Православне Цркве, Цетиње 2009.

Фолић Звездан, *Црногорска Православна Црква. Екзистирање и укидање 1920,* [в:] *Лучидан. Глас црногорске православне цркве*, Цетиње 2010, број 36, с. 41-43.

Ходунов Александр С. *Межнациональные отношения и риски дестабилизации в странах бывшей Югославии: история и современность*, [в:] *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ежегодник*, ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина, т. VIII, Волгоград 2017, с. 258-340.

Чарота Иван Алексеевич, *Амфилохий (Радович),* [в:] „Православная энциклопедия”, т. II, Москва 2001, с. 199.

Черногорская Православная Церковь [в:] *Иерархия литургических церквей* [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://hierarchy.religare.ru/h-orthod-monten.html – Дата доступа: 10.10.2023.

Џомић Велибор, *Црногорска лажна црква*, Подгорица 2008.

Natasza Dorosz[1] (Grodno)

НАТАЛИЯ ДОРОШ

Воспоминания архиепископа Афанасия (Мартоса). Предисловие

Słowa kluczowe: Atanazy Martos, pamiętniki, Cerkiew prawosławna
Keywords: Athanasius Martos, memoirs, Orthodox Church

Streszczenie

Wspomnienia arcybiskupa Atanazego (Martosa)

W osobistym archiwum księdza Pawła Wielkiego (Kanada) przez wiele lat przechowywana była kserokopia maszynowego rękopisu wspomnień biskupa Atanazego (Martos), arcybiskupa argentyńskiej stolicy Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej za granicą, z którym ksiądz prowadził przyjacielską korespondencję w latach siedemdziesiątych XX wieku. Dzięki mojej prywatnej korespondencji z księdzem Pawłem na początku 2001 roku udało mi się otrzymać od niego egzemplarz tego rękopisu, który jest publikowany.

Abstract

Memories of Archbishop Athanasius (Martos)

In the personal archive of Mitred Archpriest Paul the Great (Canada), a photocopy of a typewritten manuscript of the memoirs of Bishop Afanasy (Martos), Archbishop of the Argentinean See of the Russian Orthodox Church Outside of Russia, with whom the priest had a friendly correspondence in the 1970s, was kept for many years. My private correspondence with Father Paul made it possible to receive a copy of this manuscript from him in early 2001, which is published.

[1] Наталия Дорош, гродненская фотохудожница, неоднократный лауреат международных фотоконкурсов и фестивалей. Natalia Dorosh, Grodno photo artist, multiple winner of international photo competitions and festivals).

В личном архиве митрофорного протоиерея Павла Великого (Канада) долгие годы хранилась ксерокопия машинописной рукописи воспоминаний владыки Афанасия (Мартоса), архиепископа Аргентинской кафедры РПЦЗ, с которым батюшка в 70-е годы XX века вел дружескую переписку. Моя частная переписка с отцом Павлом сделала возможным получить от него копию этой рукописи в начале 2001 г.

На пожелтевшей тонкой бумаге, проиллюстрированная самим владыкой любительскими фотографиями, сшитая в виде книги форматом школьной тетради и озаглавленная «На ниве Христовой», рукопись не публиковалась ни за границей, ни на родине автора – в Беларуси. И, вероятно, никогда бы не дошла до нас, так как тяжело больной владыка Афанасий, предчувствуя свою близкую кончину, писал автобиографические записки для узкого круга друзей, предупреждая их, чтобы после прочтения его рукопись была уничтожена.

Кто удостоился войти в число друзей Высокопреосвященнейшего автора, смог ли выполнить такое пожелание? По этой причине и сохранилось это бесценное духовное наследие белорусского православного архиерея, вынужденного покинуть родину в советскую эпоху государственного богоборчества, чтобы нести свой святительский крест в эмиграции, окормляя православных верующих «в рассеянии сущих».

Протоиерей Владимир Шленен (Буэнос-Айрес) в письме сообщает, что свой личный архив владыка Афанасий также ликвидировал, чтобы личная переписка, документы и фотографии после его смерти не попали в руки недоброжелателей. Сложные отношения владыки Афанасия с членами Архиерейского Синода РПЦЗ, их ярко выраженная неприязнь к его личности довлели над владыкой Афанасием до самой смерти. Только близкие к нему люди знали, сколько слез владыка пролил, глубоко переживая гонения и несправедливое к себе отношение со стороны лжебратии. Об этом автор рукописи «На ниве Христовой» рассказывает с откровенностью детской исповеди.

Связанные с гонениями и житейскими переживаниями скорби усугублялись пронзительной тоской по родной белорусской земле. К ней душа владыки Афанасия стремилась каждую минуту, и мрачный фон прожитой им жизни освещался воспоминаниями о былой юности – единственным островком для приюта его легкоранимого сердца.

Будущий святитель родился в простой крестьянской семье в праздник Рождества Пресвятой Девы Марии 8/21 сентября 1904 г., его детство и юность прошли в Урочище Завитая на Новогрудчине, где у его отца была усадьба. Младенец был крещен в Свято-Покровской церкви с. Великая Липа на третий день после своего рождения с именем Антоний. Печатая на машинке первые главы мемуаров, владыка Афанасий со светлой

радостью окунается в атмосферу своего детства, и чудесным образом в его архиерейских покоях, за окнами которых пылает аргентинское солнце, кадится аромат скошенной луговой травы и сосновый живицы дремучего завитанского леса Новогрудчины… Здесь, на духовной родине предков, богобоязненная мать затеплила в душе своего младшего сына Антония неугасимую лампаду веры в Бога, а усердные молитвы под небесным куполом родной белоруской сторонки наполнили смыслом нравственное подвижничество будущего архипастыря. Душа православного христианина испытывает стремление к месту своего первого религиозного пробуждения, постоянно тревожась чувством того «магнитного притяжения», которое и птицу небесную заставляет постоянно возвращаться каждую весну из южных стран в родной северный край, где было свито родительское гнездо.

После окончания гимназии и высшего народного училища в Несвиже в 1926 г., он поступил на богословский факультет Варшавского университета. Годы молодости будущего святителя связаны с усердными трудами в этом университете в качестве воспитателя студентов и продолжением собственного образования на курсе педагогики гуманитарного факультета. После окончания университета он получает степень доктора богословия за сочинение «Великий Катехизис Киевского митрополита Петра (Могилы)».

4/17 января 1927 г. в Почаевской Лавре он принимает монашеский постриг с именем Афанасий в честь преп. муч. Афанасия Брестского. В феврале 1928 г. в Варшавском кафедральном соборе Святой Марии Магдалины Гродненским епископом Алексием (Громадским) он рукоположен во иеродиаконы с местом служения в этом же соборе третьим диаконом, а в конце марта следующего года Кременецким епископом Симоном (Ивановским) – во иеромонаха. Во время студенческих каникул он проходил богослужебную практику в Почаевской Лавре и сельских приходах родной Новогрудчины. Первый самостоятельный опыт он приобретает в качестве пастыря православных общин с. Благодатное и г. Воломина, расположенных в нескольких десятках километрах от Варшавы.

Особое внимание автор воспоминаний уделяет описанию Свято-Онуфриевского монастыря в Яблочине, куда он был назначен наместником в декабре 1931 г. Поздней осенью 2002 г. мне посчастливилось посетить эту древнюю обитель над Бугом. В древней православной обители сохранилась та самая молитвенная атмосфера и по-прежнему живописны ее окрестности с часовнями, вековыми дубами, затемненными аллеями и заливными лугами рядом с приграничной рекой.

Владыка Афанасий подробно рассказывает о своем служении в Турковичах (на Холмщине), куда его направили в 1932 г. возрождать монашескую жизнь женской обители, известной пребыванием в ней местночтимой

чудотворной Турковичской иконы Божией Матери. За усердные труды по восстановлению Турковичской обители иеромонах Афанасий в 1933 г. был награжден наперсным крестом. В 1938 г. он был возведен в сан игумена, а затем Гродненским епископом Саввой (Советовым) – в сан архимандрита.

После второй мировой войны католическими властями Польши Турковичский монастырь был уничтожен, но в 1981 г. прославленная чудесами его святыня была обретена благодаря хлопотам владыки Афанасия (Мартоса). Из далекой Аргентины он прислал настоятелю прихода г. Грубешова письмо, в котором указал место возможного пребывания чудотворной Турковичской иконы в кладбищенской часовне Туркович. Именно здесь святыню, всеми забытую и потемневшую от времени, и обнаружили местные священники. Несмотря на то, что католические ксендзы тут же после обретения православными Турковичского образа Божией Матери предъявили на него свои права и затеяли из-за нее с православными епископами спор, сегодня чудотворная икона благополучно пребывает в Свято-Онуфриевском храме Яблочинского монастыря.

На территории Турковичского монастыря, возрожденного архимандритом Афанасием в 30-е г. XX века, сегодня разместилось государственное сельскохозяйственное училище им. Иосифа Понятовского, построенная им колокольня снесена, а здание православной церкви превращено в авторемонтную мастерскую. На бывшей монастырской территории Туркович православными верующими Польши был куплен крохотный участок земли, на котором в 1999 г. был установлен памятный крест. В день празднования Турковичской иконы Божией Матери (первое воскресенье после 2/15 июля) здесь каждый год собираются православные Польши и Украины, служится молебен и освящается вода.

Известие о начале оккупации Польши немецкими войсками архимандрит Афанасий встретил в Почаевской Лавре, которую в свою очередь в сентябре 1939 г. заняли красноармейцы. С большими опасностями для жизни архимандрит Афанасий сумел перебраться в оккупированную немцами Польшу и в ноябре прибыл в Варшаву. Его воспоминания об этом периоде заполнены событиями военного времени и свидетельством о предательстве митрополита Варшавского и всея Польши Дионисия (Валединского). В 1940 г. архимандрит Афанасий возвращается в Турковичи в качестве наместника возрожденной им обители и продолжает свои пастырские труды на Холмщине, где терпит вместе с ее населением все тяготы второй мировой войны.

Когда в начале 1942 г. в Минске создается центр Белорусской Православной Церкви, которую возглавил митрополит Пантелеимон (Рожновский), архимандрит Афанасий получает от своего собрата по монашескому постригу Слуцкого епископа Филофея (Нарко) приглашение приехать в Беларусь. Архимандрит Афанасий возвращается на родину

после долгого отсутствия с душевным трепетом, но с твердым решением лишь только навестить родные места и при первой же возможности вернуться к месту своего служения в Турковичи.

Восстановление разрушенной большевиками церковной жизни в Беларуси продвигалось медленно, не хватало священнослужителей, и в минских храмах некому было служить. Кроме того, в церковную жизнь активно вмешивались прибывшие с немцами белорусские националисты, которые требовали создание автокефальной БПЦ.

В Минске архимандрит Афанасий оказывается в круговороте политических интриг против митрополита Пантелеимона (Рожновского), и, противодействуя вмешательству немецких властей во внутренние дела Церкви, по просьбе митрополита составляет статут БПЦ. В марте 1942 г. он участвует в качестве секретаря на заседании Архиерейского Собора, в ходе которого белорусские епископы разделили территорию Беларуси на шесть епархий, избрали Синод БПЦ, в составе которого архимандрит Афанасий возглавил Учебный комитет. Собор постановил на Витебско-Полоцкую кафедру назначить архимандрита Афанасия (Мартоса), хиротонию которого во епископа Витебского и Полоцкого в минском кафедральном соборе 8 марта (н. ст.) 1942 г. совершил митрополит Пантелеимон. Епископ Афанасий (Мартос) назначается временно управляющим Новогрудско-Барановичской епархией.

В первое время резиденция Новогрудского епископа находилась в Жировичском Свято-Успенском мужском монастыре, но владыка Афанасий, не имея возможности совершать частые поездки по делам епархии из-за отдаленности монастыря от центра и активности партизан, переносит свою резиденцию в Новогрудок. Здесь он отремонтировал дом бывшего Свято-Николаевского монастыря и организовал в нем консисторию и духовно-пастырские курсы для духовенства. Одновременно до 1944 г. он духовно окормлял казачий стан и преподавал на открытых им двухгодичных пастырских курсах. О владыке Афанасии (Мартосе) митрополит Антоний (Мельников) писал: «Он единственный из белорусских архиереев того времени заботился, чтобы новые священники имели хотя бы минимальное духовное образование».

С большим риском для жизни владыка Афанасий отвергает предложения немецких властей служить по новому стилю, поминать за богослужениями Гитлера и раздавать с амвона храмов листовки с воззваниями к партизанам сдаваться. Летом 1943 г., посетив в Новогрудке немецкого комиссара, владыка Афанасий сумел договориться с ним об освобождении большой группы жителей д. Еремичи Кореличского района, которых оккупанты намеривались отправить в Германию.

По Промыслу Божьему в 1944 г. именно эта страна, сама пережившая ужасы фашизма, стала первым прибежищем для белорусских архиереев и сотен православных верующих Беларуси. В их числе находился и влады-

ка Афанасий: он с горечью сознавал, что обратного пути для возвращения на родину у него уже никогда не будет.

В годы беженства в Германии владыка Афанасий старался уйти от окружающих людей в ближайший лес или поле, чтобы в одиночестве молиться и привыкать к мысли о своей участи изгнанника. Во время прогулок он присматривается к природе и обнаруживает незнакомые растения, которых прежде не встречал на родине – здесь даже цветы и трава были для него чужими. Святитель Афанасий (Мартос) на ниву Христову призван делателем жатвы Господней (Мф. 9, 37), и по Его воле оказывается в заморских странах, в которых славянская душа православного архипастыря, как проросшее из зерна растение, занесенное житейской бурей на пустынную почву, постоянно терпит испытания.

В 1946 г. епископ Афанасий вместе с другими белорусскими епископами перешел в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей, в сентябре этого же года он назначается Синодом РПЦЗ администратором и правящим архиереем Северо-Германской епархии с кафедрой в Гамбурге. Одним из поручений владыки Афанасия было окормление лагерей русских беженцев. Дальнейшие его святительские труды на ниве Христовой проходят в Австралии и Южной Америке.

После окончания войны владыка принимается за научную работу, и в 1948 г. завершает труд, озаглавленный им: "Материалы по истории Православной Белорусской Церкви (период советской и немецкой оккупации Беларуси)". Писал он «Материалы…» на белорусском языке, и через двадцать лет свое раннее исследование по этой теме положил в основу книги «Беларусь в исторической государственной и церковной жизни», которую издал в 1966 г. в Буэнос-Айресе. На титульном листе этой книги имеется его посвящение: «Сей труд посвящаю любимой родине, быть может, навсегда потерянной для меня, как равно потерян и я для нее». В 1990 г. его книга была впервые переиздана в Минске Белорусским Экзархатом Русской Православной Церкви.

После выхода книги ее автор сразу же делается «популярным» в среде своих недоброжелателей из Архиерейского Синода РПЦЗ: в чем только владыку Афанасия не обвиняют! В его защиту выступают священники и прихожане Аргентинской епархии, которые не допускают очередного сведения счетов с личностью своего правящего архиерея. По истечении времени глубокие переживания угасли, но владыка Афанасий рассказывает об этом архиерейском судилище над ним с простодушным недоумением.

Его архипастырскими трудами в Буэнос-Айресе построен кафедральный Свято-Воскресенский собор, организован кружок православной молодежи, с которой владыка любил беседовать и дискутировать. В ней он видел новое поколение христиан – будущие свои кадры для продолжения жизни в ограде Церкви Христовой, в которых на чужбине «сохраняется православная Россия и выковывается грядущая русская жизнь».

В конце 1957 г. на заседании Синода владыка Афанасий был возведен в сан архиепископа, 2 сентября (н. ст.) 1961 г. награжден бриллиантовым крестом на клобук.

Впечатлительный и сентиментальный, доверчивый к людям и постоянно ошибающийся в них, не терпящий лукавство, имеющий в церковной среде по причине своей прямоты многочисленных врагов, владыка Афанасий (Мартос) признается в своих воспоминаниях: «Как-то я прочитал стихотворение В. Венедиктова, в котором были строки:

Не дала мне судьба ни черствого сердца,
Ни медного лба.
С черствым сердцем я жил бы припевая,
А с медным лбом мне все б было нипочем.

У меня не было ни черствого сердца, ни медного лба, поэтому приходилось зря душевно страдать… Ни к кому я не питал злобы и быстро забывал обиды. Я считал себя хуже всех и потому ничем не гордился. Со всеми людьми, с духовенством и мирянами, вел себя запросто. И такое мое поведение часто мне вредило. Многие начинали относиться ко мне запанибрата, что не было полезно в моем архиерейском сане. Важничать я не умел, – это не лежало в моем характере… Печально сознавать, что крест моего служения часто мне отягчали мои собратья и в первую очередь члены Архиерейского Синода…».

Скончался владыка Афанасий (Мартос) в Буэнос-Айресе 3/16 ноября 1983 г. от сердечного приступа на 79-м году жизни, похоронен на кладбище Свято-Троицкого мужского монастыря в Джорданвилле (США).

Духовное наследие владыки Афанасия разрозненно по многочисленным периодическим церковным изданиям и брошюрам РПЦЗ, их список он приводит в конце своей рукописи.

Биографические записки владыки Афанасия «На ниве Христовой» являются своего рода бесценным историческим документом, затрагивающим, прежде всего, проблемы внутренней жизни Православной Церкви.

В связи с 100-летним юбилеем владыки Афанасия хочу предложить вниманию читателей некоторые отрывки из рукописи его воспоминаний, касающихся пастырской деятельности в Польской Автокефальной Православной Церкви.

Фотографии архиепископа Афанасия в данной публикации мне были присланы из Синодального архива РПЦЗ и православными верующими Аргентины и США.

Главы из воспоминаний архиепископа Афанасия (Мартоса) «На ниве Христовой»

«… Духовно же я возрастал от силы в силу в материнских объятиях Автокефальной Православной Церкви в Польше»

БОГОСЛОВСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Свое среднее образование я получил в гимназии в Несвиже. До гимназии я занимался с нанятым учителем, после подготовки отец послал меня в народное училище в ближайшее село Крутой Берег. Это училище я окончил через два года, и меня приняли в первый класс высшего училища в местечке Городея. Через два года меня перевели в Несвиж, в точно такое же училище, я его окончил и поступил в гимназию. После окончания гимназии в 1925 году я получил среднее образование и аттестат зрелости. Учился я неплохо, но отличником не был.

С радостью завершил учебу и надеялся хорошо провести летние каникулы. Гостил у сестры на хуторе. Стояла сенокосная пора, которую я любил. Жарким летом я простудился на сенокосе и заболел. У меня открылась чахотка в самой острой форме. Врач определил туберкулез легких. Моя сестра была в панике. Хотя доктор мне не сказал о том, что у меня эта страшная болезнь, но лекарства, которые он прописал для меня, мне указали на это. Я имел медицинские книги, которые помогли мне узнать о моей болезни… Силы мои быстро таяли, я еле двигался от слабости. Усердно молился и просил Бога исцелить меня. Бывало так, что после горячей молитвы на душе становилось легко, и я забывал о своей болезни: приходило утешение от Бога.

К концу лета я стал медленно поправляться. Осенью мне прислали из военного учреждения призывную карту для отбывания воинской повинности. Пришлось повиноваться приказу. Явился в указанный мне полк, который оказался артиллерийским. Поздняя осень, дожди, слякоть, а затем – мороз. Солдату все это нипочем! Учения, гонки, верховая езда, маршировки ослабили мое здоровье, и я тяжело заболел. Меня отправили в окружной военный госпиталь для лечения. Пробыл в нем месяц и получил отсрочку на год для поправления здоровья. Если бы не это, может, был бы польским офицером. Но не судил Бог. Хотя призвания у меня не было для военной службы, но молодость на все соглашается.

Дома новая печаль – тяжело больна чахоткой сестра Олимпиада. Ее муж в отчаянии, малые дети плачут, а мать в постели. Вскоре она умерла, осиротив детей и сделав вдовцом мужа. Моему горю не было границ, ведь она была у меня единственной сестрой, заменявшей мне мать с детства.

Бывая весной и летом дома в Завитой, я много думал о себе и мечтал учиться либо на священника, либо на врача. Одно и другое мне нравилось. Мне сватали разных невест для женитьбы, но я не интересовался этим вопросом. Мне хотелось учиться. О том, что в Варшаве открыт православный богословский факультет при университете, я не знал, поэтому думал ехать учиться в Болгарию. Медицины я боялся. К тому же нужны были большие средства, а их у меня не было. Я не знал, куда направить свои стопы, чтобы выбраться из завитанского захолустья и деревенской жизни. Просил Божией помощи, верил и молился.

Как бы в ответ на мои молитвы Господь послал в Завитую посланца с советом, как мне поступить на богословский факультет Варшавского университета. Этим вестником стал мой коллега из Несвижа, который уже учился в Виленской духовной семинарии. Он привез мне журнал с объявлением о приеме студентов на этот факультет. Я очень обрадовался неожиданному приезду моего коллеги, который никогда у меня в Завитой не был и даже не знал моего адреса, к тому же, ведь он привез такое радостное известие. Мои мечты стали принимать реальные формы.

Приготовил все необходимые бумаги для поступления и отправил их в Варшаву на имя митрополита Дионисия, который был руководителем факультета, т.е. деканом. С нетерпением ожидал ответа, и он пришел сравнительно быстро. В нем извещали, что меня приняли на первый курс с местожительством в студенческом интернате. Я обрадовался и возблагодарил Господа и Царицу Небесную. В письме сообщали дату начала занятий и адреса интерната и университета. Я тут же почувствовал, что Завитая стала мне чужой: мое сердце и мои мысли устремились в Варшаву. Наш завитанский учитель, поляк, рассказал мне про красоты Варшавы и указал маршрут по незнакомому для меня городу. Свою голову я украсил белой студенческой фуражкой и считал себя уже студентом.

В Варшаву я приехал заблаговременно, сразу же с Брестского вокзала направился пешком в интернат. Шел довольно долго, смотрел по сторонам, рассматривая витрины. Варшава поражала меня своей красотой и городским движением: трамваи, такси, извозчики с лошадьми, пешеходы на тротуарах, высокие дома, широкие улицы, деревья, парки – все меня интересовало. Незаметно для себя я пришел к большому зданию студенческого интерната на улице Белянской дом № 9. С этого момента и началась моя студенческая жизнь.

Профессора нашего факультета читали свои лекции в аудиториях здания университета. Поэтому мы, студенты, ходили их слушать из нашего интерната. Лекции читали в разное время – до обеда, после обеда, а иногда вечером. Время лекции назначала администрация университета в зависимости того, какая была свободна аудитория. Посещать лекции было необходимо, но не обязательно, и строгость в этом отношении зависела от самого профессора.

Состав наших профессоров богословского факультета в национальном отношении был довольно пестрый: румыны, украинцы, греки, русские. Русские и украинцы читали свои лекции на своем языке, а греки читали по-французски. Такой состав преподавателей утвердило министерство просвещения. Студенты как-то приспосабливались к каждому профессору. Добавлю только, что научных светил среди них не было: профессорский состав был набран наспех перед самым открытием факультета.

Первое время я увлекся чтением научных книг по разным предметам, которые меня интересовали, их чтению ежедневно посвящал много времени.

Все студенты богословского факультета жили в интернате, их проживание оплачивало министерство общественного образования и религий. Порядок и дисциплина в интернате имели целью подготовить достойных кандидатов в священство. Питание и полное содержание студентов обеспечивались в интернате должностными лицами: директором в сане священника, воспитателем, интендантом, заведующей кухней, уборщиками и прислугой. Заведовала кухней игуменья Зимненского женского монастыря на Волыни с несколькими монахинями. В помещении интерната находилась домовая студенческая церковь. Утром и вечером все студенты собирались в ней на общую молитву, а в воскресенье и в праздничные дни на Богослужение. После утренней молитвы шли на лекции в университет. С 10 часов вечера до 8 утра входные двери интерната были заперты на ключ, и никто из студентов не мог в этот промежуток времени выйти или войти без особого разрешения воспитателя или директора. Строгий порядок в интернате поддерживался и самими студентами.

В составе студентов богословского факультета были русские, украинцы и белорусы. Украинцы отличались своим шовинизмом, между собой разговаривали и с русскими дискуссировали на своем языке. Белорусы были уступчивы в этом отношении. Спальни и комнаты для занятий были рассчитаны на несколько человек, и в этой среде я чувствовал себя неловко, так как сказывалась привычка моего завитанского уединения. Для молитвы я уходил в интернатскую церковь, когда там никого не было. Здесь меня никто не видел и мне не мешал.

Православный богословский факультет при столичном университете был открыт стараниями Варшавского и всея Польши митрополитом Дионисием (Валединским), магистром богословия Казанской духовной академии. Он сам читал лекции на факультете и состоял на должности декана и руководителя. Начало существованию факультета было положено в 1924 году, я поступил сюда в 1926-м, а закончил учебу в 1930-м. Научную степень магистра богословия я получил в 1933 году за сочинение «Святой Димитрий, митрополит Ростовский как пастырь и учитель пастырей».

На факультете так было установлено по общему университетскому плану, что окончивший факультет, сдавший все экзамены и написавший

диссертацию выпускник, одобренную комиссией профессоров, получал научную степень магистра богословия. Кандидатских степеней не было. Более способные выпускники, имеющие желание научно работать, могли писать докторскую диссертацию на другом факультете. Наш богословский факультет поляки называли «студией», за время своего существования до 1939 года он подготовил в Польше сотни высокообразованных пастырей. В военное и послевоенное время 20 из них были хиротонисаны в сан епископа, которые служили потом в различных юрисдикциях.

Своим богословским образованием, полученным на факультете университета, я не ограничился, постоянно пополняя свои знания чтением и изучением богословских книг. Вместе с этим я изучал педагогику на гуманитарном факультете Варшавского университета, так как я состоял в то время в педагогической и воспитательской должности в интернате для студентов. В 1936 году я окончил этот факультет с дипломом. Через год мне предложили заняться богословско-историческим исследованием. Тема моей докторской диссертации – «Великий Катехизис Киевского митрополита Петра (Могилы)», работу я закончил к началу второй мировой войны. Изучение педагогических и других наук, а также работа над катехизисом сильно углубили мои познания в области богословия и педагогики, а также психологии.

На родине в то время образование и познания высоко ценились. На чужбине в условиях эмиграции к этому совершенно другое отношение, здесь не спрашивают и не интересуются научными познаниями. Эта область отодвинута на задний план и находится на задворках. Зато на первом плане материальная сторона во всем своем разнообразии и привлекательности. Здесь играют важную роль ловкость, беспринципность, жажда наживы и благополучия. Честность и скромность подавляются. А в таких условиях знание и образование стушевываются.

МОНАШЕСТВО

С монашествующими я встретился впервые на богословском факультете в Варшаве. Там были студенты монахи из Почаевской Лавры. С ними я не разговаривал, но возымел к ним симпатию. От коллег студентов из Волыни я слышал рассказы о Почаевской Лавре, о Почаевской чудотворной иконе Божией Матери, о нетленных мощах преподобного Иова, игумена Почаевского, о Стопе Божией Матери с источником цельбоносной воды. Узнав об этом, мне захотелось поехать в Лавру и помолиться у ее святынь. На рождественские каникулы я поехал домой в Завитую. Домашним я рассказал о Почаевской Лавре о своем желании ее посетить, и возражения не было. Но о пострижении своем в монашество тогда я не думал, может быть потому, что его не знал и не имел понятия о монастырской жизни, так как окружавшая меня с детства светская среда не склоняла к ней.

Тогда я вспомнил о Жировицком монастыре, который находился в Слонимском уезде приблизительно в 60-ти километрах от моей Завитой. С древнейших времен в этом монастыре пребывала св. чудотворная икона Божией Матери, названная Жировицкой. Она славилась многими чудесами исцеления больных. Помню с детства, как по дороге мимо нашего дома проходили толпами богомольцы, совершая паломничество в этот монастырь. Бывала в нем и моя родная мать, и мне захотелось посетить Жировицкий монастырь и помолиться пред чудотворной иконой. Желание свое осуществил, когда добирался домой на пасхальные каникулы. Для этого специально приехал поездом в Слоним и оттуда 10 километров прошел пешком по весенней грязи. Побывал в монастыре, осмотрел его, помолился у иконы Богоматери и пешком возвратился в Слоним к поезду. Красота и величие монастыря произвели на меня сильное впечатление. В паломничестве в святую обитель я целый день ничего не ел и не пил. Об этом даже не думал, очарованный виденным и пережитым.

По окончании академического года в университете я уехал в Почаевскую Лавру на Волыни, – это была моя мечта, которую я осуществлял. Со мной ехал мой коллега Никандр Гаскевич принимать монашество в Лавре. Он говорил мне, что чувствует себя больным и хочет умереть монахом. Однако таковым он не стал. На следующий день приезда в Лавру он уехал к брату священнику и отказался от монашества, обидевшись плохим приемом его о. наместником Лавры. Я же остался, остановившись в монастырской гостинице. Здесь я провел все лето, ежедневно посещал монастырские Богослужения.

Почаевская Лавра поразила меня своею грандиозностью и красотою. Она стояла на высокой горе и была видна за 10 километров, а ее высокая колокольня и дальше. Начало ее существования относится к XIII веку. На вершине горы тогда чудесно явилась в огненном столпе Божия Матерь и оставила на скале след Своей стопы, откуда потекла цельбоносная вода в виде источника. С течением времени на вершине этой горы был построен монастырь, который в наше время известен под названием Почаевская Лавра. Польский магнат граф Потоцкий построил на свои средства нынешний Св. Успенский собор Лавры и братские келии вокруг собора, а также высокую галерею пред входом в него. Чудотворная икона Божией Матери была перенесена в монастырь православной помещицей Анной Гойской в XVI столетии. Нетленные мощи преп. Иова, игумена Почаевского находятся в Пещерной церкви с XVII века.

Настоятелем Почаевской Лавры был митрополит Варшавский и всея Польши Дионисий, а наместником Лавры состоял архимандрит Дамаскин (Малюта), талантливый и одаренный проповедник, и священнослужитель в иночестве. В Лавре им была устроена электрическая станция и мельница, а также позолотная и иконописная мастерские. В лаврских мастерских выделывали церковную утварь и снабжали ею приходские храмы. В ризн-

ице хранились дорогие парчовые ризы, подаренные Российским Императором, и много драгоценных чаш и напрестольных Евангелий в дорогих окладах. В библиотеке хранились рукописи и книги XII-XIII веков. Все богатство Лавры не поддавалось исчислению. Братии Лавры в мое время насчитывалось до 200 человек с послушниками и трудниками.

Пребывая в Лавре, я всем в ней интересовался и все осматривал. Познакомился и подружился с ризничным иеродиаконом Иаковым, заведующим архиерейским домом – иеромонахом Лаврентием, пасечником – иеромонахом Алипием, которые показали мне все достопримечательности Лавры.

С о. наместником Лавры архимандритом Дамаскиным мое знакомство произошло при особых обстоятельствах. Однажды он пригласил меня к себе на завтрак, когда я стоял на утрени. При встрече с ним в его покоях он сказал мне: «Я давно хотел познакомиться с вами, да был занят и не мог». В действительности же он издали наблюдал за мною и за моим поведением. После завтрака предложил мне ежедневно приходить к нему на чай после утрени. Один раз я пришел, но угостил меня чаем его келейник в своей келейной. Я обиделся и больше к о. наместнику не пошел, хотя я жил тогда без завтраков и ужинов, довольствуясь обедами. Прошло после этого несколько дней, и о. наместник снова пригласил меня после утрени к себе на завтрак. Когда пришел к нему, он меня упрекнул в том, что я не приходил пить чай к его келейнику. Потом он предложил мне произнести проповедь в праздник Преображения Господня в Пещерной церкви за ранней литургией для богомольцев. Я попытался отказываться, но моя попытка не имела успеха, так как о. наместник меня уговорил, и я вынужден был согласиться. Первый раз в жизни говорить проповедь к народу в церкви! Я волновался до отчаяния, боялся выступать… В то время я не имел опыта в этом искусстве и проповеди заранее не написал, чтобы выучить ее.

В назначенное время в алтаре меня облачили в стихарь, я с волнением вышел на амвон. Но не растерялся и сразу начал свою импровизированную проповедь. Как долго я говорил, не знаю, но как только закончил, поспешно снял стихарь и вышел из алтаря, чувствуя себя неловко. Затворился в своей комнате в гостинице и стеснялся встречаться с друзьями монахами. Мне тогда казалось, что я оскандалился.

На другой день меня через своего келейника позвал к себе о. Наместник. Чувствуя смущение, я шел к нему, как провинившийся мальчишка к родному отцу. Он принял меня ласково и поблагодарил за проповедь, ссылаясь на хорошие отзывы монахов, слышавших меня. Угостил меня чаем с закусками и подарил свой большой фотопортрет с надписью: «Студенту богословского факультета Варшавского университета Антону Мартосу на память о первой произнесенной им проповеди в Почаевской

Свято-Успенской Лавре в праздник Преображения Господня 6/19 августа 1927 года. Архимандрит Дамаскин, наместник Лавры».

Архимандрит Дамаскин, ободривший меня похвалою и собственным портретом, предложил мне сказать проповедь в праздник Успения Божией Матери 15/28 августа. Опять я пытался уклоняться от этого послушания, но о. наместник настоял на своем, и на послушание я согласился. Он дал мне книгу проповедей, не помню уже какого проповедника. К этой проповеди я подготовился и, по указанию о. наместника, произнес ее в Больничной церкви за ранней литургией. На этом моя «проповедническая деятельность» в Лавре закончилась. Наступил уже сентябрь месяц: я уехал в Варшаву к самому началу академического года в университете. Тогда я был светским студентом, поэтому мои первые проповеди в Почаевской Лавре были как бы пророческими, предсказывавшими мое духовное иноческое призвание. Проводя лето 1927 года в Лавре, я еще не знал, и не даже думал о том, что вскоре приму монашество.

Осенний триместр академического года промчался незаметно. Наступили рождественские каникулы. Студенты уезжали из интерната на праздники домой. Но случилось по пословице: «Человек предполагает, а Бог располагает». Мне не суждено было уехать домой. Господь Бог звал меня в Почаевскую Лавру на подвиг иноческого жития. Это случилось таким образом.

В день разъезда студентов я случайно встретил на коридоре нашего интерната наместника Почаевской Лавры архимандрита Дамаскина, который числился студентом богословского факультета и приехал сдавать свои университетские зачеты. Встретив меня, он спросил:

– Ты куда едешь на каникулы?
– Домой, – ответил я.
– Студенты Нарко и Озеров едут в Лавру принимать монашество. Присоединяйся к ним и будешь третьим.

Я смутился неожиданным предложением и растерялся, пробормотав в ответ:

– А разве можно?
– Почему нельзя? Пиши прошение на имя митрополита, который здесь в интернате, но поспеши, потому что он собирается уезжать из интерната в Митрополию. Я отнесу твое прошение и подам ему, – сказал архимандрит.

Без малейшего колебания и замедления я зашел в свою комнату и написал краткое прошение с просьбою благословить меня на принятие монашества. Написав, отнес его о. архимандриту, а он отнес митрополиту. Через пять минут он вышел сияющий из кабинета митрополита и сказал мне: – Владыка митрополит благословил. С Богом! Отправляйся в Лавру, – при этом он перекрестил меня.

Решив таким образом свою судьбу, я почувствовал радость и легкость на душе. Мне казалось, что я нашел то, что искал тайно для себя самого.

На следующий день, ночью, три студента богословского факультета Владимир Нарко (с третьего курса), Антон Мартос (со второго курса) и Николай Озеров (с первого курса) мчались курьерским поездом из Варшавы в город Кременец на Волыни, следуя по пути в Почаевскую Лавру. Зима была суровая: бушевала вьюга, трещал лютый мороз, а в купе третьего класса было тепло и душно. Пассажиры дремали, сидя на жестких деревянных сидениях. Зимняя ночь – длинная и утомительная. На станцию Кременец прибыли ранним утром, уже начинался новый день. Отсюда предстояло ехать на санях 25 километров. По дешевке мы наняли крестьянина с худой лошадкой, запряженной в простые сани без сидений. По дороге он завез нас в свою деревенскую хату, велел своей жене накормить нас горячим, устроил сидения в санях и отправился в путь. Мы были одеты по-студенчески легко в осенние пальто, и ничего теплого под верхней одеждой на нас не было. Ехали целый день до наступления ночи. Св. ворота Лавры уже были для чужих людей заперты, мы заночевали в лаврской гостинице с нетоплеными комнатами. Двери предоставленной нам комнаты выходили на улицу и под ними лежали сугробы снега и лед. Заведующий гостиницей, милый старик игумен Валентин, сочувственно сказал: «Ночуйте здесь. Эта комната теплее, потому что другие еще холоднее». Хуже всего было то, что мы были голодны и нам очень хотелось есть, а рестораны были уже закрыты. Так мы и провели ночь в голоде и холоде: закалялись на иноческий подвиг, но молодость брала свое. Старшим по возрасту был Озеров, окончивший Пажеский корпус, сын губернатора, раненый в Добровольческой армии во время войны с большевиками, он больше страдал от холода, чем я или мой товарищ Нарко. Но мы не простудились, даже насморка не получили, и мои слабые легкие выдержали испытание: Господь нас укреплял.

Утром нас устроили в монастырском корпусе и дали келию со стенами двухметровой толщены и со сводами. Келия была не топленная и холодная. Указали нам дрова, сырые и в снегу, поэтому они не горели, а сухих для растопки не было. Так мы и жили в холодной келии. Монастырская пища была скудная, постная: щи да гречневая каша без постного масла. Рождественский или Филиппов пост соблюдался братией монастыря строго. Желудки наши от непривычной пищи бунтовали, но вскоре успокоились и довольствовались монастырской едой.

Тяжело было вставать утром в 4 часа на полунощницу и утреню, но мы вставали и по холодным коридорам спешили в церковь, там молились и мерзли в нетопленой Пещерной церкви. И так ежедневно. Молились также за литургией: ожидали пострига в монашество.

Отец наместник Лавры назначил каждому из нас старца, отличающегося подвижнической жизнью. Мой старец был иеромонах Аполлос,

старцы приготовляли нас к иночеству. В монастырской портняжной мастерской спешно шили нам рясы и все монашеские одеяния. Когда все было готово, о. наместник объявил нам, что за три дня до праздника Рождества Христова состоится наш постриг. Нас интересовало, какое имя каждому из нас дадут при постриге, но о. наместник скрывал это. Наступил день пострига. Рано утром старцы повели нас в Пещерную церковь, где мы поклонились мощам преп. Иова Почаевского. На его раке (гробнице) ночевали наши одеяния. Мы молились пред мощами святого, прося его о помощи в иноческом подвиге. После этого исповедывались в своих грехах за всю жизнь у своих старцев.

После чтения часов до литургии поставили нас за ширмой в притворе Пещерной церкви. Здесь мы сняли обычные свои одежды и на голое тело одели власяницы – длинные жесткие рубашки, как железные вериги. Каждый о чем-то думал, переживая этот момент. У меня мысли улетели, как испуганные птицы. На Малом входе литургии клиросная братия запела стихиру Богослужения недели о Блудном сыне: «Объятие Отча». Пели протяжно и торжественно, медленно двигаясь со свечами в руках в полумраке огромного храма в длинных черных мантиях в ряд по два человека, направляясь к нам. Старцы накрыли нас своими мантиями и согбенными со сложенными накрест руками на груди повели к алтарю вслед за певшей братией. На амвоне пред открытыми царскими вратами мы пали ниц с распростертыми на крест руками и лежали так несколько минут, пока о. наместник, архимандрит Дамаскин не коснулся каждого из нас своею рукою в знак того, что мы должны встать на ноги. Своим музыкальным баритоном он громко и строго спросил: «Что пришел еси, брате, припадая ко святому жертвеннику и святей дружине сей?».

Начался трогательный и длинный чин пострижения в мантию. Рассказывали, что некоторые из богомольцев плакали. Постригавшиеся получили новые имена, которыми назвал о. наместник, произнося слова: «Брат наш, имя рек, постригает власы главы своея в знамение отрицания мира, и всех яже в мире, и во отвержение своея воли и всех плотских похотей, во имя Отца и Сына и Святаго Духа: рцем о нем все, Господи, помилуй». Братия поет трижды «Господи, помилуй».

Облаченные во все монашеские одеяния, с горящими свечами в руках и крестами мы стояли на клиросе во время литургии после пострига, как ангелы во плоти. После пения Запричастна мы приступили к Св. Чаше и причастились Святых Тела и Крови Христовых. По окончании литургии о. наместник поздравил нас и произнес замечательную речь в наставлении нас.

Из церкви отвели нас в другую церковь в затвор, где мы и пробыли три дня и три ночи. На третий день нас вывели из затвора и разрешили нам быть свободными. Был праздник Рождества Христова.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

В церковно-административной практике в Императорской России принято было правило вести послужные списки о каждом священнослужителе. Этим делом занимались Духовные консистории, существовавшие в каждой епархии и являвшиеся вспомогательным органом епархиального архиерея. В послужные списки записывались даты рождения и крещения, рукоположения в священный диаконский и иерейский сан, получения наград и наказаний, а также назначений и перемещений по службе. Эта канцелярская практика имела большое значение в церковно-административной жизни.

В Православной Церкви в Польше послужные списки в консистории велись неукоснительно. Мое священнослужение началось в лоне этой Церкви после рукоположения меня во иеродиакона и иеромонаха. Будучи студентом богословского факультета в Варшаве и проживая здесь в студенческом интернате, я был зачислен в состав Варшавско-Холмской епархии, впоследствии чего был начат мой послужной список в этой епархии. Вела его Варшавско-Холмская духовная консистория.

По благословению митрополита Варшавского и всея Польши Дионисия я был рукоположен во иеродиакона епископом Гродненским Алексием 29 января 1928 года в Варшавском кафедральном соборе Марии Магдалины. Резолюцией того же митрополита я был назначен на должность третьего диакона при том же соборе. Природой я был обижен тем, что не обладал музыкальным голосом и хорошим слухом, что стесняло меня в священнослужении. Регент митрополичьего соборного хора был мною недоволен.

На пасхальные студенческие каникулы я отправился в Почаевскую Лавру. Там я прошел отличную богослужебную практику: сослужение иеромонахам в лаврских соборах было для меня хорошей школой. В Лавре строго соблюдался богослужебный устав, и малейшая ошибка была недопустима. Необходимо было серьезно готовиться к Богослужению и быть очень внимательным во время его совершения. Особенно сильно я переживал во время воскресных и Страстной недели Богослужений, которые совершались с особенной торжественностью. Стоя в сонме монастырских священнослужителей, архимандритов, игуменов, иеромонахов и иеродиаконов с множеством прислужников во время Богослужения, мне казалось, что нахожусь на небе и стою среди ангелов и небожителей. Мощное пение церковного светского хора высоко на хорах и монашеского на клиросе, наполняло звуками огромный св. Успенский собор. На меня, молодого инока, все это производило потрясающее впечатление. От умиления и восторга невольно текли слезы из глаз. Поймет это только тот, кто сам пережил такие священные моменты.

На летние каникулы с разрешения о. наместника Лавры я поехал домой в деревню. Чувствовал себя там хорошо, как дома. Все мои старые

друзья и знакомые в Завитой были ласковы и почтительны ко мне. Соседи священники, которые раньше не знали меня, пригласили к себе на престольные праздники: в Снов на святых первоверховных апостолов Петра и Павла, и в Городею на св. пророка Илию. В их храмах я принимал участие в служении литургии. Впервые я познакомился ближе с приходскими батюшками, с их прихожанами и богомольцами, которые произвели на меня глубокое впечатление своей религиозностью и благоговением. Проповедники произнесли содержательные поучения, мне они показались лучше, чем городские в Варшаве.

Расставался я со слезами со своим родным домом, со всеми местами и дорожками, по которым я ходил. Душа чувствовала, что последний раз вижу их. Так и не пришлось мне побывать еще раз на родине. Прошло уже после того 50 лет – целых полвека, а все эти места стоят у меня перед глазами, как наяву, в полной своей красе и привлекательности.

В вагоне железной дороги по пути из Завитой в Почаевскую Лавру я сильно простудился и заболел. Простуда бросилась на легкие и возобновила мой застарелый туберкулез. Болезнь приняла острую форму. Медицинское лечение не помогало. Я был в смятении. Однажды, стоя в Успенском соборе Лавры на вечерне в седмичный день, когда богомольцев не было, я глядел на чудотворную Почаевскую икону и горячо молился Пресвятой Богородице, прося Ее исцеления от моей болезни. Я молился и плакал, слезы бежали из моих глаз. Заметил это мой старец и пытался меня успокоить, но это не помогало, а еще больше расстраивало меня. Но эти слезы были благодатны, они вызвали милость Божией Матери. С этого момента я начал поправляться и выздоровел. Прошли десятки лет, и болезнь не возобновлялась, только застарелые рубцы на обоих легких показывали бывшую у меня чахотку. Моим Небесным Врачом была Божия Матерь.

В конце марта следующего года меня рукоположили во иеромонаха. Рукоположение совершил в Варшавском соборе епископ Кременецкий Симон (Ивановский), любимый и почитаемый всеми архипастырь. Митрополит часто вызывал его для служения в Варшавском соборе. Среди богомольцев он пользовался здесь большой популярностью. Зато не любили его польские власти за то, что он бичевал их в своих проповедях. Сан иеромонаха открывал мне пастырскую деятельность – она и началась непосредственно.

1. КОДЕНЬ

Отслужив после рукоположения во иеромонаха седмицу, я получу командировку в село Кодень на Подлясьи, где не было ни священника, ни церкви, но были в большом числе прихожане, лишенные духовного утешения. Село это большое, с большим числом православного населения. До первой мировой войны в этом селе были две церкви: одна новая,

красивая, каменная, а другая – старинная XVII века. Во время войны обе эти церкви забрали поляки католики и переделали их в костелы. Православные лишились своих церквей и не имели места, где Богу молиться. К праздникам Св. Пасхи митрополит Дионисий послал меня сюда для совершения Богослужений в Страстные и Пасхальные дни. Свое служение я начал с Великого четверга. Служил в маленькой часовне посреди села. Часовня была настолько мала, что я один мог поместиться в ней, а народ стоял вокруг нее на дворе под открытым небом. Дождя не было, но стояла сырая и холодная погода ранней весны. Богомольцы в большом числе теснились вокруг часовни. Кроме ежедневных богослужений утром и вечером, я исполнял требы: исповедывал, посещал больных, освящал творожные пасхи, куличи и яйца в деревнях, куда возили меня на телегах по непролазной грязи после растаявшего снега. Уставал я сильно, к тому же с питанием было плохо, не было и времени, чтобы поесть строго постной пищи. В Пасхальную ночь в начале литургии я заболел, у меня закружилась голова, и я еле держался на ногах. Народ, собравшийся на богослужение, заметил это и встревожился. Я горячо просил Бога укрепить меня для служения ради народа, который собрался на торжество веры и молитвы. Господь укрепил меня, литургию я закончил и сказал проповедь. Народ с радостью христосовался со мною и расходился по домам.

На Светлой седмице из Коденя я уехал в Варшаву. Православные жители просили меня приехать к ним на Троицу, что я им и обещал. Почти всем селом они провожали меня до реки Буг, через которую я переправился на пароме к станции железной дороги. К празднику Пятидесятницы я снова приехал в Кодень. На этот раз вынужден был совершать Богослужения на кладбище за селом, потому что польская полиция запретила мне совершать Богослужение в сельской часовне. На кладбище среди могил устроили мне из зеленых веток шалаш вроде алтаря, в котором я служил, а народ стоял вокруг него под открытым небом. Был жаркий и ветреный день, свечи гасли, и трудно было сохранить их горение. Я это обстоятельство использовал для своей пламенной проповеди. Это была моя последняя поездка в Кодень, но она оставила глубокий след в моей душе. Моя первая пастырская служба в Кодене была большим вкладом в мою пастырскую деятельность в дальнейшем.

2. БЛАГОДАТНОЕ

Такое название имела небольшая русская колония в 50-ти километрах от Варшавы. Население вокруг этой колонии было польское и католическое. Русские колонисты были выходцами из центральной России – старообрядцами, принявшими единоверие с Православной Церковью. Митрополит Дионисий назначил меня сюда исполнять пастырские обязанности. Здесь я не жил постоянно, а только приезжал из Варшавы на воскресные и праздничные дни для совершения Богослужений. Церковь в Благодатном

небольшая, но уютная, с иконостасом в старообрядческом стиле. Пели и читали на старообрядческие мотивы протяжно. Богослужебные книги были тоже старообрядческие, здесь я хорошо познакомился с обычаями и порядками старообрядцев. В 20-ти и 15-ти километрах отсюда находились еще две русские колонии: Ивановка и Скобелевка. В них русского населения было еще меньше, но они принадлежали в церковно-приходском отношении к Благодатному. Церквей там не было. Я обслуживал и эти две колонии. Бывал в них редко, лишь один раз в году, главным образом в Великом Посту. Совершал там Богослужения, но ездил с псаломщиком.

Однажды по распоряжению митрополита к воскресенью поехали в Благодатное с миссионерской целью архимандрит Савва (Советов), впоследствии епископ Гродненский и архиепископ польских войск в чине генерала в эмиграции, умерший в Лондоне (Англия), протоиерей Коцыловский, бывший римо-католический польский священник, принявший православную веру, иеромонах Афанасий, то есть, я, и в качестве певчих три студента. В воскресенье вечером состоялось вечернее Богослужение. В церковь пришло много поляков из местных жителей, чтобы послушать проповедь о. Коцыловского, о которой было объявлено заблаговременно. Он проповедовал хорошо и убедительно. Небольшая церковь не могла вместить всех слушавших его проповедь, и многие стояли на дворе. Когда об этом узнал польский ксендз, то запретил своим прихожанам и всему польскому населению ходить в «схизматическую» церковь и слушать там проповедь. Он пригрозил, что если кто пойдет, то отлучит его от причастия (экскомуникует). Они испугались и больше не пошли. Но сам факт прибытия сотни католиков и поляков в нашу церковь послушать проповедь свидетельствовал о том, что польское католическое население искало истину и жаждало нового учения.

Я пастырски обслуживал эту общину с Рождества Христова 1929 года до июня следующего года. Совершая поездку в автобусе в Благодатное, и проезжая через город Гура Кальвария, с любопытством и удивлением наблюдал старых и молодых евреев, жителей этого городка, которые носили на голове ермолки, длинные пейсы-волосы и особые сюртуки до пят. Это были жиды-хасиды, в городе их было очень много, и они составляли значительный процент населения.

3. ВОЛОМИН

После Благодатного я получил назначение на должность настоятеля Свято-Петропавловской церкви в городе Воломине для обслуживания общины при этой церкви. Церковь здесь помещалась на чердаке в доме русского и православного жителя Михальчонка, белоруса с Виленщины. Небольшая община и церковь радовали меня во многих отношениях: благочестием прихожан и убранством маленькой церкви, а также прекрасным

хором, которым управлял церковный староста Лукаржевский. Город находился в 30-ти километрах от Варшавы. Сюда я приезжал всякий раз для совершения Богослужения вечером, и утром – литургии.

В бытность мою настоятелем церкви в Воломине произошел следующий случай. Меня позвали к тяжело больному чахоткой горла. Он был оперным певцом, но глубоко верующим человеком и исповедовался со слезами. После принятия Св. Таин Христовых он сказал мне со слезами: «Батюшка! Я не хочу умирать! Я еще хочу увидеть родину Россию свободной от большевиков». Я утешил его, как мог, но горячо молился о нем ежедневно. Прошло некоторое время. Больше я уже не бывал в Воломине. Однажды в Варшаве я встретил церковного старосту Воломинской церкви и спросил его об этом умиравшем певце. И получил ответ, что после исповеди и Св. Причастия он стал поправляться и теперь опять поет в опере. Я возблагодарил Господа за Его чудесную помощь, оказанную больному.

4. СИНОДАЛЬНЫЙ АРХИВ

Летом мне поручили задание привести в порядок Синодальный архив. Указали, в чем должна состояться моя работа. Архив за много лет находился в беспорядке. Нужно было его систематизировать, сделать опись всех дел и документов, а также дать краткое содержание книг. Моим помощником был о. Игнатий (Озеров). Работа в архиве была сложная и нелегкая, а главное, в значительной степени, кропотливая. С большим интересом и охотой я принялся за эту работу. Заняла она много времени. Четыре месяца мы с о. Игнатием трудились с усердием и ежедневно. Дел архива много и разнообразного содержания.

Занимаясь в архиве, я познакомился с деятельностью Священного Синода Православной Церкви в Польше. Там находилась вся переписка по делу проведения автокефалии этой Церкви. Были копии писем к Московскому Патриарху Тихону по этому делу и ответы Патриарха еще в годы 1923-1924-е. Некоторые из них помню и ныне. Я не собирался тогда писать историю автокефалии, потому не собирал соответствующих документов. Помню, что Патриарх Тихон предоставил автономию Православной Церкви в Польше и возвел в сан Митрополита возглавителя ее, архиепископа Георгия (Ярошевского), указом от 30 января 1922 года. Архимандрит Смарагд Латышенков, бывший ректор Волынской Духовной семинарии, убил его выстрелом из револьвера 8 февраля 1923 года за проведение автокефалии Церкви. После кончины был избран на митрополичью кафедру в Польше архиепископ Волынский Дионисий (Валединский).

В Синодальном архиве мы нашли судебное дело епископа Люблинского Антония (Марценко), обвиненного в содомском грехе со своим келейником. С большим вниманием я читал его и ужасался. Мне показалось, что в этом судебном деле не все было чисто, что были ложные показания.

Вероятно, и Священный Синод, разбиравший это дело, подозревал ложность показаний свидетеля, потому что отнесся снисходительно к обвиненному, не засудил его строго, а определил ему место жительства на покое в Мелецком монастыре Полесской епархии. Позднее он был викарием этой епархии. В конце второй мировой войны он очутился в эмиграции и жил в Карльсбаде. После войны в 1945 году возвратился на советскую родину в СССР и там где-то пропал.

5. ЯБЛОНКА ВЫЖНА

Это было большое селение в Карпатских горах в Галиции. Жители его перешли в Православие из унии и своими силами построили церковь в своем селе. По их ходатайству был назначен для них православный священник. Он получил отпуск и уехал к семье на Волынь, а временно на его место командировали меня. Прибыл я сюда в глухую осень, в горах становилось холодно, часто выпадал снег. Крестьянский домик, в котором я поселился, был огорожен высоким частоколом и был крытый соломенной крышей: домик пугал меня так, что ночью я спал в нем тревожно, боясь поджога униатами. Я сочувствовал священнику, который тут жил и служил в церкви. Он нес здесь нелегкий пастырский подвиг. С питанием мне было очень плохо. Молока было вволю, но оно мне быстро опротивело, а других продуктов, кроме капусты, не было. В горах не росла рожь или пшеница, поэтому жители не имели своего хлеба, а на базаре в городе Турке, за 12 километров через горы, его покупали как лакомство. Без хлеба я голодал. Мне покупали хлеб в городе, но он быстро черствел. Вместо хлеба жители пекли лепешки из грубой овсяной муки, которую сами мололи в жерновах. Я не мог эти лепешки разжевать. Пробыл я здесь более месяца, пока приехал настоятель, которого я замещал. Зато я полюбил прихожан, они приходили в хату и сидели осенними долгими вечерами, слушая рассказы из истории о том, как насильственно была введена уния с Римом. Я рассказывал, а они слушали, пока не скажу, что пора уже спать, и они уходили. Больше всего я страдал от «тютюню», который они курили. Запретить им стеснялся. В церкви на литургии все стояли чинно и благоговейно от начала до конца: мужчины по правой стороне, а женщины и дети по левой стороне храма. Одеты они были в холщовые белые рубашки с вышитыми воротниками и манишкой, сверху без рукавов накинут белый кожух для наряда, а женщины были одеты в такие же белые платья с вышивками. Пели всей церковью, регентов и специального хора не было, зато с детских лет они знали наизусть литургию. Богослужение совершалось на церковно-славянском языке, но с украинской «вымовой» (произношением). Мне очень нравилось общецерковное пение. Жаль, что его нет у нас. Оттуда я возвратился в Варшаву.

6. КУЛАКОВИЧИ

На праздники Рождества Христова церковная власть меня командировала в село Кулаковичи на Холмщине. Стояла морозная и многоснежная зима. Священника в этом селе не было, он куда-то уехал. Его жена болела чахоткой легких. Церковь и дом для проживания священника там были, там же был и псаломщик. По их сельскому обычаю я совершал всенощное бдение и вслед за этим св. литургию ночью, начал служение в 4 часа утра, а закончил в 7 утра. Во время литургии и всенощной храм был заполнен богомольцами. В церкви было душно от множества народа, поэтому стояли открытыми наружу окна и двери, хотя на дворе трещал мороз. Православные жители Холмщины – религиозные и благочестивые люди. Я удивлялся их выносливости и противлению католическому и польскому влиянию, среди которого они жили.

7. ЯБЛОЧИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В середине декабря следующего года я получил назначение на должность наместника Яблочинского Свято-Онуфриевского мужского монастыря возле реки Буг на Подлясьи, а также заведующего приютом для престарелого духовенства в этом монастыре. Монастырь небольшой, но известный своим историческим прошлым. Во времена унии в нем жил Холмский православный епископ. Издавна в нем славилась чудотворная икона преподобного Онуфрия Великого, найденная в XV веке на берегу реки Буг, где и был построен сей монастырь. Настоятелем состоял архимандрит Алексий (Осташевский), куривший старик, просившийся на покой. С ним я уже познакомился летом, когда проводил свои каникулы в монастыре. Этот старый монах не был образованным, но имел большой опыт в монашеской жизни. Было интересно его послушать. Как старого знакомого, он принял меня ласково. Должность наместника в монастыре я получил после своего друга иеромонаха Филофея, которого перевели на другое место. Митрополит Дионисий послал его на два года в Константинополь для изучения греческого языка, где он учился в богословской школе на острове Халки.

Монастырь летом утопал в зелени деревьев, окружавших его. Большинство деревьев была ольха, кругом были заливные луга с маленькими прудами. Возле монастыря рос многовековой дуб, в дупле которого помещались три человека: дерево было свидетелем большого периода монастырской жизни. Напротив монастыря на другом берегу Буга находилась станция Дубица железной дороги Брест-Холм. Через реку переправлялись паромом. До первой мировой войны здесь был мост. Престольный праздник монастыря – 12/25 июня, он привлекает много богомольцев. Ранней весною, когда льды на реке двигаются, вода поднимается и затопляет все луга вокруг монастыря, и тогда обитель бывает отрезана от

внешнего мира на целый месяц и стоит среди деревьев и воды, как волшебный замок. До образования Польского независимого государства в 1918 году, монастырь владел большими земельными угодьями, главным образом лесами. В пяти верстах от монастыря в лесу стоял монастырский скит, и находилось кладбище на берегу большого Белого озера среди леса. Рядом с ним находились еще другие озера – Черное и Тайное. Характерно, что в Белом озере вода была прозрачная и белая, а рядом в Черном озере вода была, как смола черная. Лесные угодья и озера отобрали польские государственные власти, монастырю оставили пахотную землю и луга.

В монастыре я долго не оставался, находился в нем только 9 месяцев, потом был переведен в Турковичи на Холмщине. Жаль было расставаться с живописной и уютной обителью. Для нее за короткий срок я приобрел большое паникадило в храм, несколько серебряных риз, колокол, подсвечники к иконостасу; обновил иконостас в трапезной, а также привел в порядок монастырский сад, который был запущен. Яблоки из сада и все фруктовые деревья сдавали в аренду еврею Бидерману (братия фруктами из сада не пользовалась). Вне ограды монастыря стояли две красивые часовни: Успенская и Сретенская. На престольный праздник в них совершали литургию для богомольцев. В 1934 году в монастыре была открыта диаконско-псаломщицкая школа с четырехлетним обучением. Из нее вышли священники, диаконы и псаломщики. Она существовала до войны 1939 года.

8. ТУРКОВИЧИ

На мое место в Яблочинском монастыре был назначен мой брат по монашеству иеромонах Игнатий (Озеров). Ему я сдал свои обязанности в монастыре, а сам уехал в Почаевскую Лавру на богомолье. В то время там пребывал митрополит Дионисий из Варшавы. Я испросил у него аудиенцию. В архиерейском доме Лавры он принял меня ласково, выслушал мою неуверенность в миссии построения монастырского подворья в Турковичах и дал мне свое наставление. Велел мне заехать в Белев, где находилась недавно обновившаяся икона Божией Матери у одной местной жительницы, бедной вдовы. Настоятелем в Белевской церкви был мой коллега иеромонах Мелитон. К нему и посылал меня митрополит познакомиться с делом организации монастырского подворья.

В Белев я заехал на обратном пути из Почаева и прогостил несколько дней у своего друга о. Мелитона. В его недавно построенной церкви собиралось множество богомольцев, пришедших из разных мест на поклонение чудотворной иконе «Взыскание погибших», которая чудесно обновилась. Церковь и хозяйство в подворье вели монахи, везде была чистота и порядок.

В Турковичи я приехал поездом уже в октябре, когда погода была сырая и дождливая. Турковичи представляли большое село, мимо него

проходила железная дорога и в самих Турковичах была станция. Поселился я в домике крестьянина Романа Казимерчука, его семья заботливо меня обслуживала. Я занимал отдельную комнату, а его семья теснилась в другом помещении. Непривычная деревенская обстановка чужой семьи тяготила меня. Я находил утешение для себя в прогулках по парку помещика, куда ходил ежедневно и в погоду, и в дождь, и в снег. Гулял взад и вперед долго, более часа. На улице была грязь непролазная, вследствие чего я был вынужден привязывать веревками калоши к сапогам, чтобы в слякоти не потерять их. По такой распутице я ходил в церковь, стоявшую на другом конце села на кладбище, зимою приходилось идти по колени в снегу.

Назначили меня сюда не только обслуживать религиозные нужды православных турковчан, но также для создания монастырского подворья. В консисторском указе об этом было сказано, что благословляет меня на это дело митрополит Дионисий. На меня возлагалась тяжелая обязанность, а по молодости и неопытности она казалась мне не по силам, поэтому я волновался и унывал.

В Турковичской церкви находился список иконы Божией Матери «Турковичской». Православное верующее население собиралось в тысячах, чтобы помолиться пред святой иконой. Престольный праздник искони бывал 2/15 июля, когда стояла летняя пора. Для Холмщины Турковичи были святым местом. Один священник сочинил стих в честь Турковичской иконы Божией Матери, и народ стих этот пел на празднике в Турковичах (отпусте) или во время крестного хода. Помню некоторые слова из этого стиха:

Волынь Почаевом слыве,
Яблочином – Подлясье.
А Турковичами жыве
Вся земля Холмска наша…

С 1902 года до первой мировой войны в Турковичах существовал большой женский монастырь. Поляки забрали его здание в 1919 году и вселили туда своих монахинь, которые содержали детский приют для польских детей. Нашим монахиням в Турковичах негде было жить, две родные сестры-монахини жили в селе, поэтому моей задачей было построить дом для жилья православных монахинь и священника.

В первую мировую войну монахини эвакуировались в Москву и забрали с собой чудотворную (оригинальную) Турковичскую икону Божией Матери. Там она где-то пропала. Турковчане заказали местному художнику Зиню в Грубешове список с этой иконы, и этот образ хранился в церкви на кладбище – он творил чудеса. В этой церкви я начал совершать Богослужения и молился пред св. иконою о небесной помощи

в построении монастырского подворья. В 1932 году я построил рядом с церковью колокольню.

Для устройства подворья нужны были деньги и место для строительства дома, но у меня ничего этого не было. С чего начинать и что делать? Не мог ума приложить. Церковная касса не давала надежды на мои мероприятия – она выплачивала долги за колокола. Была только одна надежда на помощь Царицы Небесной. К Ней я взывал в своей молитве ежедневно.

Наступила весна 1932 года. Я был в скорби, что у меня ничего не выходит. Вдруг пришла благотворительница и пожертвовала необходимую сумму денег на строительство дома. Я принял жертву, как чудо помощи Божией Матери, за что возблагодарил Ее. Вслед за этим один благочестивый житель Туркович предложил свой небольшой участок земли напротив церкви и кладбища. Положение было спасено, и я немедленно приступил к делу. Начертил план дома и предложил еврею Худэсу, торговцу деревом из ближайшего местечка Тышовцы, построить по этому плану дом в течение одного месяца. Он согласился выполнить работы в кредит.

Я готовился к престольному празднику с уверенностью, что дом будет готов к условленному сроку. Худэс дом построил, и я сообщил в рапорте Духовной консистории в Варшаву, что моя задача выполнена. Митрополит Дионисий придал этому большое значение и издал распоряжение, чтобы духовенство прибыло в Турковичи на храмовый праздник крестным ходом. Сам владыка пожертвовал в церковь художественно выполненный металлический запрестольный крест с частицей от Животворящего Креста Господня и большую, такой же работы, св. икону Воскресения Христова в металлическом киоте. Святыни были сделаны в мастерской Почаевской Лавры, их принесли крестным ходом монахини Зимненского женского монастыря за 30 километров. Кроме того, митрополит сам решил приехать в Турковичи вместе со своим викарным епископом Саввой и со свитой, чтобы возглавить торжество.

Накануне праздника митрополит прибыл поездом из Варшавы. По установленному порядку его встретили крестным ходом на железнодорожной станции и сопроводили через село в церковь. По моей просьбе местный помещик прислал за ним свой автомобиль, но митрополит предпочел шествовать крестным ходом с духовенством и народом, его встречавшим. Прибыло более сотни священников и множество богомольцев. Говорили, что их собралось около 30 тысяч. Я встречал митрополита с крестным ходом и духовенством на паперти своего храма. Отсюда, с возвышенного места, открывалась величественная картина: двигались к нашей церкви по улице в должном порядке лес хоругвей, вереницей один за другим несли десятки запрестольных крестов, сонм духовенства во главе с митрополитом Дионисием и епископом Саввой, за ними шли

тысячи богомольцев. От умиления, видя эту картину, я заплакал, и не мог остановить проливавшихся из моих глаз слез. Это была незабываемая картина – торжество веры и Православия!

Всенощное бдение совершали возле церкви снаружи под открытым небом. Стояла чудесная погода. Церковный хор под управлением священника В. Сагайдаковского пел на колокольне и своим пением наполнял огромное пространство. Казалось, что воспевах весь собравшийся на торжество многотысячный народ. Богослужение возглавлял епископ Савва, а митрополит стоял на высокой стасидии рядом с духовенством. Когда всенощное бдение закончилось, то всю ночь служили молебны и акафисты у иконы Божией Матери, а богомольцы подходили с благословением лобызать ее. Св. икона сияла в высоком киоте, окруженная тысячью свечей, залитая, казалось, небесным светом. Всю ночь священники исповедывали богомольцев, которые причащались Святых Христовых Тайн Тела и Крови во время ранней и поздней литургии. Богослужение закончилось крестным ходом на реку Гучву для освящения воды, а после него в церковном доме монастырского подворья был обед для митрополита и почетных гостей. Митрополит оценил мои труды и наградил меня золотым наперсным крестом.

По окончании Богослужения в день праздника, когда богомольцы разошлись, а митрополит оставался в доме вместе с духовенством, на горизонте чистого голубого неба вдруг появилось облако. Оно быстро увеличилось и заволокло все небо – полил дождь и прогремел гром. Молния угодила в подводы с каруселями, убила лошадей, электрическая искра пронеслась вокруг нашего дома, но не причинила вреда. Поляки, устроившие рядом с церковью во время церковного праздника карусель, были наказаны за то, что во время литургии развлекали публику, чуть ли не у самой ограды кладбища. Их просили не мешать Богослужению православных, но они смеялись и кощунствовали. Сама Матерь Божия их покарала за это. После этого случая карусельщики никогда больше здесь не появлялись на празднике православного народа. Наверное, поняли свой грех.

Во время моего служения в Турковичах от св. Турковичской иконы Божией Матери совершилось несколько чудесных исцелений больных, а в прошлом, как рассказывали мне старожилы, их было известно много. Под старинною церковью, давность которой была 500 лет, хранились костыли хромых богомольцев, которые получили исцеление от св. иконы.

Турковичи и окрестности имели свое историческое прошлое. Название это происходит от слова «ту турки»; некогда сюда во время войны с Польшей приходили турки и располагались станом на берегу реки Гучвы, вдоль которой сейчас и находились Турковичи. Река была глубокая с болотистыми и топкими берегами: турки не могли ее перейти. На противоположном берегу стоял город с крепостью Червень, про который

в древней летописи сказано: «Киевский князь Володимир, шедъ на ляхов и зая ихъ грады Перемышль, Червень и иные». Турки не могли проникнуть в Червень и занять этот город. Ныне на месте Червеня стоит село Чермно, и там находятся высокие валы – остатки крепости. Предместьем Червеня было поселение, которое ныне называется Тушивцы, это означает, что там жили некогда шивцы – сапожники.

Турковичская икона Божией Матери является подобием Ченстоховской иконы, находящейся в Ченстохове. Ныне так называемая Ченстоховская икона некогда была семейной иконой князей Галичских. Польский король завоевал Галичское княжество и присоединил его к Польской короне. Княжеский род был уничтожен, его наследница жила в замке в Беловеже на границе с Холмским княжеством. Польский князь Мазовецкий женился на этой княжне и повез ее в Мазовше. Во время путешествия княжеский обоз остановился на отдых в лесу на берегу Гучвы, где ныне стоит Турковичский монастырь. В обозе находилась св. икона Божией Матери князей Галичских, которую везли вместе с другими вещами в Польшу. Когда обоз после отдыха уехал, на месте, где находилась во время отдыха обоза св. икона, появилось сияние и в этом сиянии малолетние пастухи увидели икону. Они сообщили об этом своим родителям, а те в свою очередь священнику. С крестным ходом обретенный образ Божией Матери перенесли в церковь, где он прославился чудесами исцеления больных. Св. икона была названа «Турковичской», историческое ее прошлое относится к XIV веку.

По сохранившимся историческим данным на месте обретения св. иконы в Турковичах существовал православный монастырь, но его разрушили в XVII веке униаты. Восстановлен монастырь был лишь в начале XX столетия, об этом мы говорили уже в начале описания Туркович. Этот женский монастырь вел широкую религиозно-просветительную и миссионерскую работу. На свои средства он содержал детский приют для девочек, церковно-учительскую школу, больницу для бедных, аптеку для бесплатной раздачи лекарств и также обслуживал больных. Местное население вспоминало эту деятельность монастыря с благодарностью. Во время войны в 1943-1944 годы польские банды убивали православных, они уничтожили православное население в Турковичах, и сегодня православного монастыря с прихожанами там уже нет.

9. КЕЛЬЦЫ

В декабре 1932 года меня перевели в г. Кельцы – в центр Польши, что в горах. В нем проживали русские и составляли небольшую церковную общину. Прибыл я туда в канун праздника Рождества Христова. На квартиру приняли меня местные домовладельцы супруги Станюковичи. В их богатом доме я удобно устроился, у них же и столовался. Богослужения совершал в немецко-лютеранской кирхе после лютеран, в чем было

неудобство, но другого выхода не было. Вскоре мне удалось уговорить местного русского торговца Иванова разрешить устроить в его доме домовую церковь. Он согласился. Из двух комнат устроили небольшую церковь в честь св. Николая Чудотворца. В ней я и совершал Богослужения.

В городе стояли две православные пятикупольные церкви, построенные в конце XIX века: они были чудесной архитектуры. Одну церковь католики переделали в костел, а вторая стояла разрушенной в самом центре города. И сделано это было умышленно. Вскоре ее разобрали, так как она стояла напротив католического кафедрального костела и дворца их бискупа, и она мозолила полякам глаза. Я просил возвратить церковь православным, но мне отказали. Рядом с храмом был большой двухэтажный церковный дом, но его тоже нам не возвратили, так как беззаконие и насилие было орудием в руках польских властей по отношению к православным.

В нашей домовой церкви я обучал детей Закону Божию, но детей было мало. Они говорили по-русски, хотя учились в польских школах.

Из города Кельцы я ездил поездом в город Радом для совершения Богослужений. Сюда было два часа езды, и в этом городе жило много православных, религиозные нужды которых я и обслуживал. В теплое время года я служил в часовне на православном кладбище за городом, а зимой в евангелической школе в центре города. Величественный собор в центре города был забран поляками и переделан в костел. Во всех городах центральной Польши православные храмы были поляками либо разобраны, либо переделаны в костелы – они мстили русским за владычество России под Польшей со времени императрицы Екатерины Второй.

Кроме городов Кельцы и Радома я обслуживал небольшую церковную общину в городе Островец-Келецкий. Там, правда, я бывал редко, Богослужения совершал в зале фабрики. Меня гостеприимно принимал крещенный в православие еврей, его жена была русская и православная. В религиозном отношении этот врач окулист отличался вольнодумством, а в душе, быть может, был евреем по вере.

Мои прихожане в Кельцах праздновали Рождество Христово по новому стилю, а в Радоме – по старому. Я служил в этот праздник дважды: по новому и по старому календарям. Вообще в городах коренной Польши русские жили по новому календарю, они к этому привыкли и считали, что так лучше.

Высоко в Свято-Кршиских горах в провинции Кельц находилась тюрьма, в которой, вместе с другими содержались и православные за поджоги, коммунизм и терроризм. В Великом Посту я исповедовал их, совершал литургию в тюрьме и приобщал заключенных Святых Христовых Таин. Условия жизни в этой тюрьме были тяжелыми.

Условия моей пастырской деятельности в Кельцах позволяли мне ездить в горы Карпаты на летний отдых. Мне это было необходимо для укрепления больных легких. Возвратившись в конце августа 1934 года из Карпат, я получил приглашение прибыть в Министерство просвещения в Варшаву. Немедленно туда отправился поездом. Там мне предложили должность воспитателя в государственном интернате для студентов православного богословского факультета Варшавского университета. Мою кандидатуру на эту должность указал митрополит Варшавский Дионисий. Я согласился с предложением, и, таким образом, вскоре распрощался с моими прихожанами в Кельцах и Радоме. Они жалели меня отпускать, и пытались даже упросить митрополита отставить меня у себя, для чего ездили в Варшаву делегацией, но успеха не имели.

10. ВАРШАВА

Моя служба в студенческом интернате имела чисто педагогический характер, качество для меня совершенно новое и непривычное. Я полюбил пастырство на приходах, но иметь дело со взрослыми студентами университета было нелегко. Для этого нужны были такт и выдержка, а также опыт. Все это необходимо было приобретать. Как новичок в своей области я боялся, что не смогу справиться со своими новыми обязанностями.

Ректор интерната архимандрит, профессор, доктор философии Илларион Васдекас (обрусевший грек), представил меня студентам в интернатской церкви после вечерней молитвы. Приняли меня с любопытством и доброжелательно. Я почувствовал себя смелее в своей новой должности, и с этого дня начались мои дежурства в интернате.

Наш интернат официально назывался так: «Государственный интернат для студентов богословского факультета». В нем было свое начальство и своя администрация: делегат министра просвещения доктор З. Загуровский, ректор интерната, упомянутый выше, старший воспитатель и духовник, воспитатель, интендант для ведения хозяйства, а затем хозяйка на кухне, повар, прислуга, уборщики. Штат служащих немалый. Всех студентов насчитывалось 80 человек. Больше не принимали.

Здание интерната было большое, построенное министерством в 1929 году специально для этой цели. Находилось оно рядом с митрополичьим собором. В интернате была чистота, порядок, полы были паркетные с блеском, большие комнаты на двух человек, зал-читальня, столовая и все хозяйственные приспособления. Все это было устроено современно и нарядно. Условия для студентов были прекрасные. На верхнем этаже находилась интернатская церковь в честь св. Николая Чудотворца. В ней ежедневно утром и вечером совершались Богослужения. Молились студенты по группам. Все не присутствовали на службах в будние дни, а только по праздникам и в воскресенья. За этим я следил по своей обязанности.

Для пользы моей службы министерство обязало меня получить педагогическое образование на гуманитарном факультете, что я охотно выполнил в порядке совместимости с моими обязанностями в интернате. Мое сочинение по педагогике получило отличную оценку профессора, благодаря чему меня освободили от устных экзаменов по педагогике. Я полюбил этот предмет, особенно педагогическую психологию, и намеревался писать докторскую работу из этой области. Но в это время мне предложили для доктората другую тему, богословскую, за которую я ухватился.

Меня назначили через год на должность гармостера в студенческом интернате с месячным окладом ординарного профессора университета (6-я категория, всего их 13). Это повышение по службе я получил благодаря педагогическому образованию. Моими обязанностями стали: обучение студентов практическому уставу и совершению Богослужений в церкви, произнесению проповедей (гомелетический кружок), церковно-славянскому языку при помощи чтения на клиросе, воспитательные беседы со студентами (индивидуально или с группой), наблюдение за их поведением. Эти меры были нужны для того, чтобы подготовить их для пастырского служения. Студенты жили в интернате на казенный счет, они ничего не платили за свое содержание.

Кроме обязанностей в интернате я был в комиссии при министерстве для цензуры и оценки учебников для средних школ по Закону Божиему. В этой комиссии я занимал должность вице-председателя, каковым был архимандрит Феофан (Протасевич). Он погиб во время Варшавского польского восстания в 1944 году: его застрели немцы возле церкви на Воле в Варшаве. Другие члены комиссии были в священном сане, все они тоже погибли во время войны.

За счет министерства наши студенты третьего курса совершали экскурсии по Польше с целью знакомства с ее красотами. Бывало это в конце академического года, и по своей обязанности я их сопровождал.

Министерство старалось проводить полонизацию наших студентов, но это не имело успеха: они твердо держались своей национальной принадлежности и полонизации не поддавались. Однако некоторые из них ради выгоды становились поляками. Они вели себя вызывающе и нарушали дисциплину, так как им покровительствовал господин Загуровский. Он же меня ценил и потому не трогал, но однажды мне сказал: «Я ценю и уважаю вас за то, что вы хороший священник и пастырь». Он мою твердость знал, хорошо знал и то, что я полонизации не сочувствовал.

АРХИМАНДРИТ

При получении наград у меня происходили недоразумения. Наград я не желал, считая, что священнослужители должны исполнять свои пастырские обязанности по совести и без наград. Духовно обслуживая

свою паству, предстоя пред св. Престолом в церкви, священнослужители служат Богу и от Него получают награду по заслугам перед Ним. Когда император Николай I установил для духовенства награды орденами, Московский митрополит Филарет заплакал и сказал: «Несчастье для церкви!» В древности духовенство служило без наград.

Когда митрополит Дионисий наградил меня саном игумена, я уклонился от возведения в этот сан. По моему убеждению, игуменство не награда, а должность в монастыре. Игумен – настоятель монастыря, я же им не был. Однако мое упорство сломил епископ Савва словами в алтаре Варшавского кафедрального собора в присутствии духовенства: «Не хотите игуменства, а хотите архимандритом быть?» Услышать это мне было очень неприятно, и, чтобы так обо мне думали, я принял сан игумена. Тот же епископ в следующее воскресенье возвел меня в игуменство.

К своему сану иеромонаха я привык и полюбил его. Мне не хотелось с ним расставаться. В это время награды легко раздавались духовенству направо и налево, часто без заслуг. Старый протопресвитер Варшавского кафедрального собора однажды заметил: «Теперь стало стыдно получать награды!» Действительно, награжденных митрами было много, а их еще увеличивали – эту высокую награду обесценили.

Меня не интересовал сан архимандрита, и его я принимать не хотел. Но в 1938 году митрополит меня наградил этим саном, а уговорил принять награду епископ Симон, которого я любил. Митрополит узнал о моем упорстве, но понял и причину его, ведь причина эта была по вине самого митрополита.

На университетской службе я имел три с половиной месяца летних каникул, большую часть которых проводил в Яблочинском монастыре, а в августе месяце отдыхал в Карпатах, обычно в Ворохте. Горный воздух был необходим моему здоровью.

В Карпатах застала меня военная польская мобилизация, все спешно готовились к войне с немцами. В горских курортах поднялась паника среди дачников: все спешили возвратиться домой. За два часа от отхода поезда я с трудом получил место в вагоне, многие же на поезд не попали. В вагон набилось столько пассажиров, что люди стояли в проходах и даже в уборных.

В Варшаву я не хотел возвращаться, так как знал, что в случае войны там будет ужасно и будет не до исполнения моих обязанностей. Я поехал сразу в Почаевскую Лавру, думая обрести там тихую пристань. По пути из Ворохты сделал пересадку во Львове на другой поезд. На вокзале играл духовой оркестр, и боевая музыка маршей воодушевляла поляков. На душе было очень тревожно.

В св. Лавре было тихо и спокойно. Обитель жила своей жизнью: молитвою и постом. Братия обители много времени проводила на Богослужениях в церкви. С дороги я окунулся в эту жизнь, и после мирской

суеты она показалась мне небесной, благодатной. Может быть, она такой и была на самом деле.

Наместником Лавры был архимандрит Пантелеимон, о котором я вспомню ниже. Мы были с ним коллеги по университету в Варшаве. Он обрадовался моему приезду. Поместили меня в комнате архиерейского дома, который стоял пустым, без гостей. В огромном доме я чувствовал себя неуютно. Здесь я занялся перепечатыванием диссертации на пишущей машинке, посещал Богослужения, а обедал в трапезной вместе с братией. Пища была постной и грубой, и мне пришлось к ней привыкать.

Немецко-польская война началась 1 сентября 1939 года. Немецкая авиация и танки начали военные действия без объявления войны. За десять дней Польская Армия была разбита, и немцы победным маршем занимали страну. Варшава защищалась дольше, следствие чего и сильно пострадала от бомбардировки. По радио передавали тревожные сведения; те, кто оправил на войну братьев и мужей, плакали и просили о спасении родных, молясь перед Почаевским чудотворным образом Богоматери. Народная вера и помощь Царицы Небесной была в народе сильной, и эта вера меня вдохновляла.

Немецкие самолеты появились и над Почаевом, а город Кременец они однажды бомбардировали в базарный день, когда народ съехался на базар. В этом тихом городке нашли себе убежище амбасадоры Франции и Англии, убежавшие сюда на своих автомобилях из Варшавы. Но немецкие самолеты прогнали их из города, и они выехали к Румынской границе. Вообще, эти немецкие самолеты были господами положения и летали над всей Польшей, они обстреливали проходившие поезда и колонны беженцев.

На Волынь прибыло много польских беженцев с запада Польши, в Кременце и Почаеве их было несчетное количество. Люди голодали и мерзли, когда начались холода. Особенно было тяжело тем, кто имел малых детей. Не ожидали они, что их восточный сосед Советский Союз ударит по Польше и оккупирует ее восточные области: Галицию, Волынь, Полесье и всю Западную Белоруссию. Это случилось 17 сентября, когда тов. Молотов объявил по радио из Москвы, что «доблестная Красная Армия освобождает украинских и белорусских братьев от ига польских панов и ксендзов».

В деревнях находилась постсоветски настроенная деревенская молодежь. Для встречи Красной Армии в конце своего села она сооружала арки из зелени. Когда я проезжал из Почаева в Кременец, то по дороге видел эти арки. Узнав поближе советскую власть, молодежь быстро излечилась от «красной болезни»: она заболела в равной степени украинским национализмом. Так было и в Западной Белоруссии.

Вскоре после появления Красной Армии на территории Польши в природе произошло явление, знаменующее народное бедствие – так это понял простой народ. В теплую осеннюю пору сентября месяца выпал

обильный снег и ударил мороз. На дорогах образовалась гололедица, опрокидывались военные автомобили, молодые деревья ломались под тяжестью снега на листве. Снег и мороз держались несколько дней, пока все не растаяло.

Меня лично интересовала религиозность красноармейцев. Когда-то я читал в русской эмигрантской прессе, что якобы маршал Тухачевский требовал прекратить антирелигиозную пропаганду среди красноармейцев, потому что среди них было 70% верующих в Бога. Я искал этих верующих, чему представлялась возможность. Небольшие группы красноармейцев под руководством политруков приходили в Успенский собор Лавры, чтобы осмотреть его красоту и величие. Верующие ходили тихонько, с благоговением, а неверующие стучали железными гвоздями в подошвах и смотрели по сторонам. Были и такие среди них, кто отделялся от группы, чтобы вложить в руку богомольца записку с именами близких, и просил помолиться за них. Из всех экскурсантов-красноармейцев таких было около пяти процентов.

Лавру навещали чины НКВД, они делали обыски, искали оружие, радиоприемники, лазили на чердаки монастырских корпусов, и всюду таскали с собой наместника Лавры архимандрита Пантелеимона. Это создавало тревожность и неуверенность в завтрашнем дне: братия Лавры волновалась.

Приезжали также политруки-агитаторы, которые созывали братию Лавры на галерею перед собором и объясняли достижения советской власти, превосходство сталинской конституции и прочее. Старики монахи не ходили их слушать. Я же бывал на этих собраниях, слушал и наблюдал, какие приемы использовали эти политруки. Например, политрук задает вопрос монахам: «Довольны ли вы приходом советской власти?». Первые ряды кивают удовлетворительно головами. «Рукоплещите!» – командует политрук. Монахи рукоплещут и их снимают на кинопленку. Заставляли их поднимать руки за советскую власть – и все это опять фотографировали. Потом в Советском Союзе показывали кинохронику о том, как почаевские монахи горой стоят за советскую власть. А в действительности же это было насилие над бедными и испуганными иноками.

Лавра имела большие фруктовые сады, где в то время плоды еще не были убраны. Советская власть издала распоряжение, запрещающее братии Лавры собирать фрукты в саду. Вместе с архимандритом Вениамином я поехал к военному комиссару в Кременец просить разрешения собрать фрукты из нашего же сада. Комиссар разместился в здании бывшего польского уездного старосты, после доклада мы вошли к нему на прием. Но он в нашей просьбе отказал, заявив, что сады – народное добро и без согласия народа он не может дать монахам разрешение пользовать фруктами из монастырского сада. При этом нам напомнил войну 1920 года, когда большевики воевали с поляками, а в Почаевской Лавре в то

время стояли польские войска, которые якобы стреляли по большевикам. Мы знали об этих слухах от старых монахов, и объяснили комиссару, что тогда польских солдат в Лавре не было, а из пушек стреляли по Лавре сами советские войска. «Сказывайте мне сказки», – заявил комиссар и прекратил с нами разговор. Мы вышли огорченные. Патрульный, стоявший у входа, у нас спросил: «Мой дядя был в Лавре монахом, жив ли он?». Узнав имя этого монаха, мы сказали, что он умер. «Молитесь обо мне», – добавил патрульный, оглянувшись кругом.

По делу монастырских садов и имущества приехал в Почаев политрук и созвал в местечке сход крестьян. Было уже темно, как это бывает поздней осенью, поэтому на сход пришло мало людей. Из любопытства и я пришел туда. Политрук говорил много и долго, в своей речи коснулся и темы монастырей: «Монахи тунеядцы и вредители. В Советском Союзе их из-за этого не принимают на службу». Вдруг из толпы раздался голос: «Это вы тунеядцы и вредители, и на монахов не сваливайте!» Публика вздрогнула и стала расходиться. Политрук закричал: «Поднимите руки, кто за отнятие у монахов имущества и земли?» А голос из толпы ответил: «Мы имеем свою землю и монастырской земли нам не надо». В темноте все разошлись. А на другой день в волостном управлении (сельсовете) появилось сообщение: «Общим единогласным постановлением жителей Почаева от монастыря отнимаются все земли и сады». Народ в этом беззаконии участие не принимал, и жители Почаева возмущались.

Братия Лавры была глубоко тронута сочувствием жителей Почаева и их поддержкой монастыря. Наместник Лавры архимандрит Пантелеимон, посоветовавшись с архимандритом Вениамином, решил поблагодарить почаевцев. В воскресные дни вечером приходило много местных верующих в церковь на акафист Божией Матери, который служили перед Ее чудотворным Почаевским образом. В конце акафиста и молебна архимандрит Пантелеимон взошел на амвон и произнес приблизительно следующие слова: «Братие и сестры! С сего священного места, где пред нами сияет икона Божией Матери, приношу вам от своего имени и от имени братии Лавры глубокую благодарность за моральную поддержку в эти тяжелые дни». При этом он сделал земной поклон к народу. В церкви разразилось рыдание, народ плакал, братия плакала, лились слезы и из моих глаз. Тяжело было у всех на душе, и простые краткие слова эти вызвали всеобщее рыдание.

Во время торжественной всенощной под праздник Покрова Божией Матери я стоял на левом клиросе, поднимал глаза к чудотворному образу Божией Матери и, плача, молился. После всенощной я зашел к духовнику Лавры о. Кассиану, афонскому монаху, за духовным утешением. Рассказал ему о своем настроении. Смотрю, вместо утешения он сам плачет. На следующий день он тайно покинул Лавру и уехал в г. Вильно. Рассказывали, что он уехал через Литву и Германию в Грецию на Афон.

Мое пребывание в Лавре было опасным. Я решил пробираться в Варшаву, где были моя квартира и вещи. Для этого надо было тайно перейти советско-немецкую границу у Яблочинского монастыря через реку Буг. На всякий случай я взял в Почаевской Лавре в этот монастырь пропуск, который мне потом пригодился.

Простившись с архимандритами Пантелеимоном и Вениамином, помолившись у св. иконы Богоматери и у мощей св. преп. Иова Почаевского, я отправился в путь. На прощание я подарил о. Вениамину свой фотоаппарат и золотые рубли, которые не хотел иметь при себе. Из Почаева ехал автобусом, переполненным почаевскими евреями, а из Кременца добирался поездом в Брест. Ночевал на вокзале в Ковеле вместе с большой толпой польских беженцев с детьми. Везде, в Почаеве, Кременце, Бресте и других местах своего пути я насмотрелся на дерзкое поведение молодых евреев. Вели они себя нагло, вызывающе – это племя резко переменилось к худшему при большевиках. В Польше они такими не были, а здесь везде старались прибрать власть к своим рукам.

В селе Збуниче и в Дубице меня арестовывали, но меня выручал пропуск из Почаева. В условленное время поздним темным осенним вечером меня перевезли на лодке из села Дубицы барышни, они были церковными певчими. Страшно было на реке, думалось тогда, что вот-вот нас заметят советские пограничники, осветят ракетой место нашего нахождения и всех обстреляют – я молился Богу. К противоположному берегу причалили благополучно, я вышел из лодки, а барышни возвратились в село. Страшная и рискованная переправа сошла благополучно. Господь сохранил от напасти.

В селе Новоселки я переночевал у монастырского диакона, его матушка высушила мою мокрую одежду. На другой день я вместе с диаконом пришел в Яблочинский монастырь, у его ворот стояла немецкая стража. Дежурный немецкий патруль отдал нам честь. И вот я снова в монастыре, словно у себя дома очутился – радость и благодарение Богу! Настоятель монастыря, его наместник и братия были моими давними друзьями. Но они не знали, откуда я к ним пришел. Я боялся немцев и поспешил уехать в Варшаву. Железнодорожная станция находилась приблизительно в 20-ти километрах от монастыря, и мне пришлось ехать туда на нанятой подводе. До войны станция находилась через реку Буг, но там теперь были большевики.

Бывшая красавица Варшава произвела на меня жалкое впечатление: многие дома были полностью разрушены, другие стояли без крыш и окон; трамваи, извозчики и такси не курсировали. Тротуары были заполнены пешеходами, и я с вокзала шел пешком, а мой чемодан везли на тележке носильщики. В толпе они скрылись, и я остался без своих вещей, мне было обидно, что всю трудную дорогу вез чемодан, а рядом с домом меня обокрали.

Митрополичий дом и кафедральный собор стояли невредимыми. Здесь я встретил друзей и знакомых, которые рассказали, что во время боев они сидели в Пещерной церкви под собором несколько дней без еды и воды. Моя квартира в интернате была занята пострадавшими от бомбежек. Я зашел к митрополиту, он принял меня с радостью, по-отечески, предложил мне поселиться в своем доме, что я с радостью исполнил. На обеды митрополит меня звал к себе, так как в то время я был безработным архимандритом. Мое прежнее положение при интернате было потеряно, университет был закрыт, часть его была сожжена, и немцы не позволяли полякам открыть даже школы. С продуктами было совсем плохо.

Вскоре моего приезда в Варшаву, а это было в половине ноября 1939 года, немецкое гестапо (военная жандармерия) вызвало митрополита Дионисия на допрос. Поводом для этого были ябеды на него со стороны русских организаций, которые были недовольны им и его деятельностью как главы Автокефальной Православной Церкви в Польше. Одной из таких организаций было «Братство Ревнителей Православия», учрежденное наспех и возглавленное профессором богословского факультета, которого митрополит выписал из Болгарии и устроил на профессорскую кафедру. Об этом мне сказал сам профессор, за что я на него обиделся и не пожелал с ним более общаться, так как проявлений человеческой подлости я не терпел. Русские эмигрантские круги в Варшаве действовали против митрополита Дионисия, желая иметь своим митрополитом немца Серафима Берлинского и Германского, который принадлежал к РПЦЗ. С помощью немецкого гестапо они надеялись достигнуть своей цели.

Немцы стали искать и другого повода для ареста митрополита Дионисия. После продолжительных допросов и мучений его посадили под домашний арест в собственной квартире, а его келейника Игоря, студента-богослова, назначили стражем и телохранителем. Тот, выслуживаясь перед немцами, строго держал своего митрополита. Впоследствии этот студент был рукоположен митрополитом Берлинским и Германским Серафимом во священника, и он сам мне потом рассказывал, что так сильно ненавидел митрополита Дионисия, что готов был своею рукою застрелить его. Между прочим, владыка Дионисий любил этого келейника Игоря, доверял ему, материально помогал и считал его верным другом. Как легко можно ошибаться в людях! Иерей Игорь очутился в США и служил в Американской Митрополии.

Гестапо, посадив митрополита Дионисия под домашний арест, предъявило ему условие: или отречься от кафедры в Варшаве, или отправиться в концентрационный лагерь в Дахай – на самую мучительную смерть, так как редко кто выходил из этого места живым. Митрополит предпочел отказаться от своей Митрополии и передать ее митрополиту Серафиму (Ляде), за что немцы разрешили ему переселиться на свою дачу в Отвоцке

(30 км от Варшавы) и там жить в качестве частного лица. Добавлю, что свой отказ от кафедры владыка оформил письменно и передал это заявление в гестапо.

Митрополит Серафим этого и ожидал. Он уже не помнил о том, что владыка Дионисий еще в октябре месяце принимал его в Варшаве и подарил на память драгоценную панагию. Русские эмигрантские круги торжествовали свою победу, ведь они своего добились.

Когда немцы освободили митрополита Дионисия из-под ареста, и он стал собирать вещи для проживания в Отвоцке, его келейник Игорь немедленно куда-то сбежал. Надо сказать, что отъезд митрополита Дионисия произошел в трогательной обстановке. В сопровождении иподиаконов в облачении, владыка вошел в Пещерную церковь кафедрального собора без славы и мантии и направился в алтарь. Там он молился некоторое время. Митрополичий хор пел ирмосы Великой Субботы: «Волною морскою». Пели тихо и торжественно. Митрополит вышел из алтаря и начал благословлять подходивших к нему за благословением, многие плакали. В церкви кроме духовенства и хористов было несколько десятков прихожан. Благословив всех, владыка тихо вышел из церкви в сопровождении иподиаконов, сел в свой автомобиль и шофер повез его в Отвоцк. Мы тогда почувствовали себя сиротами.

Вскоре после отъезда митрополита Дионисия гестапо арестовало его секретаря С. Ю. Юденко и правителя дел Синода Ю. Г. Рощицкого. Обоих увезли в концлагерь Дахау, где они погибли. Секретарь духовной консистории скрылся в Яблочинском монастыре. Отсюда он перешел нелегально границу на советскую сторону и поселился у своих друзей в Кременце. Вместе с ним был помощник митрополита по кафедре пастырского богословия в университете, после войны он возвратился в Варшаву и занимал должность в коммунистическом министерстве по вероисповедным делам. Умело приспособился.

Митрополит Серафим долго не приезжал в Варшаву, чтобы возглавить Митрополию после владыки Дионисия. Церковная жизнь все же протекала по заведенному порядку, а я оставался без назначения и службы. Жил на свои средства у своих друзей на квартире. Меня, бездомного, приютил архимандрит Филофей, ключарь кафедрального собора.

Перед праздником Рождества Христова приехали из Яблочинского монастыря мои друзья архимандриты Митрофан и Мстислав. Они пригласили меня переехать на жительство в эту святую обитель, я принял их приглашение с радостью, и вместе с ними уехал из Варшавы. Мне было хорошо в монастыре: монахи, ежедневные Богослужения, интеллигентное общество епископа Тимофея, упомянутых архимандритов, поэта Вадимова-Лисовского и др. В монастыре электричества не было, свои келии монахи освящали лампадами и свечами. Долгие вечера мы коротали в келии епископа Тимофея, иногда играли в преферанс. Учили меня этой

игре, но ничего из этого не вышло. Днем выходили по колено в снегу пилить деревья возле монастыря для кухни и келий. Мороз стоял трескучий, я простудился и заболел, вместе со мной заболел и секретарь Варшавской духовной консистории Р. А. Кикец. Врачей не было, мы лежали с ним в постелях без помощи. Пища была очень скудная, но, несмотря на все это, я чувствовал себя счастливым.

В монастыре стояла немецкая пограничная стража. При переходе границы по реке Буг немцы ловили евреев, приводили в участок, делали обыск и куда-то отправляли. Молодых евреек немцы насиловали. Братия монастыря боялась немцев, хотя их они не трогали.

В марте 1940 года я получил письмо из Грубешова от благочинного протоиерея Григория Митюка. После войны он был хиротонисан в Канаде во епископа для Украинской Церкви, потом был избран ее митрополитом. Тогда он был скромным батюшкой. В письме сообщалось, что митрополит Серафим в Варшаве назначил меня настоятелем прихода в Турковичах. Это неожиданное назначение меня обрадовало. Немедленно собрался и уехал из монастыря в Турковичи, где я служил ранее в 1932 году.

По бездорожью с большим трудом добрался до моих любимых Туркович. Мои бывшие прихожане встретили меня с удивлением и с большой радостью. Моя церковь на кладбище и колокольня были разрушены поляками в июне 1938 года, Богослужения я стал совершать в древней церкви в ограде бывшего Турковичского монастыря. Квартира находилась в бывшем причтовом доме, здесь я застал пять монахинь с настоятельницей Магдалиной, и мы начали организацию монастыря. Наши монастырские постройки заняли под приют для детей католические монахини, они злобно посматривали на нас, но молчали, и мы их не задевали.

Я сразу же принялся за работу по восстановлению монастырской жизни в Турковичах, вместе с настоятельницей ходатайствовал у немецкого уездного начальника в получении участка земли под огород. Получив землю, мы распахали огород, посадили картофель и разные овощи. Монахини стали обзаводиться хозяйством, все свои доходы от треб я отдавал на монастырские нужды, скоро приехали другие монахини и в монастыре жило уже 12 инокинь. Местные жители были довольны успехами обители и охотно во всем нам помогали.

Весть о нашем монастыре распространилась в округе и дошла до Берлина. Немцы к нам стали присылать беженцев из советской зоны, несколько десятков мы разместили в корпусе польских монахинь, мы им стали помогать их устроить, но беженцы скоро разъехались в разные стороны.

После беженцев немцы прислали к нам на поселение большую группу евреев, которых поселили в бывшем Народном доме. Эти люди стали выполнять тяжелую работу по урегулированию русла реки Гачвы – они были жертвами немецкой политики. Через месяц их всех куда-то угнали.

Без «гостей» наш монастырь не оставался, скоро к нам приехали украинцы и устроили летний молодежный лагерь с палатками. Вели себя весьма хорошо, и нам это было приятно. Но польские монахини этих украинцев боялись, потому что молодежь утром и вечером пела свой гимн со словами: «Ляхам смерть! Смерть жидовсько-московський комуни!» и проч. В воскресные дни для молодежи я служил обедню, их хор пел в церкви. К нам украинцы относились почтительно, приглашали нас на свои «ватры» (костры) и концерты. С их помощью я установил на месте разрушенного поляками монастырского собора большой крест на площади.

Еще до ареста митрополита Дионисия церковно-общественные деятели испросили у него акт на выделение Холмщины в самостоятельную епархию, каковой она и была до начала первой мировой войны. Митрополит Дионисий назначил временно управляющим епархией старейшего священнослужителя – протопресвитера И. Левчука. Когда в управление Варшавской Митрополией вступил митрополит Серафим (Ляде), он не признал самостоятельности Холмской епархии и стал посещать ее приходы: Холм и Грубешов. Встречали его торжественно как епископа, но как митрополита Холмщины его не признавали. Тем временем церковная общественность предложила мою кандидатуру для епископа Холмщины, но митрополит Серафим отказался содействовать в этом важном деле, мотивируя, что предложенная кандидатура по национальности не украинец. Он предложил своего кандидата в лице игумена Александра Ловчего, служившего в Германии, но его общественность отвергла, и вопрос о хиротонии епископа для Холмщины повис в воздухе. Тогда инициативу в этом вопросе взяли в свои руки украинские политические деятели в Холме и Кракове, они выставили кандидатуру профессора Ивана Огиенко. За него был Грубешовский благочинный протоиерей Г. Митюк и некоторые украинские священники Холмщины. Чтобы сделать Огиенко популярным, его стали приглашать читать лекции народу. Украинский самостийник, патриот, в прошлом министр Украинской республики в 1919 году – он пользовался успехом. Но церковностью он не отличался.

Кандидатуру профессора Огиенко на епископство украинские деятели не стали согласовывать с митрополитом Серафимом. Они вошли в контакт с высшими немецкими властями и потребовали у них возвращения из ссылки митрополита Дионисия и удаления митрополита Серафима. Немецкое руководство готовило войну с Россией и, чтобы привлечь на свою сторону украинцев во время военных действий против большевиков, оно удовлетворило их просьбу. В сентябре 1940 года митрополит Дионисий вернулся на свою кафедру, а митрополит Серафим вынужден был покинуть Варшаву. Получилось, что украинцы выручили митрополита Дионисия из ссылки в то время, когда русские его туда загнали доносами и ябедами. В качестве благодарности украинцам митрополит Дионисий хиротонисал во епископа профессора Огиенко и еще одного украинца –

архимандрита Палладия (Руденко). Для своего викарного епископа в Варшаве митрополит Дионисий выбрал мою кандидатуру, но я решительно от его предложения отказался.

Профессора Огиенко в Яблочинском монастыре спешно постригли в монашество с именем Илларион, рукоположили во диакона и иеромонаха с возведением в сан архимандрита. Все эти степени он прошел в одну неделю. Постригал и рукополагал его епископ Тимофей. Вряд ли такой случай когда-то был в истории Православной Церкви на Руси.

Торжественная хиротония архимандрита Иллариона во епископа для Холмщины состоялась в Холме в кафедральном соборе. Хиротонию возглавил митрополит Дионисий в сослужении Чешского архиепископа Совватия (Константинопольской Патриархии) и епископа Тимофея. На торжество собралось множество священнослужителей и масса народа. Украинские деятели объявили это событие своим национальным праздником. После хиротонии состоялся многолюдный банкет в огромном зале архиерейского дома, было произнесено много речей по случаю этого события и похвал по адресу нового архиепископа Холмского и Подляшского (профессора Огиенко митрополит Дионисий за литургией в тот же день возвел в сан архиепископа).

Духовенство и население Холмщины опасались, что новый владыка займет крайний украинский курс для украинизации Богослужения, но он этого не сделал. Этим были очень недовольны украинские деятели, они организовали из школьной молодежи демонстрацию против архиепископа Иллариона с плакатами: «Гэть с москалями!». Илларион возмущался, но своей тактики не переменил.

Ко мне и к монастырю новый владыка стал относиться хорошо, он выхлопотал у немцев для монастыря денежное пособие, а меня принимал гостеприимно и выделял для ночлега комнату в архиерейских покоях. В 1941 году он приезжал в Турковичи на отпуст, и возглавил Богослужение, на которое собралось множество священников и народа.

В то время немецкие войска занимали Украину и приближались к Москве, украинцы помышляли о свободной Украине и на кладбищах делали высокие насыпи и ставили высокие кресты в память погибших за «незалежность» Украины. В Турковичах такой холм тоже был насыпан.

Начало войны Германии с Советским Союзом в июне 1941 года мы пережили без особого волнения. Немцы наступали, а советские войска отступали под натиском танков и самолетов. Сотни тысяч красноармейцев попадали к немцам в плен, их загоняли за колючую проволоку в лагеря. Поздней осенью пленные погибали от холода и голода.

Когда немцы освободили от большевиков Волынь, некоторые монахини из нашего монастыря, в том числе и игуменья Магдалина, покинули обитель в Турковичах и уехали в свои монастыри на Волыни. Двух инокинь архиепископ Илларион забрал в свой архиерейский дом вести

хозяйство. В Турковичах осталось лишь четыре инокини: наш монастырь потерял свое значение. Скорбело православное население, скорбел вместе с ним и я, так как с ужасом все понимали, что будущего у нашей обители нет. Тем временем поляки брали над православными верх.

К концу года меня стали беспокоить члены Белорусского церковного комитета из Варшавы, они настаивали, чтобы я отправился в Белоруссию на епископство. Над этим предложением я стал серьезно задумываться, но не хотел отставлять Турковичи, ведь здесь мною было затрачено много энергии и трудов. Но, видя, как церковное дело окончательно зачахло, я согласился поехать в Белоруссию, но не для епископства, а чтобы навестить своих родных и побывать на родине. С этим и поехал к владыке Иллариону рассказал ему о своей беде. Он же и слушать меня не пожелал, сказав: «Ваша кандидатура выставлена Братством Православных Богословов на епископство в Украине. Пока это произойдет, я теперь назначаю вас ректором Духовной академии в Холме, которую открываю». Он соблазнял меня такими предложениями, но я отказался от них, так как ясно сознавал, что ничего из этого не выйдет. После долгих рассуждений архиепископ Илларион все же согласился отпустить меня на родину, но с условием, что я вернусь на Холмщину. На всякий случай он выдал мне отпускную грамоту.

На свое место в Турковичах я пригласил своего друга из Яблочинского монастыря архимандрита Митрофана, а сам уехал в Варшаву, где встретил Рождество Христово. Я ни с кем не прощался, так как предполагал вернуться, но Господь меня повел иным путем, спасая от неминуемой гибели. Во время войны в окрестностях Туркович стали появляться советские и польские партизаны, бандиты нападали на православных и убивали их целыми семьями. В тяжелые дни 1942-1943 годов мои прихожане были без пастыря, так как о. Митрофан в это время их уже оставил, и они гибли от рук польских партизан. Оставшиеся в живых после войны уехали либо в Советский Союз, либо в глубину Польши. Православной Холмской Руси более не существует.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛЬШЕ

Турковичи стали последним пунктом моей пастырской деятельности не только на Холмщине, но в и Автокефальной Православной Церкви в Польше. Назначали меня на служение в разных местах и на разные должности, но Турковичи я любил больше всего, потому что там много страдал.

В Автокефальной Православной Церкви в Польше я родился духовно, стал ее священнослужителем, служил в ней ревностно и по совести, там получал свои награды и отличия – она была моей духовной Матерью, воспитавшею меня в мужа совершенна. Поэтому я хочу посвятить ей несколько строк.

Эта Церковь начала свое существование после первой мировой войны в пределах независимого новообразовавшегося Польского государства. Организатором и первым ее митрополитом был бывший Минский и Туровский архиепископ Георгий (Ярошевский), академик, бывший ректор С. Петербургской духовной академии. Его 8 февраля 1923 года застрелил из револьвера архимандрит Смарагд (Латашенков), академик, ректор духовной семинарии в Вильно. На место покойного был избран Синодом архиепископ Волынский и Кременецкий Дионисий (Валединский). Этот митрополит завершил организацию Церкви и получил автокефалию от Константинопольского Патриарха 13 ноября 1924 года. Именно с этого дня Православная Церковь в Польше и стала автокефальной, а митрополит Варшавский и всея Польши стал носить титул «Блаженнейший».

Церковь имела пять епархий: Варшавско-Холмская, Волынская, Виленская, Гродненская и Полесская. В каждой епархии существовали мужские и женские монастыри, всех было числом 15. Почаевская Лавра занимала особое место в Польше, она имела огромное значение для православного населения страны. Все монастыри имели свое историческое прошлое.

Для подготовки пастырей были открыты две духовные семинарии: в Вильно, Кременце и богословский факультет в Варшавском университете. Кроме того, существовала диаконско-псаломщицкая школа в Яблочинском монастыре и курсы псаломщиков и регентов в Кременецкой обители. В Почаевской Лавре была открыта иноческая школа для монахов. Все эти учебные заведения готовили священников и церковных служителей.

Всенародная перепись населения в Польше 1931 года указала на 3 789 000 душ населения православного вероисповедания. Принимая во внимание натуральный прирост населения и недобросовестность махинаторов-переписчиков, в начале 1939 года в Польше проживало более 5 000 000 православных жителей. Приходских и приписных храмов во всех епархиях насчитывалось более двух тысяч, не считая центральных областей Польши, где почти все православные церкви были отняты польскими властями и переделаны в католические костелы или же совсем разрушены. На Холмщине были разрушены 113 православных храмов только в июне 1938 года. Так что всех православных храмов в Польше вместе с отобранными и разрушенными поляками было около 2 500. Статистика того времени указывала, что по языковой принадлежности в Польше проживали 4 501 000 украинцев, 1 698 100 белорусов, 168 700 русских. В графе «украинский язык» числились галичане – около 3 000 000 человек. Жители Полесья не определили своего языка и называли его «тутэйшим». Из них одна часть говорила на белорусском языке, другая часть говорила на украинском. Были в Польше и православные чехи, но статистика их не учитывала.

* * *

В следующих главах воспоминаний владыка Афанасий (Мартос) рассказывает о своих архипастырских трудах в оккупированной немцами Беларуси, горьком беженстве на чужбине, епископстве в Германии, Австралии и Аргентине в юрисдикции РПЦЗ.

Publikacje członków redakcji periodyku „Orthódoxi Evrópi” za 2023 r.

Publications of editorial staff of the “Orthódoxi Evrópi” periodical for 2023

Публикации редакции журнала „Orthódoxi Evrópi” за 2023 год

Książki / Books / Книги:

1. Antoni Mironowicz, *Monaster Przemienienia Pańskiego w Kobryniu,* Białystok 2023, ed. Laboratory of the History of Central and Eastern Europe at the University of Bialystok, pp. 102.
2. Antoni Mironowicz, *The road of the Orthodox Church in Poland to autocephaly*, Białystok 2023, ed. Laboratory of the History of Central and Eastern Europe at the University of Bialystok, pp. 98.
3. Antoni Mironowicz, *Cerkiew prawosławna w Polsce i jej droga do autokefalii*, Warszawa 2023, ed. Publishing House of the Warsaw Orthodox Metropolis, pp. 160.
4. Antoni Mironowicz, *Prawosławie w Gdańsku. Historia i współczesność*, Gdańsk 2023, ed. Publishing House Orthodox Parish of St. Nicholas in Gdańsk, pp. 148.

Artykuły / Articles / Статьи:

1. A. Mironowicz, *Metropolita Jerzy Jaroszewski i jego dążenie do autokefalii Cerkwi prawosławnej w II Rzeczypospolitej*, „Wiadomości PAKP”, Warszawa 2023, № 2 (399), pp. 13-16. ed. Publishing House of the Warsaw Orthodox Metropolis.
2. A. Mironowicz, *Protopop Nestor Kuźmicz – obrońca prawosławia*, part. I., „Cerkiewny Wiestnik”, R. LXX, № 2, Warszawa 2023, pp. 48-63. ed. Publishing House of the Warsaw Orthodox Metropolis.
3. A. Mironowicz, *Protopop Nestor Kuźmicz – obrońca prawosławia*, part. II., „Cerkiewny Wiestnik”, R. LXX, № 3, Warszawa 2023, pp. 42-54. ed. Publishing House of the Warsaw Orthodox Metropolis.
4. A. Mironowicz, *Autokefalia Cerkwi Prawosławnej w Polsce w 1924 roku na tle polityki wyznaniowej w II Rzeczypospolitej*, „Cerkiewny Wiestnik”, R. LXX, № 4, Warszawa 2023, pp. 49-61. ed. Publishing House of the Warsaw Orthodox Metropolis.

5. A. Mironowicz, *The Orthodox Church in the Polish during the reign of the two last Piast kings*, „Orthódoxi Evrópi. Studia do dziejów Kościoła prawosławnego w Europie Wschodniej”, Rocznik Pracowni Historii Kościoła UwB, vol. 6, Białystok 2023, pp. 11-46.
6. A. Mironowicz, *Bielska Ikona Matki Bożej*, [in:] *Bielska Ikona Matki Bożej i żywoty świętych*, Bielsk Podlaski 2023, pp. 7-13.
7. A. Mironowicz, *Monastery w Wielkim Księstwie Litewskim*, „Przegląd Prawosławny”, № 7(457), 2023, pp. 25-29.
8. A. Mironowicz, *Polish Orthodox Church. The way to autocephaly: Canonical and Ecclesiasiastical Struggle*, „Orientalia Christiana Analecta”, Romae 2023, pp. 521-560, ed. Pontificio Istituto Orientale.
9. Antoni Mironowicz, *Powołanie eparchii uhrowskiej (chełmskiej)*, „Latopisy Akademii Supraskiej”, vol. XIV, ed. A. Nowak and M. Kuczyńska, Białystok–Kraków 2023, pp. 69-97. Publishing House Akademii Supraskiej.
10. A. Mironowicz, *Nauczyciele Akademii Ostrogskiej*, „ΕΛΠΙΣ”. Czasopismo Katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku”, № 25, 2023, pp. 35-40. https://doi.org/10.15290/elpis.2023.25.03
11. A. Mironowicz, *O początkach monasteru św. Onufrego w Jabłecznej*, „Rocznik Bialskopodlaski”, t. XXXIII, 2023, pp. 7-23.
12. A. Mironowicz, *Projekty edukacyjno-naukowe w przezwyciężeniu kryzysu demokracji na wschodnim pograniczu Unii Europejskiej (rekonesans problemu)*, [in:] *Wielokulturowość Europy Środkowo-Wschodniej: doświadczenia przeszłości i wyznania teraźniejszości*, ed. J. Getka i J. Grzybowski, Warszawa 2023, pp. 253-259, ed. University of Warsaw.
13. A. Mironowicz, *Protopop Nestor Kuźmicz – obrońca prawosławia*, [in:] *Unia brzeska. Zwodnicza iluzja zjednoczenia chrześcijan Wschodu i Zachodu*, ed. Abel (Popławski) and Jerzy (Pańkowski), Warszawa 2023, pp. 153-182. Scientific Publishing House of the Christian Theological Academy.
14. A. Mironowicz, *Stulecie uzyskania autokefalii przez Cerkiew prawosławną w Polsce*, „Цєрковний Калєндар” на 2024 р., Gorlice 2023, pp. 132-181. Publishing House of the Orthodox Diocese of Przemyśl-Gorlice.
15. А. В. Миронович, *Православная церковь в Генерал-губернаторстве в 1939-1944 годах* [в:] *Христианские конфессии оккупированной территории СССР: 1941-1944 гг.*, Москва 2023, pp. 87-101, 285-288, 295-298, 300, ed. Свято-Филаретовский православно-христианский институт.
16. А. В. Миронович, *В службе Церкви и людям* [в:] *Добрый пастырь архимандрит Гавриил Гиба*, Словакия 2023, pp. 7-10.
17. А. В. Миронович, *Божий дар* [в:] *Добрый пастырь архимандрит Гавриил Гиба*, Словакия 2023, pp. 10-13.
18. U. Pawluczuk, *Монастырь свт. Николая в Мельцах на Полесье (1918-1939),* „Orthódoxi Evrópi. Studia do dziejów Kościoła prawosławnego w Europie Wschodniej”, Rocznik Pracowni Historii Historii Kościoła UwB, vol. 6, Białystok 2023, pp. 118-129.
19. U. Pawluczuk, *Neounia w II Rzeczypospolitej,* [in:] *Unia Brzeska zwodniczą iluzja zjednoczenia chrześcijan Wschodu i Zachodu*, ed. Abel (Popławski) and Jerzy (Pańkowski), Warszawa 2023, pp. 305-316. Scientific Publishing House of the Christian Theological Academy.

20. M. Mironowicz, *Life of St. Athanasius, Brest Ihumen*, „Orthódoxi Evrópi. Studia do dziejów Kościoła prawosławnego w Europie Wschodniej", Rocznik Pracowni Historii Kościoła UwB, vol. 6, Białystok 2023, pp. 87-93.
21. M. Mironowicz, *Wojszełk pierwszy prawosławny władca Wielkiego Księstwa Litewskiego*, „Биельский Гостинец", № 67, Bielsk Podlaski 2023, pp. 3-5.
22. M. Mironowicz, *Historia monasteru supraskiego ze szczególnym uwzględnieniem reguł monastycznych*, „Białoruskie Zeszyty Historyczne", t. LVI, Białystok 2023, pp. 26-54.
23. M. Mironowicz, *Losy Atanazego Filipowicza i Jozafata Kuncewicza w zwierciadle relacji prawosławno-unickich*, [in:] *Unia Brzeska zwodniczą iluzja zjednoczenia chrześcijan Wschodu i Zachodu*, ed. Abel (Popławski) and Jerzy (Pańkowski), Warszawa 2023, pp. 285-294. Scientific Publishing House of the Christian Theological Academy.
24. M. Mironowicz, *Święci męczennicy i wyznawcy związani z monasterem św. Onufrego w Jabłecznej,* „Latopisy Akademii Supraskiej", vol. XIV, ed. A. Nowak and M. Kuczyńska, Białystok–Kraków 2023, pp. 335-350. Publishing House Akademii Supraskiej.